

ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры»

*На правах рукописи*

**ШАРАБАРИН Сергей Михайлович**

**КНИГА В КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИКАХ:  
ГЕНЕЗИС, СЕМИОТИКА, ТРАНСФОРМАЦИИ**

24.00.01 – Теория и история культуры

Диссертация

на соискание ученой степени  
кандидата философских наук

Научный руководитель:  
доктор философских наук,  
профессор В.П. Римский

Белгород – 2018

## СОДЕРЖАНИЕ

<b>ВВЕДЕНИЕ</b>	3
<b>ГЛАВА I. Генезис книги в традиционных цивилизациях</b>	13
1.1. Книга как предмет философско-культурологического исследования	13
1.2. Культурная семиотика мифа и происхождение письменности	31
1.2. Книга в древневосточных культурно-цивилизационных системах	52
<b>ГЛАВА II. Книга в европейском культурно-цивилизационном регионе</b>	78
2.1. Письменность и книга в античной и ранней христианской цивилизациях	78
2.2. Печатная книга и культурный переворот в Европе эпохи модерна	108
<b>ЗАКЛЮЧЕНИЕ</b>	127
<b>БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК</b>	130

## ВВЕДЕНИЕ

**Актуальность темы исследования.** В основании культурно-цивилизационных систем лежат социальные технологии, которые воплощены в культурных кодах и знаково-символических формах, как носителях исторической памяти. Знаково-символические формы представляют собой конкретно-исторические языки, значения и смыслы которых зафиксированы, прежде всего, в естественных языках, устных и письменных, а также в метаязыках более высокого уровня, возникших органически (например, миф, фольклор, религия) или искусственно (литература, наука). В культурных кодах и языках различного уровня, как знаково-символических формах, происходит сжатие информации, социального опыта и экзистенциальных смыслов, возникающих в деятельности человека и человеческих сообществ.

Развитие культуры необходимо изучать не как фрагментированные временные отрезки, отличающиеся друг от друга качественными и количественными характеристиками, а как процесс органической трансформации целостного человеческого разума. В связи с этим появляется необходимость в научном и философском понимании эволюции человеческой культурно-исторической памяти от мифа до появления письменности и первой печатной книги.

Книга, рукописная и печатаная, на порядок ускорила процесс обмена и сохранения культурного опыта и стала предпосылкой создания современных средств коммуникации и информационных технологий. В нынешнюю эпоху электронных (компьютерно-медийных) средств хранения и передачи информации важно заново осмыслить процессы и события истории книги под философско-культурологическим углом зрения, поскольку они содержат в себе «секрет» культурных открытий и инновационной деятельности как таковой. Научное изучение книги как универсального и уникального

феномена актуализуется в новейшую эпоху «вытеснения» книги интернетом и электронными носителями.

Отдельной актуальной проблемой остаётся всё меньшая востребованность книги новыми поколениями, что создаёт не только угрозу утраты многих сегментов социально-исторической памяти, но и своеобразной «манкуртизацией» человека, отрывом современной цивилизации от культурно-исторического наследия.

Всё это и определило обращение в нашей диссертации к тематике философско-культурологического исследования книги, её культурогенеза и эволюции, особенностям книжной знаково-семиотической материализации социального и экзистенциального опыта.

**Степень научной разработанности проблемы.** Осмысление, рациональное и мистическое, феномена книги сопровождало всю историю человеческого знания. Но предметом именно научного изучения книга становится только в начале XX века, когда возникает специальная научная дисциплина – книговедение (идеи и работы Поля Отле). В России книговедение началось в советский период, во многом в связи с настоящей задачей массовой ликвидации неграмотности: труды А.М. Ловягина «Основы книговедения» (1926), М.Ф. Яновского «О книге: Опыт анализа понятия «книга» (1929), а также «Проблемы философии книги» (1922) М.Н. Куфаева.

XX века характерен междисциплинарным, в том числе и философско-культурологическим и культурно-семиотическим, подходом к изучению книги (работы И.Е. Баренбаума, Х.Л. Борхеса, Т.А. Бруевой, А.Г. Глухова, А.А. Говорова, В.Ю. Даренского, М.П. Ельникова, М. Зубрицкой, М.Н. Куфаева, М. Маклюэна, Б.Р. Манделя, К. Мигоня, Е.Л. Немировского, Ф. Функе, И.А. Шомраковой, Г. Н. Швецово-Водки, У. Эко, Р. Эскарпи и др.).

Отражение происхождения письменности в семиотике древних мифов исследовались Э. Вернером, А. Видеманом, А. Гейштором, А.Б. Островским, Б.А. Рыбаковым, Б.А. Семеновкером, Ю.Н. Столяровым, В.Д. Шинкаренко и др. Возникновение и эволюция письма, алфавита и книги в древневосточных культурах и религиях изучались Б.А. Тураевым (развитие древнеегипетского письма), В.В. Струве ( поэтапное развития письма и алфавита во всем древневосточном регионе), И.Д. Амусиным, С.Г. Гордоном, М.А. Дандамаевым, Д. Дирингером, Э. Добльхофером, И.М. Дьяконовым, И.Т. Каневой, Ю.Я. Перепёлкиным, В.М. Массоном, Г. Люльфингом, М.А. Коростовцевым, И.С. Кацнельсоном.

Философско-культурологические концепции мифа и религии представлены в работах западных и отечественных учёных и философов (С.С. Аверинцев, Р. Барт, М.М. Бахтин, М. Блок, Ф. Бродель, Я.Э. Голосовкер, Ж. Ле Гофф, А.Я. Гуревич, А.В. Гулыга, В.Е. Давидович, Г.В. Драч, Ю. А. Жданов, М.С. Каган, Вяч. Вс. Иванов, Э. Кассирер, Ф.Х. Кессиди, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс, А.Ф. Лосев, Ю.М. Лотман, Е.М. Мелетинский, М.К. Петров, А.В. Потёмкин, В.Я. Пропп, В.П. Римский, В.Н. Топоров, Б.А. Успенский, О.М. Фрейденберг, М. Фуко, М. Элиаде, К. Юнг и др.).

Классические труды по истории развития книги в древнегреческой и раннехристианской культуре были созданы О.А. Добиаш-Рождественской, В.А. Истриным, Е.И. Кацпржак, М. Квеннеллом, А.А. Молчановым, А. Малеиным и др. Важный вклад в изучение развития античной книги внёс известный исследователь античности В.Г. Борухович. Он показал, что именно в античное время были созданы и доработаны методы и стили оформления книги, которые в дальнейшем использовались при создании Средневековой книги. Вопросом происхождения библейских текстов Ветхого Завета в СССР занимались И.Ш. Шифман и И.А. Кривелев; раннехристианские тексты плодотворно исследовала И.С. Свенцицкая, а

также такие современные авторы, как прот. Н. Соколов, Д.Г. Добыкин, Б. Мецгер, Дж. Вайнгрин и др.

Печатная книга и культурный переворот И. Гуттенберга в Европе Нового времени исследовались в трудах Л.И. Владимирова, Н.В. Варбанец, А. Капра, Л.И. Киселевой, В.В. Лазурского, В.С. Люблинского, А. Мангуэля, Е.Л. Немировского, Ц.Г. Нессельштраус, Е.А. Ростовцева и др. Роль книги в трансформациях русской культуры достаточно подробно изучена в работах А.А. Бахтиярова, Д.М. Володихина, М.В. Кукушкиной, С.П. Луппова, А.М. Панченко, И.В. Починской, Н.Н. Розова, Б.В. Сапунова, М.И. Слуховского, Л.В. Столярова, С.М. Каштанова, М.Н. Тихомирова, Д.В. Тюличева и др.

Таким образом, данная тематика достаточно глубоко исследована в междисциплинарном научном пространстве. Анализ научного материала, касающегося данной проблемы, показал, что в настоящее время существует большое количество ценных исследований, изучающих проблему книги в трансформациях культуры, социума и мировоззрения вследствие развития письменных знаков, алфавита и книгопечатания. Однако, приходится констатировать недостаток комплексных философско-культурологических исследований, затрагивающих данную проблематику.

**Объект исследования:** *возникновение и развитие письменной традиции.*

**Предмет исследования:** *генезис и культурно-историческая трансформация книги как культурного феномена.*

**Цель исследования:** *выявление характерных особенностей формирования, трансформации книжной культуры через призму конкретных знаково-символических форм, их динамики и преемственности.*

Исходя из поставленных целей данного исследования, следует выделить следующие **задачи**:

- обосновать философско-культурологический подход к пониманию феномена книги как сопряжения сравнительно-исторического, кросскультурного, экзистенциального и культурно-семиотического методов;

- изучить взаимосвязь и преемственность таких первых исторических форм коллективного сознания человечества, как миф, религия, фольклор и литература в качестве культурно-семиотических, экзистенциальных и онтологических предпосылок возникновения письменности;

- проследить генезис письменности от пиктограммы до алфавита и письма в качестве культурно-исторической предпосылки появления первичных форм книги, связанных с институализацией образования и религии в древневосточных цивилизациях;

- рассмотреть специфику алфавита, письменности и книги в античном мире и раннехристианской цивилизации и их роль в культурно-цивилизационном развитии человечества;

- проанализировать роль печатной книги в культурном перевороте в Европе Нового времени.

**Теоретико-методологические основы исследования.** В трудах ряда исследователей развития книги сформировались апробированные теоретико-методологические подходы, в частности, ими использовались методы сравнительно-исторического и кросскультурного анализа, необходимые для выявления важных аспектов развития книги на разных этапах ее исторической трансформации.

Продолжая эту традицию, данная диссертационная работа также опирается на методы анализа и синтеза, герменевтический и системный метод, а также на синтез семиотического и экзистенциального подходов.

**Теоретическая и практическая значимость исследования.** Выводы и положения диссертационной работы могут быть использованы в практике вузовского преподавания, в разработках курсов и спецкурсов по философии, культурологии, искусствознания, библиотековедения, теории и методологии

творчества. Полученные результаты могут найти применение в ходе дальнейшей разработки проблем взаимосвязи и взаимовлияния мифологии, философии, теории и практики культуры.

#### **Научная новизна исследования:**

- обоснован философско-культурологический подход к пониманию феномена книги в возможности сопряжения сравнительно-исторического, кросскультурного, культурно-семиотического и экзистенциального методов (в том числе на основе концепции «мира как книги» Х.-Л. Борхеса и теории полиморфизма семиосферы Ю.М. Лотмана), что позволяет представить культурно-историческую феноменологию и онтологию книги, рассмотреть её как средство выражения смысла человеческого существования и утверждения диалогического статуса в культуре;

- выявлен генезис письменности в процессе трансформации культуры, при котором миф определяется как культурно-историческая и семиотическая предпосылка генезиса письменности и книги, а книга рассмотрена как фактор стабильности текстов культуры, поскольку письменная фиксация разрушила синкретическую цельность традиции, отделив слово от его контекста, от ритуала, танца, магического заклинания, живого звучания и жеста;

- установлено, что с появлением письменности фактор стабильности текстов культуры доминирует над изменчивостью, письменная фиксация разрушает синкретическую цельность традиции, отделяя слово от его контекста, от живого звучания и жеста, формируются первые алфавиты как предпосылка преемственной роли знаково-семиотических форм первых систем письменности, связанных со сменой семиотики книги в ходе трансформаций культурных парадигм в цивилизациях Древнего Востока;

- показана специфика трансформации книжной культуры в античной Греции и в ранний христианский период, главная тенденция которой состояла в формировании «образа мира» по модели Книги как базового



символа культуры в двух его проявлениях – Священного Писания и Книги Природы, – последняя из которых стала основой науки Нового времени;

- сформулирован общий принцип генезиса, семиотики и трансформации книги в культурных практиках различных эпох, что позволило обосновать на основе изучения книжной культуры концепцию смены семиотических систем книги после изобретения книгопечатания и в ходе трансформации культурных парадигм в эпоху Нового Времени.

#### **Положения выносимы на защиту:**

1. Выход за рамки тривиальных представлений об «онтологии» книги и её культуросозидающей функции возможен в рамках понимания книги как онтологической «модели мира» и особого динамического субъекта культуры, обладающего диалогическим статусом. Выход за рамки тривиальных представлений об «онтологии» книги и её культуросозидающей функции возможен в рамках понимания книги как «модели мира» и особого динамического субъекта культуры, обладающего диалогическим статусом. Книга сохраняет и постоянно актуализирует особую функцию в культуре в первую очередь благодаря своему воздействию на экзистенцию человека как особое, ничем другим не заменимое средство смысложизненной рефлексии, воспроизводя модель целостного осмысления мира и человека.

2. Первой исторической предпосылкой генезиса феномена книги было мифическое сознание, понимание которой важно не только для понимания процессов возникновения книги, но и выявления изначальной включенности образа книги в общую мифологическую «картину мира». В форме мифа происходит первичный переход от образного к знаково-символическому мышлению, на котором и основана книжная культура. Изучение семиотики мифов и его роли в генезисе письменности подтверждает концепцию онтологии книги как целостного образа мира, указывая на ее древнейший источник.

3. Источником письменности и алфавита явились миф, практическое знание, религии, фольклор и литература, которые придавали человеческой деятельности и бытию жизненный смысл и рационализировали повседневность, пусть и порой в мистическом виде. Письменный знак в цивилизациях Древнего Востока приобретает статус релевантного, образного, универсального, мотивированного символа и становится неотъемлемой частью культурной памяти народов. Первые алфавиты, как культурные феномены, и книги, как символические модели восприятия мира и смысложизненных ориентаций человека, органически встраиваются в культуры соответствующего цивилизационного региона, времени и пространства примерно в середине II тыс. до н. э.

4. В таких культурно-цивилизационных системах, как древнегреческий и древнеримский полисы, книга получает новый импульс в технологическом, знаково-символическом и содержательно-смысловом развитии, когда формируются новые стили форматирования книги, иллюстрирования и возникает многообразие литературно-художественного, жанрового структурирования текста. Формат книги-кодекса (религиозного и светского) в новой книжной культуре побеждает более архаичную книгу-свиток. Можно констатировать утверждение в контексте государств-полисов и эллинистических империй новой знаково-семиотической системы, которая в ранней христианской культуре (Библия как Книга книг) трансформирует книжные символические «образы мира» и становится знаково-символической моделью личностного духовного развития.

5. Изобретение печатного станка в «эру Гутенберга» не только технологически изменяет рукописную книгу, но и перекодирует печатный текст в новую семиотическую систему, которая окончательно вытесняет устную традицию, способствует цивилизационной модернизации, секуляризации, рационализации производства и экономики, распространению научно-технических знаний в Европе «нового времени» и

смене культурной парадигмы традиционализма цивилизацией модерна. Цивилизация модерна переходит к принципиально новым, массовым способам накопления знания, передачи информации и транслирования смыслов человеческого существования. Печатная книга изменяет культурные коммуникации, способствует сжатию цивилизационного пространства и ускорению времени человеческого существования. Современная эпоха с её совершенными технологиями хранения и передачи информации искажает культурные образ книги и способы работы с текстами, но не отменяет основных принципов «семиотики Гутенберга», связанной со смыслами человеческого существования в эпоху позднего модерна.

**Личный вклад автора** диссертационной работы заключается в постановке и решении проблемы генезиса книги, как важной составляющей цивилизации, в систематизации исследований ведущих ученых в области развития книги и письменности, рассмотрении вопроса появления книги, в контексте неразрывной связи таких понятий, как миф, фольклор и письменность, роли книги в современной культуре. Личный авторский вклад представлен в обосновании теоретической и научно-практической значимости работы, внедрении её результатов; в подготовке научных публикаций, отражающих основные положения исследования.

**Апробация работы.** Автор принимал участие в ряде научных конференций, в том числе: Всероссийская научно-практическая конференция студентов, магистрантов, аспирантов и молодых учёных, посвященная 70-летию Победы в Великой Отечественной войне и 55-летию Белгородского государственного института искусств и культуры «Культурные тренды современной России: от национальных истоков к культурным инновациям» (г. Белгород, 16-17 апреля 2015 г.); IV Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция студентов, магистрантов, аспирантов и молодых учёных «Культурные тренды современной России: от национальных истоков к культурным инновациям» (г. Белгород, 14-15 апреля

2016 г.); Всероссийская научно-практическая конференция студентов, магистрантов, аспирантов и молодых учёных «Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики» (Белгород, 25-26 февраля 2016 г.); Международная научная конференция «XXIX Петровские чтения. Наследие М.К. Петрова: история философии, культурология, науковедение и регионалистика» (Ростов-на-Дону, 21 апреля 2016 г., Белгород, 25-26 апреля 2016 г.); IV Международная научно-практическая конференция: «Интеграция науки и практики в современных условиях» (г. Таганрог, 20 июня 2016 г.); VI Международная научно-практическая конференция «Проблемы теории и практики современной науки» (г. Таганрог, 19 сентября 2016 г.).

Диссертация обсуждалась на аспирантском семинаре, заседаниях кафедры философии, культурологи, науковедения БГИИК и рекомендована к защите.

По теме диссертации опубликовано 9 научных работ общим объемом 3,4 п.л., в том числе 3 статьи в журналах из списка ВАК РФ.

# ГЛАВА I. ГЕНЕЗИС КНИГИ

## В ТРАДИЦИОННЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЯХ

В данной главе мы ставим перед собой такую общую задачу, как исследование культурно-исторического процесса возникновения и развития книги как особой знаково-символической системы хранения социально-исторической памяти и феномена социокультурной динамики

### *1.1. Книга как предмет философско-культурологического исследования*

В первом параграфе мы ставим перед собой задачу рассмотрения оснований философско-культурологического подхода к пониманию феномена книги и возможности синтеза сравнительно-исторического, кросскультурного, культурно-семиотического и экзистенциального методов исследования многообразных явлений в диахронной и синхронной динамике культурно-цивилизационных систем.

Прежде всего, следует отметить, что в последние десятилетия культурогенез и феномен книги из специфического предмета книговедческих исследований стал важной темой для научного и философско-культурологического осмысления, поскольку судьба книги является средоточием фундаментальных изменений в культурном бытии человека<sup>1</sup>. Так, в статье под знаменательным заглавием «Не делает ли Гугл нас глупее?» Н. Карр пишет о широко распространенном современном феномене: чем больше люди пользуются Интернетом, тем труднее им сосредоточиться для чтения объемных текстов<sup>2</sup>. Этой же тематике посвящена и знаковая книга У. Эко и Ж.-К. Карьера «Не надейтесь избавиться от книг!»<sup>3</sup>. В последние годы на Западе возникло движение «Читать медленно!», ставшее частью

---

<sup>1</sup> Черняк А.Я. История книги как наука: (Опыт конструирования научной дисциплины) // Книга. Исследования и материалы. Сб. 59. М., 1989. С. 47.

<sup>2</sup> Carr N. Is Google making us stupid? // Atlantic Monthly. 2008. Vol. 32, № 1. P. 61.

<sup>3</sup> Карьер Ж.-К., Эко У. Не надейтесь избавиться от книг! СПб., 2010.

более широкого движения за «медленную жизнь». Инициатор движения за медленное чтение – Джон Медема (John Medema)<sup>4</sup>. Идеология движения в состоит в свободе выбирать темп чтения, возрождении культуры «задумчивого» чтения вопреки давлению современного общества, вынуждающего читать потому, что «это нужно прочитать» как можно быстрее<sup>5</sup>. Российский исследователь Д.К. Равинский подвел итог новейшим исследованиям на эту тему следующим образом: «Панические заявления о гибели книги в наступившую эпоху не стоит воспринимать слишком уж серьезно. Но обязанностью интеллигентного сообщества в наше время должна стать защита книги и чтения. Защита в широком понимании – в том числе пропаганда и продвижение»<sup>6</sup>.

О происхождении книги говорят ее названия в разных языках: например, латинское *liber* означает «лыко», снятую с дерева кору, на которой делали записи; английское *book* восходит к слову «бук», одному из названий дерева, т.к. на севере Европы для письма использовались деревянные дощечки. Русское слово «книга» производно от тюркского «кюниг» или «кюин», происходящему от китайского «цзюань» – свиток<sup>7</sup>. Столь же интересна этимология литературы и письменности: «Римляне называли литературу попросту «*litterae*» – «буквы» (в этом за латинским языком следует французский со своим «*belles lettres*»)»<sup>8</sup>, – отмечал С.С. Аверинцев.

Первые подходы к изучению письменности и книги возникают в древности. Так, Геродот в сочинении о Египте «Евтерпа» (445 г. до н.э.) описывает папирусные книги и таблички, а также письмена (иератические и демотические)<sup>9</sup>. О происхождении письма, папирусных книг и библиотек

---

<sup>4</sup> Love J. Reading fast and slow // *American Scholar*. 2012. Vol. 81, № 2. P. 64-72.

<sup>5</sup> Peters T. The future of reading // *Library Journal*. 2009. Vol.134, №18. P. 18-22.

<sup>6</sup> Равинский Д.К. Судьбы книги, судьбы чтения: о чем спорят зарубежные специалисты // Чтение в XXI веке: традиции и тенденции: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 29–30 мая 2014 г.). Екатеринбург, 2014. С. 137.

<sup>7</sup> Говоров А.А. О древнерусском происхождении слова «книга» // *Букинистическая торговля и история книги*. Вып. 1. М., 1990. С. 14.

<sup>8</sup> Аверинцев С.С. *Поэтика ранневизантийской литературы*. СПб., 2004. С. 188.

<sup>9</sup> Геродот. *История в девяти книгах*. Л., 1972. С. 91, 109.

писали историки Гекатей и Плиний. Изучали историю письма отцы Церкви (Климент Александрийский), а византийцы (патриарх Фотий, Свида и Хрисолор) оставили нам подробные перечни книг, описывая историю их происхождения. И в античности мы встречаем несколько, сложное и противоречивое отношение к письменности и книге: от скептического и профанирующего до игрового и религиозно-мистического.

В словаре В.И. Даля мы находим такие общеупотребительные определения слова «книга», которые близки нашему, современному понимаю: 1) «сшитые в один переплет листы бумаги или пергамена» (это форма книги как материального предмета); 2) «писание, все, что в книге содержится» (то есть, содержательная сторона понятия); 3) «раздел, отдел в обширном письменном сочинении» (то есть, структурный аспект)<sup>10</sup>. Тем самым, наши обыденные коннотации слова «книга» связаны с информацией и распространением знаний, что явно мало для нашего философско-культурологического осмысления.

В Новое время книга начала изучаться специалистами-библиографами: например, в труде Г.Ф. Де Бюра «Наставительная библиография» (Париж, 1763-1782) есть глава об истории книги с самых древних времен<sup>11</sup>. В России специально изучаются данные по истории книги митрополитом Евгением (Болховитиновым) (1767-1837), В.С. Сопиковым (1765-1818), К.Ф.Калайдовичем (1792-1832), П.М. Строевым (1796-1876) и другими учеными. Первой научной историей книги, охватывающей все направления, стал «Очерк истории книги» (Одесса, 1887) профессора А.И. Кирпичникова (1845-1903)<sup>12</sup>. Так закладывались основы книговедения как специальной научной дисциплины.

---

<sup>10</sup> Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка (современное написание слов). М., 1998. С. 2071.

<sup>11</sup> Подробнее см.: Мандель Б.Р. Книжное дело и история книги. М., 2014; Фомин А.Г. Книговедение как наука. История и современное состояние. Л., 1931. С. 8-10.

<sup>12</sup> Об истории книговедения как научной дисциплины подробнее см.: Харламов В.И. К вопросу об истории книги как историко-культурной дисциплине // Книга. Исслед. и материалы. Сб. 53. М., 1986; Либрович С. Ф. История книги в России: со снимками с древних рукописей, образцами первопечатных книг

Интересное направление «библиологической психологии» или «библиопсихологии» в книговедении создал русский ученый и просветитель Н.А. Рубакин (1862-1946), занимавшийся исследованием процессов восприятия книги. «Библиопсихология, – писал Н.А. Рубакин, – должна стать наукой объективной. Она должна стать такой для того, чтобы дать возможность всякому работнику книжного дела объективно ориентироваться во всей сложности этого дела в любое время и в любом месте... Объективная классификация книг должна помочь нам ориентироваться в бесконечном разнообразии книжных сокровищ... Объективная классификация авторов должна помочь нам ориентироваться в истории литературы... Значит, идеалом ее (библиопсихологии) должно быть точное знание»<sup>13</sup>. Создание этой теории было результатом почти полувекового изучения читателя и книги, изучения, основанного на анализе действия книг на психику массового читателя, на опытных фактах практических наблюдений и теоретических выводах.

Н.А. Рубакин утверждал (явно под влиянием марксизма), что «такие явления, как литература, книга, писатель, читатель и все книжное дело, суть явления социальные, равно как и человеческий язык. Создавание, циркуляция, утилизация библиопсихологических ценностей – явления социальные. Нет и не может быть в области книжного дела ни одного психического явления, которое не было бы обусловлено социальным фактором. Как чтение, так и влияние книги предполагают для своего существования социальную среду, обуславливающую как их происхождение, так и их развитие и результаты... Подобно этому индивидуализация чтения и обучения предполагает существование социальной среды, в которой происходят эти явления и которые постоянно и неизбежно влияют на самую

---

и позднейших редких изданий, портретами, копиями картин, гравюр и пр. и пр.: [в 2 ч.]. Изд. 2-е. Петроград-Москва, 1914.

<sup>13</sup> Рубакин А.Н. Рубакин (Лоцман книжного моря). М., 1979. С. 160.



индивидуализацию, ее ход и даже суть»<sup>14</sup>. В данном определении книга фактически впервые понята не только как объект, но и как «субъект» культуры, активно формирующий культурное пространство и сознание своих актуальных читателей.

Вероятно, назрела необходимость дальнейшего развития библиопсихологии, особенно в связи с дилеммой «Интернет или книга». Ряд авторов (например, У. Эко) справедливо проводят аналогии между появлением книги и становлением Интернета – ведь в обоих случаях мы наблюдаем рождение нового способа фиксации тестов, которое имеет как позитивные, так и негативные последствия для культуры. И в прошлом, и сейчас происходят серьезные сдвиги в самом способе восприятия текста, часто ведущие к разрушению целостного смыслового образа, который воссоздается заново на новом семиотическом уровне.

Однако для более глубокого культурологического и философского понимания феномена книги явно недостаточны не только обычные определения понятия «книга», но и тот уровень книговедения, достигнутый на данный момент. Многие авторы отмечают многообразие подходов к определению, пониманию и исследованию феномена книги.

Так, Е.Л. Немировский трактует книгу как знаковую систему для обмена семантической информацией между двумя другими материальными системами, автором и реально существующим миром или автором и читателем, в которой используются визуально воспринимаемые знаки или графические изображения, воспроизведённые на листовом материале рукописным или полиграфическим способом<sup>15</sup>. Более универсальное понятие предложил И.Е. Баренбаум, отмечая, что «книга – это произведение письменности или печати, имеющее любую читаемую знаковую форму (идеографическую, алфавитную, нотную, цифровую), зафиксированную на

---

<sup>14</sup> Там же, с. 152.

<sup>15</sup> См.: Немировский Е. Л. К вопросу об определении книги как знаковой системы // История книги. Теоретические и методологические основы. М., 1977. С. 42.

любом материале (камень, глина, кожа, папирус, шёлк, доска, бумага, синтетические материалы), выполняющее одновременно ряд функций (информационную, коммуникативную, идеологическую, познавательную, эстетическую, этическую и иные) и адресованное реальному или абстрактному читателю»<sup>16</sup>. Г.Н. Швецова-Водка считает, что книга является средством передачи логической (словесной) информации, в то время как аудиальные и аудиовизуальные документы не обладают такой характеристикой<sup>17</sup>. Другие авторы определяют книгу как способ отражения экономико-хозяйственной, политико-правовой, социально-духовной, морально-этической сфер общественной жизни<sup>18</sup>; как одну «из форм способа превращения, организации индивидуального сознания в произведение общественного сознания»<sup>19</sup>.

Формулируя роль книгопечатания в истории человечества, канадский философ, исследователь истории средств коммуникации М. Маклюэн ввел особый термин «человек печатной культуры», поскольку «с Гутенбергом Европа вступает в технологическую фазу прогресса, когда изменение как таковое становится архитипической нормой жизни общества»<sup>20</sup>. Существуют определения книги, которые её характеризуют не только в качестве орудия политической и идеологической борьбы, средством распространения знаний, образования и воспитания<sup>21</sup>, но и как исторический, интеллектуальный и экзистенциальный феномен. Все эти, казалось бы, общеизвестные характеристики феномена книги содержат в себе ряд парадоксов философского характера, которые требуют специального анализа.

---

<sup>16</sup> Баренбаум И.Е. К вопросу об универсальном определении понятия «книга» // Книга. Исследования и материалы. Сб. XXXIV. М., 1977. С. 11.

<sup>17</sup> Швецова-Водка, Г.Н. Функциональная сущность и свойства книги / Г.Н. Швецова-Водка // Книга: исследования и материалы. Сб. 71. М., 1995. С. 75.

<sup>18</sup> Барсук А.И. К определению понятия «книга» // Изд. дело. Книговедение: Науч. – информ. сб. / ЦБНТИ по печати. 1970. № 2(12). С. 9.

<sup>19</sup> Книга // Книговедение. Энциклопедический словарь / Ред. Н.М. Сикорский. М., 1982. С.251.

<sup>20</sup> Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. К., 2004. С. 8.

<sup>21</sup> См.: Леонов В. П. Книга как врожденная программа человека // Книга. Исследования и материалы. Сб. 88. М., 2008. С. 78.

В первую очередь, это парадокс передачи духовного содержания материальным носителем и трансляции особого индивидуального содержания посредством того массового и стандартизированного феномена, каковым является книга в своей вещественной форме. Вместе с тем, до настоящего времени не существует такой специальной сферы философской рефлексии, которую можно определить как «философию книги», хотя ценные наработки в этом направлении имеются. Например, в теоретико-методологическом труде известного русского книговеда М.Н. Куфаева (1888-1948) «Проблемы философии книги» (1924)<sup>22</sup> книга определялась как «психический» феномен и как особая форма общения, требующая особых навыков.

Современный автор М.П. Ельников рассматривает специфику познания реальности через книгу на основе герменевтического подхода<sup>23</sup>. В свою очередь, К.С. Загаров предложил философско-культурологическое определение книги как системы смыслов, сущность которой «заключается в том, что книга – это способ отражения (авторской мысли и т.д.) и средство формирования индивидуального, общественного и группового сознания (восприятие ее читателями)... Отсюда книга – это не только материально-предметная ее оболочка (книжное издание), но и нечто идеальное, что существует умозрительно, в нашем сознании, т.е. после ее прочтения в нашем сознании остается некое отражение содержания книги, идея, образ, который будет храниться в нашей памяти вне зависимости от существования материальной конструкции книги. Сущность книги на протяжении веков остается неизменной, тогда как форма книги может меняться»<sup>24</sup>. В данном определении автор, по сути, лишь констатирует парадоксы книги, но не дает им теоретического объяснения.

---

<sup>22</sup> См.: Куфаев М.Н. Проблемы философии книги. Книга в процессе общения. М., 2004. С. 65.

<sup>23</sup> См.: Ельников М.П. Феномен книги (теоретико-гносеологический аспект) // Книга. Исследования и материалы. М., 1995. Сб. 71. С. 53-69.

<sup>24</sup> Загаров К.С. Книга как феномен культуры // Современные научные исследования и инновации. 2012. № 8 [Эл. ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2012/08/16535> (дата обращения: 07.08.2018).

Т.А. Бруева в одной из первых в России кандидатских диссертаций уделила кризису книги в информационную эпоху. Согласно ее тезису, «антропологическая суть этого кризиса состоит в игнорировании аудиовизуальной культурой творческого воображения субъекта и его идеалов и ценностей»<sup>25</sup>. В коллективной монографии «Общество и книги: от Гутенберга до Интернета» (2000) для нашей темы представляют интерес статьи известного философа В.М. Межуева «Феномен книги и национальное в культуре»<sup>26</sup> и П.Д. Тищенко «Книга как антропология»<sup>27</sup>. В первой из них книга рассматривается как феномен, конституирующий национальное бытие, создавая историческую память; во второй – выделен тот аспект книги, который связан с утверждением «образа человека».

Интересные размышления об аспектах понимания феноменологии книги принадлежат всемирно известному итальянскому писателю и философу У. Эко (последнее его эссе называется «От Интернета к Гутенбергу»). Он, размышляя о смысле письма и образе Сократа, считающего письмо вредным изобретением, от которого деградирует человеческая память, вполне обоснованно замечал, что книги должны закалять и развивать память. Это переводит наш вопрос в глубину философской категории *памяти* как бытия прошлого в настоящем, в котором книге принадлежит важнейшее, ничем не заменимое место.

Очерченный круг философско-культурологических проблем не может быть охвачен в рамках какого-то одного методологического подхода. Как отмечал М.П. Ельников, «с точки зрения культурологии «предпосылки для возможной разработки в будущем методологического аппарата познания модульного типа, дифференцированного не по предмету, а по проблемам, и

---

<sup>25</sup> Бруева Т.А. Книга как феномен культуры: философский аспект: дисс. на соиск уч. ст. канд. филос. наук: 24.00.01. Москва, 2006. С. 12.

<sup>26</sup> Межуев В. М. Феномен книги и национальное в культуре // Общество и книги: от Гутенберга до Интернета. М., 2000. С.95-110.

<sup>27</sup> Тищенко П. Д. Книга как антропология // Общество и книга: от Гутенберга до Интернета. М., 2000. С. 185-194.

открывающего тем самым перспективу познания книги, и как теоретико-гносеологического феномена, и как энергетической системы сакрального характера, и как универсума человеческой культуры и деятельности. Это все зависит от того, насколько интенсивно и целенаправленно будут разрабатываться в книговедении методологические проблемы»<sup>28</sup>. В данном диссертационном исследовании реализуется понимание книги как «универсума человеческой культуры и деятельности», на разных этапах истории выражавшегося в разных формах фиксации текстов и разных формах культурного сознания.

Несмотря на разнообразие подходов, очевидно, что до сих пор не удалось выйти за рамки достаточно тривиальных представлений об «онтологии» книги и ее культуросозидающей функции. На наш взгляд, это можно сделать, если обратиться к двум важным интеллектуальным традициям в осмыслении бытия текстовой культуры и, соответственно, книги. Первая – это экзистенциальная и семиотическая рефлексия над книгой, особо ярко явленная в работах Х.-Л. Борхеса; вторая – это концепция полиморфизма «семиосферы» Ю.М. Лотмана. Синтез идей этих авторов позволит нам обосновать общий философско-культурологический подход к пониманию феномена книги как пересечение (или синергия, сопряжение) экзистенциального и культурно-семиотического методов.

Сразу же стоит отметить, что изначальное единство экзистенциального и культурно-семиотического подходов имеет место в тех случаях, в которых книга рассматривается как *особый архетип культуры*, «символ вселенной, книги мира и книги жизни», пронизывающий все отдельные исторические культуры и цивилизации; «самоочевидная эмблема мудрости, науки и учения», восходящая к мифологическим и религиозно-мистическим

---

<sup>28</sup> Ельников М.П. Теоретические проблемы методологии книги: Дисс. на соиск. уч. ст. доктора филологических наук. Москва, 1996. С. 464.

учениям<sup>29</sup>. В существенных, «архетипических» определениях книга рассматривается в связи с самыми общими символами культуры, имеющими религиозно-мифологический и экзистенциальный характер. И задача философской рефлексии в данном случае состоит в том, чтобы разделить все эти аспекты и, тем самым, рассмотреть их и по отдельности, и во взаимосвязи.

В своё время философски мыслящий писатель Г. Гессе отметил, что привычка к регулярному чтению книг в качестве массового явления разрушается параллельно с ростом сети библиотек и ростом массы книжной продукции. Труднодоступность книги создает ощущение «магичности» книги как целостного мира, как удивительного «окна», открывающего нам всегда новый взгляд и на мир внешний, и на наш собственный внутренний мир. На книгу как модель судьбы. Общедоступность убивает то особо ценное чувство «магии» книги, без которого книга становится лишь «текстом» – носителем «информации»<sup>30</sup>. Именно такие соображения известных писателей, философов и культурологов заставляют нас более подробно взглянуть на их идеи.

Отметим, что выражение «магия книги» – более, чем просто метафора. Это выражение имеет вполне конкретный культурно-психологический смысл, который можно проиллюстрировать следующим эпизодом из романа У. Эко «Имя розы». Об одном из героев здесь сказано: «При каждом названии он испускал восторженный возглас: либо оттого, что видит знакомую книгу, либо от того, что видит книгу, которую давно искал, либо, наконец, оттого, что видит книгу, о которой никогда ничего не слышал»<sup>31</sup>. Такая реакция, в которой есть и элемент фетишизма, тем не менее, является

---

<sup>29</sup> См.: Крылов П.А. Словарь символов. 990 слов. СПб., 2005. С. 412; Тресиддер Дж. Словарь символов. М., 1999. С. 209.

<sup>30</sup> См.: Гессе Г. Магия книги // Гессе Г. Письма по кругу. М., 1987. С. 179

<sup>31</sup> Эко У. Имя розы: роман. М., 2011. С. 324.

свидетельством самой высокой культуры книги, которая существовала в Средние века.

Однако более подробно остановимся на идеях философа-экзистенциалиста Хорхе Луиса Борхеса, который даёт такое феноменологическое определение книги: «Среди различных орудий, которыми располагает человек, самым удивительным, несомненно, является книга. Все остальное можно считать его физическим продолжением. Микроскоп и телескоп – продолжают глаз, телефон – голос, плуг и шпага – руки. Но книга – совсем другое дело, книга – продолжение памяти и воображения»<sup>32</sup>. Тем самым, книга выделяется в особую сферу проявления человеческих «сущностных сил», принципиально отличную от телесности и прагматических целей. Экзистенциальный метод рефлексии над феноменом книги, который развивает Х.-Л. Борхес, имеет и принципиально культурно-исторический характер, но не сводится к истории, а только отталкивается от нее для того, чтобы в конечном итоге выделить определенный универсальный, человеческий смысл книги.

Например, Х.-Л. Борхес пишет о каббалистах, которые «полагали, что сила веления Господа исходила из букв в словах. В трактате “Сефер Йецира” (“Книга Творения”), написанном в Сирии или в Палестине около VI века, говорится, что Иегова Сил, Бог Израиля и всемогущий Бог, сотворил мир с помощью основных чисел от одного до десяти и с помощью двадцати двух букв алфавита. Что числа суть орудия или элементы Творения – это догмат Пифагора и Ямвлиха; но что буквы играют ту же роль – это ясное свидетельство нового культа письма. Второй абзац второй главы гласит: “Двадцать две основные буквы: Бог их нарисовал, высек в камне, соединил, взвесил, переставил и создал из них все, что есть, и все, что будет”. Затем сообщается, какая буква повелевает воздухом, какая водой, и какая огнем, и

---

<sup>32</sup> Борхес Х.-Л. Книга // Борхес Х.-Л. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 3. СПб., 2011. С.501. Также см.: Борхес Х.-Л. О культе книг // Борхес Х.-Л. Собрание сочинений в 4-х томах. Т.2. СПб., 2011. С. 424.

какая мудростью, и какая примирением, и какая благодатью, и какая сном, и какая гневом, и как (например) буква “каф”, повелевающая жизнью, послужила для сотворения солнца в мире, среды – в году и левого уха в теле»<sup>33</sup>. Ниже мы покажем, что в истории были разные аксиологические и ментальные ориентации в оценке книги и интерпретации письменности в жизни человека, судьбах мироздания и человечества. Так, средневековое каббалистическое понимание мира и книги существенно отличается от такового в контексте классической греческой и даже ранней христианской культуры.

«Но христиане пошли еще дальше, – продолжает Х.-Л. Борхес. – Идея, что Бог написал книгу, побудила их вообразить, что Он написал две книги, одна из которых – Вселенная. В начале XVII века Фрэнсис Бэкон в своем “*Advancement of learning*” заявил, что Бог, дабы мы избежали заблуждений, дает нам две книги: первая – это свиток Писания, открывающий нам Его волю; вторая – свиток творений, открывающий нам Его могущество, и вторая представляет собою ключ к первой. Бэкон имел в виду нечто гораздо большее, чем яркая метафора: он полагал, что мир можно свести к основным формам (температура, плотность, вес, цвет), ограниченное число которых составляет *abecedarium naturae*, или ряд букв, которыми записан универсальный текст Вселенной. Сэр Томас Брауд в 1642 году написал: “Есть две книги, по которым я изучаю богословие: Священное Писание и тот универсальный и всем доступный манускрипт, который всегда у всех перед глазами. Кто не увидел Его в первом, те обнаружили Его во втором” (“*Religio Medici*”, I, 16)»<sup>34</sup>. Наконец, весь этот исторический перечень концепций книги как мира или даже Вселенной, содержащейся в замысле Божиим, концепций, имевших сакральный, эзотерический характер, находит свое продолжение и в секулярной культуре, прежде всего, у поэтов.

---

<sup>33</sup> Там же, с. 425.

<sup>34</sup> Там же.



В эссе «Цветок Колриджа» он приводит слова Эмерсона: «Все книги на свете написаны, я бы сказал, одной рукой: по сути, они так едины, словно составляют собрание сочинений одного странствующего и вездесущего автора»<sup>35</sup>. Давая сжатую картину мышления о книге как бы всего целостного человечества, Х.-Л. Борхес осуществил рефлексии, которая основана не на абстрактных рассуждениях, а на совокупности общечеловеческого опыта.

Этот опыт, в конечном счете, можно свести к трем положениям: 1) книга есть своего рода «микрокосм» – модель Вселенной; 2) прообразом, «архетипом» книги является Слово Божие; 3) все бесконечное разнообразие книг является проявлением единства человеческого духа всех времен и народов, и в этом смысле все они являются частями одной Книги.

И здесь борхесовская экзистенциалистская «мистика книги» удивительным образом сочетается со структуралистским подходом к языкам (естественным и искусственным), текстам и книге.

В России имеются первые три имени, которые связаны с реализацией семиотических идей: А.Н. Веселовский, А.А. Потебня, Н.В. Крушевский<sup>36</sup>. Но интенсивное развитие семиотики в нашей стране пришлось на предреволюционные и первые годы становления Советской власти. Как показывает практика, вклад в развитие науки становится более существенным, когда исследователь прокладывает себе путь через борьбу и сопротивление со средой, оставляя отчётливый след в летописи русской науки. Лишь спустя десятилетия, взгляды первых открывателей семиотических идей получили свою известность, своё логическое системное развитие. И в этом ряду стоит первым имя Ю.М. Лотмана, лидера московско-тартуской культурно-семиотической (культурно-антропологической) школы.

---

<sup>35</sup> Борхес Х.-Л. Цветок Колриджа // Борхес Х.-Л. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 2. СПб, 2011. С. 338.

<sup>36</sup> Подробнее см: Иванов В.В. О становлении структурного метода и гуманитарных наук славянских стран и его развитие до 1939 г. // Иванов В.В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Том IV. М., 2007; Почепцов Г. История русской семиотики до и после 1917 г. М., 1998.

Культурологическая семиотика Ю.М. Лотмана, на первый взгляд, позволяет рассмотреть феномен книги с прямо противоположной стороны: не с религиозно-мистической, а с сугубо приземленной, секулярной, понимая ее в первую очередь как источник информации и средство ее передачи. Такое представление опирается на определенную модель культуры, в которой «культура есть устройство, вырабатывающее информацию. Подобно тому как биосфера с помощью солнечной энергии перерабатывает неживое в живое (Вернадский), культура, опираясь на ресурсы окружающего мира, превращает не-информацию в информацию. Она есть антиэнтропийный механизм человечества. К ней можно применить слова Гераклита Эфесского: “Психее присущ самовозрастающий логос”. Для того, чтобы культура могла выполнить эту задачу, ей необходима, прежде всего, сложная внутренняя организация»<sup>37</sup>. Данное определение культуры затем конкретизируется у него в понятиях «семиотического универсума» или «семиосферы».

Как пишет Ю.М. Лотман, «можно рассматривать семиотический универсум как совокупность отдельных текстов и замкнутых по отношению друг к другу языков. Тогда все здание будет выглядеть как составленное из отдельных кирпичиков. Однако более плодотворным представляется противоположный подход: все семиотическое пространство может рассматриваться как единый механизм (если не организм). Тогда первичной окажется не тот или иной кирпичик, а “большая система”, именуемая семиосферой. Семиосфера есть то семиотическое пространство, вне которого невозможно само существование семиозиса»<sup>38</sup>. Стоит здесь сразу же отметить, что первичность этой «большой системы» семиосферы по отношению к отдельным ее фрагментам фактически возвращает нас к тому

---

<sup>37</sup> Лотман Ю.М. Вместо предисловия // Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т. I. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, 1992. С. 9.

<sup>38</sup> Лотман Ю.М. О семиосфере // Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т. I. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, 1992. С. 13.

самому мистическому пониманию вселенской Книги, о которой писал в выше приведённых статьях Х.-Л. Борхес.

Тем самым, можно сделать вывод о том, что на строго сциентистском и светском языке Ю.М. Лотман воспроизводит тот же самый *архетип универсальной книги* как модели мира или мира-как-книги.

Ю.М. Лотман предлагает такую модель функционирования семиосферы, в рамках которой можно также понять и книгу как специфический семиотический феномен со своими особыми законами функционирования в рамках данной системы. «Поскольку описание, – пишет автор, – влечет за собой повышение меры организованности, самописание той или иной семиотической системы, создание грамматики самой себя является мощным средством самоорганизации системы. В такой момент исторического существования данного языка и – шире – данной культуры вообще в недрах семиотической системы выделяется некоторый подязык (и подгруппа текстов), который рассматривается как метаязык для описания ее же самой»<sup>39</sup>. Именно этот *исторический момент появления «метаязыка для описания» семиотической системы и становится тем моментом, когда в культуре появляется возможность и необходимость создания письменных текстов, которые чуть позже и станут предпосылкой генезиса книги как специальной формы организации этих текстов в относительно замкнутые целостности.*

Таким образом, концепция Ю.М. Лотмана позволяет перейти от эмпирической, сравнительно-исторической и кросскультурной фиксации появления первых письменных текстов и книги в первых цивилизациях, к философско-теоретическому объяснению этой культурно-исторической феноменологии.

---

<sup>39</sup> Лотман Ю.М. Динамическая модель семиотической системы // Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т. I. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, 1992. С. 93.

В концепции Ю.М. Лотмана сформулирован и «механизм» этого процесса, суть которого состоит в том, что «создание определенной системы самоописания “доорганизовывает” и одновременно упрощает (отсекает “излишнее”) не только в синхронном, но и в диахронном состоянии объекта, то есть создает его историю с точки зрения самого себя. Складывание новой культурной ситуации и новой системы самоописаний переорганизовывает предшествующие ее состояния, то есть создает новую концепцию истории. Это вызывает двойные последствия: с одной стороны, открываются забытые предшественники, культурные деятели, и историки более раннего периода обвиняются в слепоте. Предшествующие данной системе факты, описанные в ее терминах, естественно, могут привести только к ней и лишь в ней обрести единство и определенность»<sup>40</sup>. Это описание общего семиотического процесса весьма четко соответствует историческому «механизму», который можно было бы назвать «книгопорождением».

Действительно, именно такой *процесс непрерывного самоописания и самоорганизации культуры как динамической семиотической системы требует создания своих жёстко фиксированных форм, каковыми и становятся книги*. Этот процесс имеет свои особые закономерности и на уровне работы субъекта культуры – человека.

Как пишет об этом Ю.М. Лотман, «в памяти культуры (а также любого культурного коллектива, включая отдельного индивида) хранится не одна, а целый набор метасистем, регулирующих его поведение. Системы эти могут быть взаимно не связаны и обладать различной степенью актуальности. Это позволяет, меняя место той или иной системы на шкале актуализованности и обязательности, переводить текст из неправильного в правильный, из запрещенного в разрешенный. Однако смысл амбивалентности как динамического механизма культуры именно в том, что память о той системе, в свете которой текст был запрещен, не исчезает, сохраняясь на периферии

---

<sup>40</sup> Там же, с. 95.

системных регуляторов»<sup>41</sup>. Действительно, усилия автора-субъекта, создающего книгу, в целом всегда регулируются именно этой динамикой актуализации «культурной периферии», перевода текста «из неправильного в правильный, из запрещенного в разрешенный», т.е. в форму принятых в данной культуре норм. Поэтому все новое, что создается в этом сложном процессе, формируя уникальность содержания книги, становится возможным как индивидуализация этих изначальных условий.

Особенно значимый и тонкий момент в индивидуализации содержания книги определяется отношением автора со своим *символическим Другим* – с тем культурным полем, от которого он отталкивается либо, наоборот, к которому притягивается или которое хочет создать впервые.

Ю.М. Лотман описывает этот процесс как «перевод» одного содержания в другое и как преодоление «чужого» таким образом: «В более сложных коммуникативных ситуациях “я” заинтересован в том, чтобы контрагент был именно “другим”, поскольку неполнота информации может полезно восполняться лишь стереоскопичностью точек зрения сообщения. В этом случае полезным свойством оказывается не легкость, а трудность взаимопонимания, поскольку именно она связывается с наличием в сообщении “чужой” позиции. Таким образом, акт коммуникации уподобляется не простой передаче константного сообщения, а переводу, влекущему за собой преодоление некоторых – иногда весьма значительных – трудностей, определенные потери и одновременно обогащение “меня” текстами, несущими чужую точку зрения. В результате “я” получаю возможность стать для себя также “другим”»<sup>42</sup>. В своей основе этот процесс носит диалогический характер взаимного дополнения и пересечения субъектов, «пересечения кодов».

---

<sup>41</sup> Там же, с. 98.

<sup>42</sup> Там же, с. 100.

Этот диалогический механизм переводит понимание книги и ее постоянного и все время нового возникновения в культуре уже в тот особый экзистенциальный ракурс, о котором говорилось выше относительно специфики концепции Х.-Л. Борхеса. Тем самым, в данном «диалогическом» аспекте находят точку соприкосновения эти два принципиально разные подхода, создавая методологическую базу последующего исторического раздела нашего исследования.

Исходя из проведенного анализа проблематики, можно сделать следующие обобщающие выводы.

Во-первых, из проведенного анализа поставленной проблемного поля можно утверждать, что выход за рамки тривиальных представлений о культурной феноменологии книги и её культуросозидающей функции возможен в рамках понимания книги как онтологической «модели мира» и динамического субъекта культуры, обладающего особым «диалогическим» статусом.

Во-вторых, выявленные две модели (Х.-Л. Борхеса и Ю.М. Лотмана) являются взаимно дополнительными и при изучении книги как культурно-исторического феномена позволяют сочетать её «метафизические» аспекты и конкретные механизмы социокультурного, семиотического и информационного функционирования.

И, в-третьих, книга сохраняет особую функцию в культуре в первую очередь благодаря своему воздействию на психику и экзистенцию человека в качестве особого, ничем не заменимого средства смысложизненной рефлексии, выступая в качестве модели целостного осмысления мира и человеческого бытия.

В обосновании философско-культурологического подхода к пониманию феномена книги, состоящего в сопряжении сравнительно-исторического, кросскультурного, культурно-семиотического и экзистенциального методов (в том числе на основе концепции «мира как книги» Х.-Л. Борхеса и теории

полиморфизма семиосферы Ю.М. Лотмана) мы видим элементы новизны, полученные в первом параграфе нашей работы.

Всё это позволяет нам далее представить культурно-историческую феноменологию и онтологию книги, рассмотреть её как средство выражения смысла человеческого существования и утверждения диалогического статуса в истории культуры.

### ***1.2. Культурная семиотика мифа и происхождение письменности***

Если кратко развернуть некоторые моменты разработанности проблематики мифа, то можно дать характеристику некоторых теорий мифа, а из наиболее фундаментальных работ по истории и семиотике мифа, принятых нами, выделить опять же работы Ю.М. Лотмана, в которых исследователь рассмотрел соотношение мифа, фольклора и литературы, культуры и знака, культуры и текста, показал их взаимосвязь и различность как различных способов видения и описания мира, существующих одновременно и во взаимодействии, и лишь в разной степени проявившихся в те или иные эпохи.

Интерес также представляют исследования О.В. Вовк, Дж. Купера, в которых смыслы миф увязаны с символами, которые формируются в глубинах древности. Подобные работы имеются и у Э. Добльхофера, Б.Н. Малиновского, К. Армстонга и М. Элиаде, в которых анализируется проблематика происхождения и трансформации мифов. Особый вклад в развитие философского направления в области соотношения мифа, фольклора и письменности внёс исследователь Г.С. Кнабе. Главная линия его работ – это объяснение культуры, как особой характеристики общества. В. Я. Пропп исследовал трансформацию мифа в фольклор. В своих работах учёный использовал методико-теоретические методы изложения материала.

С.А. Токарева, ведущий отечественный историк, антрополог и специалист по истории религии, указывал на схожие мифологические мировоззрения у разных народов, существовавших в древних восточных цивилизациях. В научных исследованиях таких ученых, как А. Морэ, Г. Люльфинг, рассматриваются различные теории по вопросу происхождения алфавита. Материал, представленный в исследованиях таких ученых, как Е.А. Ростовцев, В.А. Истрин, так же содержит проблематику становления и развития письма. Особый интерес о происхождении мифа и его связи с культурогенезом письма представляют работы В.В. Струве, О.В. Климова и др.

В наши дни термин «миф» часто употребляют в качестве синонима «вымысла», «фантазии», «неправды» и даже «лжи». Ж.-П. Вернан утверждал, что с V века до н.э. слово «миф» приобрело уничижительный оттенок, обозначающий бесплодное утверждение, без доказательства или верное свидетельство<sup>43</sup>. В науке имеется несколько десятков различных определений мифов. Так, некоторые литературоведы определяют миф как один из литературных жанров. Н. Фрай, например, отмечал, что комедия является мифом весны, рыцарский роман является мифом лета, трагедия мифом осени и ирония – мифом зимы. С.С. Аверинцев называл миф целостной системой первобытной культуры и мировоззрением первобытных людей. По мнению М. Элиаде<sup>44</sup>, миф являлся первобытной идеологией. К. Юнг считал миф своеобразным «архивом», где хранится опыт и ценности всех времен.

И действительно, история человечества началась с мифологии, с построения универсальной целостной системы мировоззрения, выраженной через концептуализацию опыта человека. В эту эпоху содержание мифов настолько ново, что ему часто нет прямого соответствия в реальности. Оно не берётся непосредственно из внешнего мира, не даётся напрямую

---

<sup>43</sup> См.: Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988.

<sup>44</sup> Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. М., 1975. С. 59-60.



чувственному восприятию. Это содержание по существу образует новый, второй мир наряду с существующим реальным миром. Все социальные, экономические и хозяйственные трансформации человека в коллективе, происходили при помощи ритуалов и обрядов.

В дальнейшем, с накоплением опыта и знаний, мифологическое представление мира перешло или в религиозную, или в бытовую сферы человеческой жизни, по сей день сохранилось в ней в виде фольклора и практического знания. Миф, религия, фольклор и письменность, неразрывно и генетически связаны между собой, так как праязык мифа является исходным для всех данных форм сознания, и если подобрать необходимый ключ, то наука имеет возможность пролить свет на глубинные тайны древности, в том числе и происхождения письменности и книги, сквозь призму мифа.

Чтобы понять специфику мифа, надо рассмотреть проблему «мифологического синкретизма». В.П. Римский отмечал: «Мифологический синкретизм обычно описывается в следующих феноменологических характеристиках: нерасчлененность в мышлении субъекта и объекта; тождество идеального и реального, предмета и знака, вещи и слова, существа и его имени, пространства и времени; бессознательность и равнодушие к формально-логическому противоречию; неразличение естественного и сверхъестественного, части и целого; перенос на природу человеческих и социальных характеристик и наоборот (антропосоциоморфизм); слитность мифа и обряда, мифа и танца и т.д.»<sup>45</sup>. Через призму этого синкретизма и происходило мировосприятие человеком, познание всего окружающего мира<sup>46</sup>. Ещё одним важным аспектом мифологического синкретизма является осознание тождества человека со своим родом.

---

<sup>45</sup> Римский В.П. Миф и религия: проблема генезиса и культурно-исторической специфики архаических религий. Белгород, 2003. С. 81.

<sup>46</sup> Райкова О.А. Древнегреческий миф классической эпохи. Диссертация канд. филос. наук: 24.00.01. Томск, 2012. С. 67.

Человек никогда не выделялся из общества, везде прослеживался приоритет коллективного над интересами отдельного человека. Социальные правила и табу были закодированы именами богов и духов и определяли жизнь человеческих общностей. Это происходило не только на эмоциональном, сознательном уровне, но и на бессознательном уровне. Любое нарушение воспринималось не только родом, но и самим нарушителем как угроза священной гармонии мира, существованию мироздания<sup>47</sup>. В эпоху существования мифологии, у людей не было понятия «Я». Существовало лишь понятие «Мы».

В частности, В.П. Римский в своё время установил: «Дуальноэтническое отношение лежало и в основе естественного разделения труда в родовых общинах: разделение труда по системе «женщины-мужчины» и по возрасту «старшие-младшие»... Дуальноэтническое отношение стало по сути генератором первобытной культуры и межкультурного общения... Все многообразие трудовых и социальных отношений в первичных общественных коллективах и регулировала первоначальная форма сознания – речь-миф, использующая все богатство предшествующих систем коммуникации и психофизиологический механизм суггестии»<sup>48</sup>. Это объясняется тем, что в древние времена человек не воспринимал себя отдельно от коллектива. Он жил в мире определённых социальных правил, традиций, норм поведения, обрядов, которые глубоко уходили корнями к предкам, законам природы<sup>49</sup>. Таким образом, человек осознает себя не только частью природы, но и того первичного социального сообщества, в котором он рождён и живёт.

Другой немаловажный аспект мифосознания – выражение цикличности и неразрывности всех предметов в мире. Практическое функционирование

---

<sup>47</sup> Армстронг К. Краткая история мифа М., 2003. С. 6.

<sup>48</sup> Римский В.П. Миф и религия: проблема генезиса и культурно-исторической специфики архаических религий. Белгород, 2003. С. 77.

<sup>49</sup> Армстронг К. Краткая история мифа М., 2003. С. 69.

мифа происходило в использовании магии, в которой использовались символические методы и средства воздействия на предметы. Магия, как часть мифа была основана на единстве мира, и связана со всеми явлениями и предметами мира. Из этого вытекает ещё один важный аспект – комплексность мифологического сознания. Именно поэтому, для первобытных людей были свойственно использование общих понятий и представлений, которые не подчиняются логике, а не каких либо абстрактных понятий.

Отсутствие логического обоснования мифов выражалась и в наскальной живописи: «Помимо жестов, музыкальных ритмов, слов, действий, предметов-фетишей как классификаторов, генезис знаковой системы культуры в форме речи-мифа характеризовался широким использованием образов из числа наиболее важных или примечательных элементов окружающей природы и природной, телесной организации самого человека. Символика пещер верхнего палеолита, в которой наряду с образами животных (основная бинарная оппозиция: лошадь – бизон) используются символы человека (мужское – женское), скульптура (женские фигурки) и графика со знаками счета (серии зарубок), расшифровывается исследователями как свидетельство органичности природы и первобытной культуры. В этих знаковых формах раскрыто использование мифологическим мышлением ритмов природы для организации ритмов социальной жизнедеятельности, создание человеком первых лунных и солнечных календарей, систем классификаций типа тотемических и оперирование целостными числовыми структурами (5, 7, 10, 14) – это соответствует «правосторонней функциональности» речи, преобладанию в мышлении категориальных форм созерцания, пространства и времени. Все знаковые системы верхнепалеолитических обществ в абстракции можно рассматривать как «естественный» язык – потому и уместен более термин

речь-миф»<sup>50</sup>. Человек, стреляющий из лука в животных на наскальном рисунке, надеялся на успех в реальной охоте.

Вера в силу и миф способствовала высокой эффективности проводимых ритуалов. Ритуал, магия были частью миро представления человека, частью всей мифологической системы. В дальнейшем ритуалы и магические действия начали подразделяться на охотничьи, победные, лечебные, погодные ритуалы и мифы.

Известный французский палеонтолог Н. Гэрри отмечал, что «имеется исключительное сходство художественного содержания: образы очевидно заимствованного характера остаются неизменными с 30 по 9 тысячелетие до н. э. и на пространстве от Астурии до Дона»<sup>51</sup>. По мнению исследователя Б. Малиновского, речь идет о распространении через контакты единой идеологической системы, знаменующей собой «пещерную религию»<sup>52</sup>. Все наскальные рисунки находятся на большом расстоянии от входа в пещеру. Многие из них были необитаемы и труднодоступны, что говорит о том, что, скорее всего, такие пещеры были своеобразными «святилищами». В них создается атмосфера, способствующая духовному сопричастию человека со священным животным, рисунки которого находились на стенах пещеры.

Животные-тотемы помимо магических функций в мифе выполняли и вполне рациональные задачи: «В знаковых системах мифа это отражалось в усложнении классификационных систем типа тотемических, при помощи которых предметно-познавательная и технологическая информация сливалась с ценностно-мотивационной в формах «коллективных представлений», мифообразов. В будущем это нашло воплощение в полифункциональности мифологических богов, которые «контролировали»

---

<sup>50</sup> Римский В.П. Миф и религия: проблема генезиса и культурно-исторической специфики архаических религий. Белгород, 2003. С. 110-111.

<sup>51</sup> См.: Treasures of Prehistoric Art. New York: Harry N. Abrams, 1967.

<sup>52</sup> Малиновский Б. Научная теория культуры. М., 2005. С. 58.

различные сферы жизнедеятельности архаических обществ»<sup>53</sup>. Имя боготема играло ритуально-иницирующую и одновременно рациональную роль культурного кодирования информации.

М.К. Петров писал о мифологическом имени, как способе кодирования и обновления ситуативных технологий в ритуале посвящения человека в жизнедеятельность. Мифологическое имя всегда включает в себя множество собранных воедино деяний и правил поведения для определённого статуса человека в обществе. Именно поэтому мифологические имена делятся на взрослые и детские, мужские и женские и т.д. Так же они разделяются на военные, охотничьи и т.д. Мифологическое имя – это вечный социальный институт, а человек – временный исполнитель функций и правил поведения данного имени.

Миф всегда основан на ситуативных моментах жизни человека в традиционном обществе. Ритуалы и технологии мифов – это культурные коды, присущие для обществ рыболовов и охотников, первичных социальных сообществ. Как отмечал В.П. Римский<sup>54</sup>, мифологические тексты-матрицы как носители лично-именного кода способны весьма эффективно накапливать новую социальную информацию, обеспечивать как традиционную преемственность ситуативных технологий, так и их инновационное совершенствование в изменяющихся условиях (экологические колебания, личный опыт в новых ситуациях и т.п.).

Носитель имени способен реализовать и создать новые устные тексты, которые при определённых условиях могут закрепиться в тексте имени и остаться в памяти старейшин. Данная инновация будет передана новым поколениям, которые будут выполнять данный текст, присущий для

---

<sup>53</sup> Римский В.П. Миф и религия: проблема генезиса и культурно-исторической специфики архаических религий. Белгород, 2003. С. 107.

<sup>54</sup> См.: Римский В.П. Учреждающая дискурсивность Михаила Петрова: интеллект в интерьере культурного капитала М., 2017. С. 72.

определенной категории людей с данным именем. Для них это и будет нормой поведения в подобной ситуации.

Таким образом, мифотворчество, лежащее в основе возникновения всех базовых форм культуры, «представляет собой архаичную форму легитимации вообще», «концепцию реальности, которая полагает непрерывное проникновение священных сил в мир повседневного опыта»<sup>55</sup>. В мифе как в особой знаковой системе традиционно выделяют следующие необходимые компоненты: 1) диффузность, синкретическая нерасчлененность первобытного мышления, что проявляется в наличии зооантропоморфных существ, а боги связаны семейно-родственными отношениями; 2) антропоморфизация и персонификация мира; 3) недифференцированность реального и сверхъестественного; 4) логика прецедента и принцип поклонения древности, согласно которому человек должен ориентироваться на образцы, созданные богами или героями в далеком прошлом; 5) феномен мифического времени – времени перводействий и первотворений, воспроизведение событий мифического времени в ритуалах.

Мифическое сознание становится и первой исторической предпосылкой формирования феномена письменности и, разумеется, книги. Эта самая ранняя форма важна не только для понимания процессов возникновения книги, но и показывает изначальную включенность образа книги в общую мифологическую «картину мира».

По мере социального развития человека и человечества миф постепенно начинает терять свое значение. Это происходит в связи с несколькими факторами. Во-первых, начинают формироваться первые цивилизации, люди начали строить города. Именно с этим периодом связано

---

<sup>55</sup> Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 180.

и появление письменности, которая зародилась во многих уголках нашей планеты. И именно с ее появлением, начинается история.

Во-вторых, люди начинают более точно понимать причинно-следственные связи, контролировать окружающую среду. Боги перестают быть недоступными для людей, теперь они живут рядом с человеком. Они строят дома, каналы, заведуют различными искусствами и занятиями. Многие мифы, постепенно теряют своё сакральное значение, и используются, больше в качестве рассказов поучительного и эстетического характера о деяниях предков.

Вследствие этого, с развитием рациональных взглядов и идей, появлением первых цивилизаций теряется сакральный смысл мифологического мировосприятия. В мифологии это приводит к ослаблению веры в сакральное и чудесное, начинают развиваться познавательные и развлекательные функции мифологических образов. Происходит утрата сакральных представлений, присущих мифу. В своей эволюции мифология переходит в фольклор: миф перкодируется в героическом эпосе, где происходит своеобразный «агон», состязания в находчивости, остроумии, бойкости. Песни, гимны, которые исполнялись во время священных ритуалов, превращаются в народные песни, приметы, сказки, гадания. Мифы не пропали бесследно, а существуют и в нашем современном обществе и по сей день, что отразилось и в фольклоре, во многих его произведениях, сюжетах, мотивах.

Развитие мифов в фольклор шло несколькими путями. Первый – это появление сказок. Известный исследователь фольклора В.Я. Пропп писал: «Сказка есть нарочитая и поэтическая фикция. Она никогда не выдается за действительность, это мир невозможного и выдуманного»<sup>56</sup>. Преемственность сказки и мифов отмечали многие фольклористы. Сказка как бы повторяет миф на другом уровне, в ней прослеживается отчетливая

---

<sup>56</sup> Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки М., 1976. С. 88.

сюжетная связь с первобытными формами ритуалов и мифов, племенными обычаями. Как отмечал А.Ф. Лосев<sup>57</sup>, причиной превращения мифа в сказку был разрыв мифологического сознания племени с его ритуалами. Во многом это связано с развитием познавательных возможностей человека, с оседлым образом жизни, в частности – отход от собирательства, рыболовства и охоты к земледелию и скотоводству. Это приводило к тому, что происходило ограничение специфических норм для мифологического нарратива, допуск в слушатели непосвященных лиц (детей и женщин), дескарализации и профанизации мифа. Все это влекло к изменению привычной структуры рассказа, появлялся вымысел, исчезала цикличность и точность исполнения действий в ходе ритуала. Исчезала достоверность и «правда» мифа, который превращался в «фантазию» – фольклорную, а затем и литературно-художественную.

Ряд исследователей полагают, что испытания героев в сказке сопоставимы с ритуалами инициации, брака и восходят к инициациям в архаичном обществе. Инициация выражалась в ряде испытаний, преодоление которых и вело к переходу в новый класс члена племени. Примером является испытание, требующее провести несколько дней и ночей в лесу, выиграть схватку со зверем, перенести боль и т.д. Подобные ритуалы долго сохраняются в жреческих, воинских и даже философских сообществах, которые часто строились по принципу замкнутых корпораций.

Сказка действовала на человека на уровне воображаемого. В демифологизированном сознании она воспринимается как развлечение. Однако в глубине психики сценарий инициации сохранял свою серьезность и играл роль в рационально-практических, нравственных и эстетических ценностях личности и архаического коллектива<sup>58</sup>. Не отдавая себе в этом отчета, считая, что он развлекается и отвлекается от реальности,

---

<sup>57</sup> Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. М., 1994. С. 56.

<sup>58</sup> Подробнее см.: Петров М.К. Самосознание и научное творчество. Ростов н/Д, 1992. С. 21, и др.



современный человек все еще продолжает пользоваться воображаемой инициацией, содержащейся в сказках. Также важным отличием мифа от фольклора является то, что мифы объясняют неотъемлемый и неизблемый порядок вещей в мире, цикличность жизни. В фольклоре, и в частности в сказках, герои всегда относятся к какой либо исторической эпохе, и место разворачивания сказки точно известно.

Дальнейшее развитие фольклора, как устной традиции, происходит уже в рамках появления письменности и их сложного взаимодействия. Изобретение первых письменных текстов произошло около 5 тысяч лет назад, и с изобретением и развитием письменности культура была поделена на две части: письменную и устную. Однако устная традиция продолжала сохраняться в рамках письменной культуры очень долгое время. С.С. Аверинцев, в частности, указывал на сложное взаимоотношение устной и письменной традиции в классической античности<sup>59</sup>, когда афиняне, например, плохо относились к тем согражданам, которые плохо владели риторикой, т.е. искусством устного слова, и презирали филобиблов<sup>60</sup>, не знающих наизусть «Илиаду» и «Одиссею» Гомера».

В этот период важным фактором является то, что с исчезновением мифа рождается и такое понятие, как автор. С развитием духовного производства, появляются социальные группы, которые занимаются передачей и созданием мифологического сознания. Эти духовные институты производства и воспроизводства мифов формируются в процессе всей истории человечества и берут свое начало в самых глубинах истории. Как отмечалось выше, в роли таких первых «авторов» выступали шаманы.

С.С. Аверинцев пишет об античных смыслах слова «автор»: «Auctor («автор») – *nomen agentis*, т.е. обозначение *субъекта действия* (выделено

---

<sup>59</sup> См.: Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб., 2004.

<sup>60</sup> С.С. Аверинцев отмечал: «Наш термин «библиофил» – слово, составленное из греческих корней, но отнюдь не греческое слово; греки в свое время соединили эти же корни в обратном порядке – «филобибл» (φιλόβιβλος)». См.: Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб., 2004. С. 204.

нами – авт.); *auctoritas* («авторитет») – обозначение некоего свойства этого субъекта. Само действие обозначается глаголом *aueo*, одним из, говоря по Гётевски, «*Urworte*» («первоглаголов») латинского языка, необычайную густоту смысла которых возможно лишь с неполнотой передать в словарной статье. *Aueo* – действие, присущее в первую очередь богам как источникам космической инициативы: «приумножаю», «содействую», но также и просто «учиняю» – привожу нечто в бытие или же увеличиваю весомость, объем или потенцию уже существующего. «*Augustus*», «август», самодержец в императорском Риме, – это человек, испытавший на себе подобное действие богов и ставший в результате более чем человеком и более чем гражданином. Но человек и гражданин, при условии своей полноправности, также может быть субъектом этого действия. Ему дано «умножить» силу некоего сообщения, поручившись за него своим именем. Он способен нечто «учинить» и «учредить»: например, воздвигнуть святилище, основать город, предложить закон, который в случае принятия его гражданской общиной будет носить имя предложившего. Во всех перечисленных случаях гражданин выступает как *auctor*; им практикуема и пускаема в ход *auctoritas*»<sup>61</sup>. Но автор первоначально – просто представитель определённых сообществ и особых групп, выделившихся из числа соплеменников. Автор, правда, сам часто мифологизировался (например, великие основатели городов, искусств и т.п.). Первые авторы изначально остаются в пространстве устной традиции передачи информации: образов, знаний и аксиологических смыслов.

Особые профессиональные группы людей переосмысливают (перепевают) старые мифы и создают новые, которые сами становятся сакральными знаками, вещами, предметами, мифологическими кодами, несущим важные человеческие значения и религиозные смыслы. Под

---

<sup>61</sup> Аверинцев С.С. Авторство и авторитет // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994. С. 105.

действием личностного фактора, племенных событий и перемен, появлялась возможность добавить в тот или иной миф новые действия, знаки. Например, важную роль в этом играют шаманы, в памяти которых и находится тот или иной ритуал или обряд. В случае успеха новая интерпретация или добавление в ритуал может сохраниться и в дальнейшем будет передана будущим поколениям. Вероятно, в это же время происходит и становление культурного феномена автора и авторства, который стремится «поставить печать» своего личного имени на предметы духовного производства<sup>62</sup>. Проследить это взаимодействие можно на основе исследований греческих поэм «Одиссея» и «Илиады».

Как отмечается во многих исследованиях, в древние времена не было общего и единого текста гомеровских поэм, так как во время жизни Гомера, певца-аэда, его поэтические тексты не были записаны, а лишь устно передавались из поколения в поколение. В дальнейшем, место певца занял рапсод (древнегреческий певец, поэт или чтец эпических поэм), который исполнял письменные тексты поэм наизусть. Они жили некоторое время при дворе аристократа, воспевали славу былых времен, и в дальнейшем присоединялись к демиургам (профессиональным мастерам)<sup>63</sup>. Для подтверждения факта, что поэмы имеют под собой устное творчество, учёные обратились к так называемым полевым исследованиям. Эти исследования были проведены А.Б. Лордом, который провел свое исследование в Югославии. Как выяснилось, некоторые певцы могли удерживать в памяти и исполнять от 200 до 400 тысяч стихов и даже больше. Эта теория подкрепляется данными русского, кипрского, критского, ирландского и других образцов устного народного поэтического творчества.

---

<sup>62</sup> Петров М.К. Самосознание и научное творчество Ростов н/Д, 1992. С. 21. Подробнее см.: Учреждающая дискурсивность Михаила Петрова: Интеллектуал в интерьере культурного капитала / [В.П. Римский и др.]. Под ред. В.П. Римского. М., 2017. С. 65-80.

<sup>63</sup> Херрманн Й. История человечества Том III VII век до н. э. – VII век н.э. Тверь, 2003. С. 84.

Дальнейшее исследование гомеровских поэм и языка Гомера было затруднено появлением теории дисконтинуитета между ахейской и древнегреческой цивилизациями. Наиболее отчетливо эта теория в последнее время получила свое освещение в исследовании И.Е. Сурикова. Хотя он и признает, что в Греции на рубеже II и I тыс. до н.э. сохранялся в целом тот же этнический состав населения, но считает, что значительным препятствием для преемственности и восприятия важнейших компонентов ахейского культурного наследия была утрата письменности и возврат греческого общества на стадию устной культуры и родоплеменных отношений. Возможно, именно с этим и было связано такое презрительное отношение эллинов к письменной речи и книге, ассоциированными ими с покорёнными племенами писцов и «грамотеев».

Однако в гомеровской Греции письменность вряд ли полностью исчезла: информация Фукидида о древних городах и городах, возникших после Троянской войны, побуждает считать, что городская культура и письмо на рубеже II и I тыс. до н.э. не исчезли. Это подтверждается также современными исследованиями гомеровских поэм и возникновением алфавитной письменности. Археологические раскопки позволили учёным заявить, что авторы (или автор) «Илиады» и «Одиссеи» были неграмотными устными сказителями-импровизаторами, но алфавитная греческая письменность уже имела широкое распространение, и Гомер был не просто устным сказителем-импровизатором, а вполне себе автором и создателем героического эпоса поэм «Илиада» и «Одиссея». Это могло иметь место именно в результате континуитета, преемственности между ахейской и эллинской цивилизациями.

Изобретение письма предрекло собой мощнейшую культурную революцию в сфере передачи, хранения и воспроизведения текстов, которые до этого существовали лишь в устной форме. В устной традиции есть механизмы, которые вырабатывались долгое время. Их основой была

контактная коммуникация, т.е. передача информации от говорящего к слушающему. Цепь подобных действий и делает возможной передачу информации среди современников в пространстве и во времени от предков к потомкам.

Устный текст состоит из ритмико-мелодических организаций, использованием стереотипных и трафаретных формулы, которые легко запоминаются. Смысловая часть устных произведений сохраняется благодаря и внетекстовым факторам, таким как ритуалы, обряды. Однако при этом, устная словесность имеет возможность изменчивости и вариативности. Это связано с тем, что она имеет определённый уровень свободы, связанный с возможностью обновления традиции. Устный текст, может реально существовать только непосредственно в процессе его изложения или исполнения. После этого он целиком не хранится в памяти исполнителя и каждый раз воссоздается, обладая более или менее точным сходством с первоначальным устным текстом. Он меняется в зависимости от ситуации, времени и места его проведения. Также большое значение имеет и личностный фактор исполнителя.

Словесный текст, представляет собой синкретичное единство, с разнообразными компонентами: обрядовыми и театральными элементами, ритуальными действиями. Таким образом, устный текст является не только формальным произведением, но и имеет смысловую нагрузку.

Изобретение письменности дало новый виток в развитии культуры. Она обеспечила постоянное существование текста во времени. Благодаря этому произошло отчуждение языкового материала от носителя, вследствие чего была разорвана связь между хранением, воспроизведением и передачей информации. Устный текст не мог постоянно храниться в памяти исполнителя без его периодической реализации. Теперь возникла возможность передавать его без постоянного воспроизводства и

запоминания. Текст и информации получили стабильность и перестали быть подвижными и изменчивыми.

Письменность не сразу приобретает повсеместный характер, каков он был присущ устному слову. Она постепенно приобретает форму, образует разные литературные жанры, формы стилистики. В начале, она используется в чисто практических целях: хозяйственные и административные записи, гадания, молитвы. Именно через эти формы, письменность и проходит свое развитие. Так было в Древнем Египте, Месопотамии. Первое время фольклор соседствовал с письменностью. Когда летописец фиксировал исторические знания, он опирался на устные генеалогии, исторические и мифические предания. В различных районах планеты, происходили случаи письменной фиксации фольклора. Так, известен эпос аккадо-шумерской цивилизации под названием «Эпос о Гильгамеше». Часто, даже фиксированный на письме текст мог быть видоизменён следующим исполнителем и интерпретирован в свободном виде. Сюда относятся и прочтение текстов вслух, где устный текст не соответствует его письменному варианту. В дальнейшем, происходит отделение фольклора от письма.

У всех народов мира, располагающих письменностью, существовали мифы и легенды о происхождении письменности. В мифах египетских, шумеро-аккадских и хеттских народов повествуется о том, что их язык был создан богами, либо такими создателями выступали покровители городов-государств, в которых появлялся язык<sup>64</sup>. Из книговедов первым обратил на это внимание В. Анисимов, который отметил, что «по преданию всех народов, изобретение письменности совершилось уже в ту отдаленную эпоху, когда люди находились еще в непосредственном сношении с небесным миром»<sup>65</sup>. Рассмотрению мифологических текстов о происхождении письменности и книги в разных странах и регионах мира

---

<sup>64</sup> Сусов И.П. История языкознания. Тверь, 1999. С. 45.

<sup>65</sup> Анисимов В. (Сост.). Краткий очерк развития письменности и типографского искусства в России. Пг., 1920. С. 7.

посвящены работы Ю.Н. Столярова<sup>66</sup>, большой материал содержится в многочисленных хрестоматиях и энциклопедиях по мировой и культурно-региональной мифологии<sup>67</sup>, из которых мы кратко приведём мифологические «факты» о культурогенезе письменности и книги.

В Древнем Шумере как верховное божество почитался Энлиль, который владел Таблицами Судеб – священными записями, дающими неограниченную власть. Изобретателем письменности считался бог Энки, распорядитель судьбами людей. Писцы считали своими покровителями богинь Нингирсу и Набу. Данные мифы хорошо показывают, что в древней Месопотамии письменность и книги-таблицы понималась как феномен космического и священного порядка, полученные людьми во воле богов или в борьбе с ними.

Древние египтяне Богом почитали Тота, хранителя знания, изобретателя письма и культуры. В честь Тота делали письменные приборы, на которых вырезались молитвы. На саркофагах Тот изображён в виде ибисоголового человека с письменными принадлежностями в руках. Тот заведовал тростью писца, охранял его папирусы и книги<sup>68</sup>. Египтяне называли свою иероглифическую письменность «божественной речью» и считали ее даром богов<sup>69</sup>. Тот в мифах связан с лунным божеством и символикой Луны, покровительствовал писцам, производителям знаний и письма, всех искусств и наук, был «знатоком всех языков», «Владыкой времени», который разделил его на годы, месяцы. Тот вел «небесную летопись» судеб людей; считался покровителем астрономии, медицины,

---

<sup>66</sup> См.: Столяров Ю.Н. Мифы разных народов мира о ниспослании письменности // Научное и культурное взаимодействие на пространстве СНГ в контексте развития книгоиздания, книгообмена и науки о книге : материалы Международной научной конференции, Москва, 24-25 ноября 2014 г. : К 300-летию Библиотеки академии наук : в 2 ч. Ч. 1. М., 2014. С. 254-256; Столяров Ю.Н. Истоки книжной культуры. Челябинск, 2017.

<sup>67</sup> Подробно см.: Мифологии древнего мира. М., 1977; Мифы народов мира. Энциклопедия. (В 2-х томах). Т. 1. М., 1980; Мифы народов мира. Энциклопедия. (В 2-х томах). Т. 2. М., 1982; Гуляев В.И. Шумер. Вавилон. Ассирия: 5000 лет истории. М., 2004; и др.

<sup>68</sup> Тураев Б.А. Тот, древнеегипетский бог // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Т. 82. СПб., 2007. С. 176.

<sup>69</sup> Тураев Б.А. История Древнего Востока. Л., 1935. С. 171.

религиозных текстов, создателем «Книги мертвых», изобретателем игральных карт, игр в шашки и кости, покровителем архивов и знаменитой библиотеки Гермополя, центра культа Тота. Книги в Древнем Египте считались священными и магическими, частью «души Ра», дарованными божественным небом. Это является прямым свидетельством существования в Древнем Египте культа письменности. Отличие от древневавилонской мифологии состояло в том, что письменность не воспринималась как результат героических деяний и войны с богами, но была органическим даром богов и средством общения с ними.

В эпоху эллинизма греки, а затем и римляне, своеобразно перекодировали египетские мифы. Например, Тота греки частично отождествили с Гермесом, изобретателем письма, и дали ему название «трижды величайшего» (Трисмегистоса)<sup>70</sup>. В древнеримской культуре Гермесу соответствовал Меркурий, покровитель магов и астрологов. А.Ф.Лосев очень хорошо показал в своих работах<sup>71</sup>, что с письменностью и искусствами в античной мифологии ассоциировался образ и символика Прометея.

Однако существовало и большое различие между отношением к книге и письменности в восточной и древнегреческой мифологиях. «В составе подлинного мифологического предания греков мифы об изобретателе письмен практически отсутствуют; обычно греки довольствовались указанием на то, что к ним буквы были занесены с Востока финикийцем Кадмом<sup>45</sup>. Что касается Гермеса, то его мифы рисуют отнюдь не изобретателем письмен, но изобретателем лиры (которую он подарил Аполлону), покровителем рынка (и потому ораторского искусства) и учредителем гимнастических упражнений. Есть статуи Гермеса в позе оратора, но ни один античный ваятель или живописец не изображал Гермеса

---

<sup>70</sup> Шустер Г. История тайных союзов, обществ и орденов. М., 2005. Т. 1. С. 344-345.

<sup>71</sup> См.: Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976.



с песчими принадлежностями... Дары эллинских богов – вокально-ораторская культура и физическая культура, хорошая постановка голоса и хорошая тренировка мышц – это главные символы классической «калокагатии». Грамотность была необходимым подспорьем этой «калокагатии», но не могла войти в ряд ее символов. Ее и не причисляли к дарам богов»<sup>72</sup>, – замечал С.С. Аверинцев.

Многочисленные восточные мифологические сюжеты четко указывают нам на осознание людьми уже в архаическую эпоху «онтологии» письма как специфического средства, регулирующего человеческое бытие в соответствии с универсальными образцами: именно поэтому прообразом письменности представлялась сама космическая судьба, что является основой архетипа Книги как священной модели Вселенной, который позже воплотился и в более поздних, зрелых культурах. Аналогичные явления мы и находим в древних мифологиях.

При всем различии сюжетов о возникновении письменности, все мифы и легенды объединяет понимание божественного, сакрального изобретения письменности, как дела высших сил, проявление милости и щедрости богов, которыми они одарили людей. В таком представлении кроется глубинный культурно-исторический исток почитания книги и даже ее сакрализации. Этот вывод позволяет открыть у народов «некий общий пласт, представляющий собой отдаленное наследие, истоки которого уходят в тысячелетнюю глубину веков»<sup>73</sup>. Поэтому ореол сверхъестественности в течение веков столь ярко сиял над книгой, что вплоть до средних веков включительно считалось, что «человек и книга составляют некое двуединство. При этом книга стояла выше, нежели человек»<sup>74</sup>. Важно отметить, что древнейшие мифические боги Востока – прародители письменности и книги – обычно оказываются на вершине пантеона,

---

<sup>72</sup> Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб., 2004. С. 199, 200.

<sup>73</sup> Гейштор А. Мифология славян. М., 2014. С. 291.

<sup>74</sup> Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 170.

занимают в сонме богов более почетное место, чем боги земледелия, любви, мудрости и даже войны. Чем это можно объяснить?

В первую очередь тем, что письмо уже в самой глубокой древности понималось как нечто более высокое, чем обычные дела человека. Передача невидимой «информации» – сферы смыслов и самой памяти – здесь понималась как нечто сверхприродное, роднящее людей с богами. Кроме того, возникает принципиальный вопрос: если исходить из того, что в целом «мифологическое мышление соответствует менталитету бесписьменной культурной традиции»<sup>75</sup>, как тогда совмещается с этим представлением само существование мифов об изобретателях письменности? По-видимому, поскольку создание мифов – это процесс исторический, содержание мифов видоизменяется, приводится в соответствие с новыми историческими реалиями. Подлинные изобретатели письменности либо забываются, либо мифологизируются, превращаясь в богов, титанов или героев. Таким образом, возникает особый феномен поздней, «вторичной» мифологии или ремифологизации истории (концепция Б.А. Семеновкера<sup>76</sup>). Генезис письменности в процессе трансформации культуры отражен в мифе, который, тем самым, является важной формой осмысления феномена письменности и книги в контексте общей «картины мира».

Как отмечает В.Д. Шинкаренко, «мифическое сознание в отличие от эмоционально-чувственного восприятия мира объединяет в себе также и знаково-смысловое речевое сознание, сформированное во внутреннем пространстве. Такие два вида сознания еще не отделены друг от друга, что делает восприятие духов и богов такими же реальными, как чувственно воспринимаемый окружающий мир, восприятие которого как раз и

---

<sup>75</sup> Островский А. Б. Парадигма мифологического мышления: очерк вклада К. Леви-Стросса. СПб., 2004. С. 176.

<sup>76</sup> Семеновкер Б.А. Эволюция информационной деятельности. Бесписьменное общество. М., 2008. С. 31.

доказывает реальность их существования»<sup>77</sup>. Тем самым, именно в форме мифа происходит тот первичный переход от образного к знаковому мышлению, на котором основана книжная культура.

Ведь точное сохранение информации не может произойти только в связи с фактором многократного пересказа и искажения правильного понимания того или иного явления, поэтому для ее сохранения, сжатия в древних цивилизациях появляется письменность, которая прошла долгий путь от пиктограммы и идеограммы, до алфавита. Тем самым, изучение семиотики мифов о происхождении письменности дает ценный материал, подтверждающий современные концепции онтологии книги как целостного образа мира, указывая на их древний источник.

Письменность совершила переворот в сфере фиксации и воспроизведения устных текстов и языка. Для появления письменности было необходимо, чтобы набор обозначаемых ситуаций был связан со знаками, а последние стали общеприняты (это обеспечивала замкнутость касты жрецов). У устной традиции были свои механизмы, их основой была контакт, т.е. передача информации от говорящего к слушающему. Цепь контактов создавала возможность передачи информации в пространстве и во времени от предков к потомкам. Смысл и понимание устных произведений сохранялись благодаря и внетекстовым факторам (традиции, ритуалы, обряды).

Изобретение письменности обеспечило постоянное существование текста во времени, произошло отчуждение языкового материала от носителя, вследствие чего была упрощена связь между хранением, воспроизведением и передачей информации. Устный текст не мог постоянно храниться в памяти исполнителя без периодического озвучивания, а теперь возникла

---

<sup>77</sup> Шинкаренко В.Д. Смысловая структура социокультурного пространства: Миф и сказка. М., 2005. С. 5.

возможность передавать его без воспроизведения. Текст и информация получили стабильную форму, перестали быть подвижными и изменчивыми.

### ***1.3. Книга в древневосточных культурно-цивилизационных системах***

В этом параграфе мы ставим задачу проследить генезис письменности от пиктограммы до алфавита и письма в качестве культурно-исторической предпосылки появления первичных форм книги, связанных с институализацией образования и религии в древневосточных цивилизациях. Но первоначально также хотели бы дать небольшой обзор степени разработанности тематики.

Проблемами происхождения письма занимались В.И. Гуляев, М.И. Дьяконов, М. Матье, А. Морэ, С. Крамер и другие авторы (см. библиографию в конце работы). Развитие египетского письма исследовал Б.А. Тураев, его работы посвящены рассмотрению вопроса различия иератического и демотического письма в древнем Египте. Б.А. Тураев также подробно описал уровень образования, подготовку писцов в Древнем Египте. На примере археологических находок Древнего Египта, исследователь рассмотрел различные варианты прообразов учебных пособий. Прослеживается линия изучения авторства в Египте, на основе найденных папирусных свитков. Автор уделил большое значение обзору литературного наследия древних египтян.

Интересны и фундаментальные работы М.А. Коростовцева, в которых проводится рассмотрение вопроса по истории становления письменности в Египте, освещаются все стороны деятельности египетский писцов, уровень их подготовки и образования Египта в целом, содержатся многочисленные документальные факты, основанные на археологических данных.

Д. Тилдесли изучает вопрос о вариантах египетских папирусных свитков. Информация представлена в справочном виде, которая содержит в

себе различные формы и жанры египетской литературы. В работах М. Матье рассказывается о различиях между демотическим и иератическим письмом Древнего Египта. Вопросом образования в Египте занимались такие ученые, как Н. Опритов, А.Н. Джурицкий. По истории развития письменности у шумеров, а так же ее трансформаций в Месопотамии, важное значение имеют исследования В.И. Гуляева. В.В. Струве изложил поэтапное развитие письма и алфавита во всем древневосточном регионе. Автор, как и многие другие исследователи, склонен считать, что первый алфавит появился во II тыс. до н.э. в Палестине.

М. Пенник рассмотрел вопрос о значении знаков алфавита через призму их сакрального значения. Работа интересна тем, что автор рассказывает нам тайное и магическое значение букв, их первоначальное написание, до появления первого алфавита. Работа Н.А. Павленко основывается на рассмотрении основных гипотез о происхождении алфавита. В своем исследовании он так же подтверждает тот факт, что письменность зародилась во II в. до н.э. в на восточном побережье Средиземного моря. Важное значение имеют и работы И.Т. Канаевой, в которых объясняются этапы развития письма и просматриваются формы существовавшие книги в данном регионе.

Как мы показали выше, все народы прошли период мифологического и мифоэпического сознания, своеобразной «устной книги» и лишь в процессе цивилизационного развития стали фиксировать информацию на каком-либо материале, т.е. возникли первые книги. Первыми «исполнителями» и знатоками «устных книг» можно считать эпических аэдов и рапсодов, к которым с полным основанием можно отнести и одного из первых фиксированных авторов – Гомера, создателя и транслятора своего устного текста, поэм «Илиада» и «Одиссея», которые впервые были записаны в Афинах на свитках только около 510 г. до н.э.

Сначала письменность использовалась в религиозных, культовых (для гаданий и молитв) и практических целях (для хозяйственных и административных записей). Но даже в древневосточных цивилизациях письменность обретает и прагматические и не религиозные функции, также становится способом записи художественных, литературных текстов. Одним из выдающихся памятников шумерской литературы является «Сказание о Гильгамеше», которое дошло до наших дней в нескольких отличных друг от друга редакциях, выполненных различными народами жившим с шумерами: аккадцами, ассирийцами и другим народами в период со второй половины III тыс. до н.э. до середины I тыс. до н.э. Данное сказание о путешествиях легендарного правителя крупного шумерского города Урука считается одним из эпических памятников мировой литературы. Многие востоковеды считают, что он был реально существовавшей личностью и правил в Уруке в период с XXVII-XXVI веках до н.э.<sup>78</sup>.

Нам известны семь древних систем письма: шумерская, протоэламская, протоиндийская, китайская, египетская, критская и хеттская. Клинописная система письменности была изобретена шумерами, поскольку самыми древними надписями, найденными при раскопках, – а это более тысячи табличек и фрагментов, начиная приблизительно с 3000 г. до н. э. – являются надписи на шумерском языке<sup>79</sup>. Известный американский лингвист И. Гельб писал: «Если верно, что египетское письмо возникло, как принято считать, под воздействием шумерского, и если древнейшие египетские надписи правильно датируются приблизительно 3000 г. до н. э., то шумерское письмо нельзя относить к более позднему времени»<sup>80</sup>. Вероятнее всего, письменность была изобретена в городе Уруке в начале IV тыс. до н.э. Таблички были небольшого размера, и на них писались клинописные знаки.

---

<sup>78</sup> Ростовцев Е.А. История книжного дела. Часть 2 Л., 1965. С. 165.

<sup>79</sup> Канева И.Т. Шумерский язык. СПб., 2006. С. 11.

<sup>80</sup> Гельб И.Д. История письменности. От рисуночного письма к полноценному алфавиту. М., 2017. С. 88.

В начале своей истории шумеры вели записи с использованием рисунков (пиктограмм), т.е. выражали конкретные явления и понятия.

Далее у шумеров происходила трансформация и совершенствование письма, что и привело к появлению клинописи в III в. до н.э. Клинопись начиналась как пиктографическое письмо<sup>81</sup>. Клинописная система письма была создана примерно в IV тысячелетии до н.э. и просуществовала до I века до н.э. Важную роль в развитии письменности сыграли так называемые «дома табличек», которые являлись своеобразными школами, библиотеками и архивами. Писцы и их ученики были средой, которая способствовала развитию письменности Месопотамии, обучение которой строилось на основе переписывания текстов. Уже во II тысячелетии до н.э. сложился список из 100 художественных произведений на аккадском, и около 90 на шумерском языке<sup>82</sup>. Творцом письменности были жрецы.

Открытие шумерской письменности было спонтанным и полностью непредвиденным<sup>83</sup>. Клинопись, изобретенная шумерами, является одним из значимых достижений этой древневосточной цивилизации. Данное название возникло с тем, что запись велась на глине, и поэтому шумерское письмо преобразовалось в систему клинообразных штрихов. Самым подходящим для письма материалом была глина. Именно она была в большом количестве в местах обитания шумеров. Этот факт и определил дальнейшее развитие шумерской письменности. Таблички были небольшого размера. На них писались клинописные знаки. По сырой глине писец делал знаки при помощи специальной палочки. После этого глиняные таблички высушивались на солнце и передавались в архив, при этом важные документы специально обжигались, что делало их долговечными.

Записи первых шумеров были похожи на ребусы, они отражали сделки, воззвания к богам. Каждый знак был совокупностью нескольких линий и

---

<sup>81</sup> Дирингер Д. Алфавит. Изд. 2-е. М., 2004. С. 66.

<sup>82</sup> Дандамаев М.А. Вавилонские писцы. М., 1983. С. 91.

<sup>83</sup> Крамер С. Шумеры. Первая цивилизация на Земле. М., 2002. С. 69.

штрихов, выполненных в горизонтальном и вертикальном наклоне. Каждый отдельный знак представлял собой определенное сочетание нескольких штрихов, горизонтальных, вертикальных или наклонных<sup>84</sup>. Клинописная система письма имела большой ареал распространения: это сама Месопотамия, т.е. то место, где она первоначально возникла; также соседствующие с ней другие регионы, прежде всего, Иран, Малая Азия, Армения, Сирия, Кипр, Палестина и Египет. Такое большое распространение клинописи было обусловлено тем, что она стала своеобразным международным языком общения всего Древнего Востока. Самые последние записи, выполненные клинописью, были сделаны в 75 г. до н.э.

Основными центрами книжности в древней Месопотамии были такие города как Ниневия, Мари, Ниппур, Киш, Ур, Урук, Вавилон, Лагаш. В этих городах при храмах шло производство глиняных книг. При храмах были и обширные библиотеки. Так, наиболее крупным по количеству клинописных находок был город Ниппур. Здесь было найдено более 50 000 клинописных табличек, и поэтому, является первым в мире книжным собранием, где применялась библиографическая каталогизация фондов согласно сериям, областью знания и т.д.<sup>85</sup>. На каждой табличке этой своеобразной библиотеки было помещено название, а в глиняном колофоне написано оригинальное название таблички, с которой была сделана копия. Также в данной библиотеке были и воощенные книги, которые было гораздо легче исправлять и переписывать. Однако эти книги, как и книги из папируса и пергамента, не дошли до наших дней. Как отмечает ряд исследователей, в целом до наших дней дошло не более 10 % глиняных табличек из всей библиотеки Ашшурбанапала.

Писцом в Шумере были либо жрец, либо человек, состоящий при храме. Умение писать открывало перед ним широкие возможности. Он мог

---

<sup>84</sup> Климова О.В. История письма. Екатеринбург, 2009. С. 46.

<sup>85</sup> Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии. М., 1967. С. 89.



быть допущен ко всем делам суда или администрации. На документах почти всегда указывалась имя писца (для контроля за делопроизводством), что обеспечивало высокую ответственность за выполнение клинописи. Существовали также частные школы писцов, которые порой за плату оказывали «услуги в письме» и решении спорных проблем безграмотным соплеменникам<sup>86</sup>. Жрецы пытались монополизировать письмо в интересах своей касты, постоянно усложняя его и оберегая от постороннего вмешательства. С помощью письменности нужно было вести не только запись религиозных текстов и гимнов, но и учет товаров, хозяйственные и административные документы.

Зарождение письменности в Египте начинается примерно в IV тысячелетии до н.э. в эпоху Нового Царства (XVI – XI вв. до н. э.), когда египетская цивилизация и государство достигли наивысшего расцвета<sup>87</sup>. Самые первые источники по вопросу обучения в Древнем Египте, восходит к III тысячелетию до н.э. В ходе исторического развития, на территории Египта, происходит сложение определённого типа личности.

Эталоном египтянина, был стойкий к трудностям и лишениям человек, немногословный и терпеливый. Именно в этом стиле проходило образование и воспитание древних египтян<sup>88</sup>. Воспитание и школа были нужны, чтобы подготовить подростка, ребёнка и юношу к жизни во взрослом мире. Образовательная система в Древнем Египте состояла из нескольких ступеней. Формально, образование мог получить любой гражданин. Если оно проходило при храмах, то обучение оплачивалось из средств храмовой казны и пожертвований. В остальных случаях, обучение проходило в индивидуальном порядке, и велось при помощи отдельных преподавателей

---

<sup>86</sup> Истрин В.А. Возникновение и развитие письма. М., 1965. С. 214.

<sup>87</sup> Бругш Г. Все о Египте. М., 2000. С. 54.

<sup>88</sup> Джуринский А. Н. История зарубежной педагогики. М., 1998. С. 89.

наставников<sup>89</sup>. Письменность в определённой мере служило задачам образования и воспитания.

Наиболее популярной и значимой профессией в египетском обществе была должность писца. Без него невозможно было вести делопроизводство в государственных учреждениях, решать споры, связанные с межеванием участков земли. Одна из древнейших скульптур изображающих писца относится к эпохе Раннего Царства. Она представляет собой фигуру человека, который сидит на полу, скрестив ноги и развернув на них папирус: это его профессиональная поза.

Х. Ранке отмечает, что скорее всего скульптура изображает нам визиря времен III династии, и говорит, что, «во всяком случае это самое древнее изображение человека, занимающегося умственным трудом, которая дошла до нас из Египта»<sup>90</sup>. Известна ещё одна статуя, которая хранится в Лувре. Скульптура была обнаружена в ходе раскопок храма времен Древнего Египта в Саккаре, в 1856 г. исследователем О. Мариеттом. Г. Бенедит и Г. Масперо отмечали, что возможно на скульптуре показан скромный писец, который служил знатному вельможе. Однако, как отмечают некоторые ученые, скорее всего, это статуя Каи – некоего чиновника, который занимал высокий пост в администрации нома. Это мнение подтверждается тем, что она была обнаружена в мастабе, где был погребен Каи, в позе сидя на стуле.<sup>91</sup> Данная поза была привычной, для всех важных чиновников Египта. Статуи говорят о том, что Каи очень уважал и ценил свое положение в качестве чиновника, а также был горд, что он является писцом. По тем временам, он был очень образованный человек<sup>92</sup>. Несомненно одно: во времена Древнего Царства, вельможи и сановники были писцами и очень часто занимали высокие посты в египетской государственной иерархии.

---

<sup>89</sup> Там же, с. 21.

<sup>90</sup> Ranke H. Die archaische Statue eines Schreibendes // Bd 75. 1939. S. 89-92.

<sup>91</sup> Матье М. Искусство Древнего Египта. М.: Искусство, 1970. С. 21-22.

<sup>92</sup> Capart J. The name of the scribe of the Louvre // JEA. Vol. 7. 1921. P. 186.

В резиденции фараонов собирались самые знающие люди того периода. Именно здесь, при царской канцелярии и сложились первые египетские школы. Впервые египетский термин «школа» появился в древнем тексте «Обращение к живым», который был найден в гробнице сиутского номарха. В этом тексте умерший обращается к живым и, перечисляя имена, называет тех, кто ходил в школу<sup>93</sup>. Существование таких текстов прослеживается, начиная от Древнего Царства до римского времени. Все это точно говорит о том, что в Египте школы писцов существовали на протяжении всей его истории. Установлено и нахождение некоторых школ. Одна из них находилась в здании храма Рамсеса II, в западной части города Фивы. Другая школа размещалась в храме богини Мут в Карнаке<sup>94</sup>. Уроки в таких школах проходили под открытым небом. Свидетельством того, что здесь находились школы, является то, что тут обнаруживается большое количество черепков от глиняной посуды, исписанных ученикам. Эти школы находились при ведомствах, и готовили будущих работников. Но всегда данные школы выполняли функцию подготовки писцов. Другим типом школ были школы для художников, о чем свидетельствуют многочисленные находки их рисунков<sup>95</sup>. Помимо этого обучение письму проходило и в канцеляриях: учителя, работавшие при них, писали поучения своим ученикам.

Об этом имеется упоминание в папирусе Анастаси V. В начале папируса, писец поместил в нем пять поучений. Начав со стандартных угроз и увещеваний, писец обращается к своему ученику со словами: «Когда я был в твоём возрасте, я проводил своё время жизни в колодках: именно они смогли усмирить меня и были на мне три месяца. Я был заключен в храм, тогда как отец и мать мои работали в поле»<sup>96</sup>. Этим учитель показывает

---

<sup>93</sup> Brunner H. Die Texte aus den Grabern der Herakleopolitenzeit von Siut. Gluckstadt, 1937. P.69.

<sup>94</sup> Griffith Fr. Stories of the High-Priests of Memphis. Oxford, 1900. P. 44.

<sup>95</sup> Перепелкин Ю.Я. К вопросу о возникновении энциклопедии на Древнем Востоке // Труды Института книги, документа и письма. Т. 2. Л., 1932. С.75.

<sup>96</sup> Перепёлкин Ю.Я. История Древнего Египта. СПб., 2000. С. 108.

своему ученику, что бы тот понял, что те наказания, которые налагаются на него, сломят его упорство, и он станет писцом.

Имелись также и своеобразные *учебники* по изучению письма. Особый интерес представляет папирус, найденный Фл. Петри, при раскопках в Тунисе, в доме некоего Бекиеху (II в. н. э.)<sup>97</sup>. Этот документ является чем-то вроде палеографического справочника: он содержит параллельные вертикальные строки в первой права – иероглифический знак, во второй – его иеротический эквивалент, и наконец, в третьей дается чтение знака. Папирус очень пострадал от времени, но все же в нем сохранилось более 200 знаков. Все рассмотренные пособия для обучения письма носят сугубо утилитарный характер, и их конечная цель практическое обучение письму. Как уже подчеркнуто выше, египтяне поздних эпох владели староегипетским и среднеегипетским. Одним из показателей этого знания является так же демотический папирус Карлсберг I астрономического содержания<sup>98</sup>: он является переводом на демотический язык более древнего иероглифа – иеротического текста и содержит комментарии, по существу дела и по языку.

Должность писца была одной из самых привилегированных: писца избавляли от тяжёлой и трудной физической работы, они всегда были обеспечены, не платили налогов и не несли повинностей. Они сами могли руководить всякими работами и имеют возможность занять самые высокие должности в государстве, выбор профессий не был ограничен. Отношения между учителем и учеником были патриархальными. Ученики называли учителей «отцами», а учеников – «сыновьями». Из некоторых документов нам известно, что писцами были не только дети знати и высокопоставленных лиц. Нередко писцами становились выходцы из народа. В этом отношении показательны слова из текста «Поучения Ани»: «Нет сына, чтобы (стать) начальником сокровищницы, нет наследника начальника канцелярии,

---

<sup>97</sup> Griffith Fr. Two hieroglyphic papyri from Tanis. London, 1889. P. 18.

<sup>98</sup> Hans-Otto Lange, Otto Neugebauer: Papyrus Carlsberg No. 1 Ein hieratisch-demotischer kosmologischer Text. Munksgaard, Kopenhagen 1940. P. 33.

вельможи, контролёра и писца, искусственно своей рукой и в своей работе, а это не то, что дается детям (по наследству)»<sup>99</sup>. Известно заключение Диодора, что дети жрецов обучаются священному письму «иероглифическому» и обиходному «демотическому», а остальная масса египтян не обучается искусству писать, за исключением ремесленников и художников, которые обучаются ему в очень скромных масштабах. Но есть сведения, что должность писца не передавалась по наследству: им мог стать каждый, в силу своей умелости и образованности. Одновременно с этим, существовали семьи, в которых профессия писца передавалась по наследству, из поколения в поколение.

В дальнейшем на основе иероглифов произошло становление фонетического египетского алфавита, который однако, не получил широкого распространения<sup>100</sup>. На основе археологических находок, а также текстов античных авторов можно выяснить, что грамотность была распространена среди египетского населения, в котором писцы занимали привилегированное положение. Скорей всего, первоначально в египетском письме, как и у некоторых народов, знак не был привязан к звуковому эквиваленту. Такое письмо называется *пиктографическим*. Письменность в Египте разделилась на два типа, но основой являлось иероглифическое письмо. Первое – это *иератическое*, другое – *демотическое*. Оба вышеназванных письма развивались из иероглифического письма. Как отмечал М.А. Коростовцев, становится ясно, что демотическое письмо является письмом народа, письмо знати – иератическое письмо, письмо царей – иероглифическое письмо<sup>101</sup>. Все вышеперечисленные виды письма не отличаются друг от друга какими-либо серьезными различиями, так как относятся друг к другу как, например, наш печатный, стенографический и рукописный текст.

---

<sup>99</sup> Перепёлкин Ю.Я. История Древнего Египта. СПб., 2000. С. 121.

<sup>100</sup> Гуляев В.И. Шумер. Вавилон. Ассирия: 5000 лет истории. М., 2004. С. 72.

<sup>101</sup> Коростовцев М.А. Писцы Древнего Египта. СПб., 2001. С. 89.

Продолжало оформляться *авторство*, которое зарождалось ещё в эпоху мифосознания, как мы показали выше. Во многих папирусах, текст которых носил художественный или эпистолярный характер, в медицинских трактатах, в конце или начале папируса имеется информация о составителе данного текста. На многих папирусных свитках писались имена писцов, которые создал тот или иной источник, но египетская «художественная» литература с этой стороны представляет собой совсем другую картину фольклорной «анонимности». В египетских литературных текстах прослеживается эволюция языка, литературных жанров и вкусов, идей. Можно отследить на некоторых текстах целую цепочку меняющихся произведений, отражающих историческую эпоху их возникновения.

В Египте были и обширные библиотечные фонды, такие как Александрийская библиотека, однако в ходе боев 391 г. между язычниками и христианами она была уничтожена, поэтому информацию о ее содержании мы получаем лишь из разрозненных произведений античных авторов<sup>102</sup>. Как отмечал Б.А. Тураев, ко времени сложения Египта почти сложилось и его письмо, пока употреблявшееся в скромных размерах<sup>103</sup>. На пластинках из слоновой кости, дошедших от времени фараона Мины и изображавших события его царствования, мы видим не только символические обозначения и отдельные иероглифические знаки, но и целые строки, написанные фонетически, правда, для нас еще непонятные, но свидетельствующие, что иероглифическая система была уже в это время готова. Письмена на надгробных плитах третьего царя I династии Джета уже отличаются изяществом, свойственным классическим временам. Это соответствует общему укладу жизни, который в это время значительно приблизился к тому, который был в Египте фараоновских эпох<sup>104</sup>.

---

<sup>102</sup> Квеннелл М. Гомеровская Греция: культура, быт, религия. М., 2005. С. 98.

<sup>103</sup> Тураев Б.А. История Древнего Востока. Т. 1. Л., 1935. С. 166.

<sup>104</sup> Там же, с. 167.

Письменность, как дополнительное орудие общения, до оформления в стройную систему прошла ряд ступеней<sup>105</sup>. Скорее всего, первоначально в египетском письме, как и у некоторых других народов, знак не был привязан к звуковому эквиваленту. Такое письмо называется пиктографическим. Вопрос о происхождении письменности интересовал египтян уже в древние времена. Б.А. Тураев отмечал, что подобно вавилонянам, египтяне считали свою культуру откровением богов<sup>106</sup>. Названия этих двух видов письма были заимствованы у древних авторов. Климент Александрийский указывал на три типа письма и писал: «Получающие воспитание египетское начинают с системы египетских букв, так называемых эпистографических. Затем переходят к изучению букв иератических, или иерограмматических, которые находятся в употреблении у жрецов, пишущих о вещах священных. Оканчивают изучением систем букв иероглифических»<sup>107</sup>. Другие античные авторы пишут о существовании двух других видов письма: о так называемом «священном письме» – т.е. иероглифах, и о «курсиве», который у всех авторов называется по-разному.

Знаменитый античный историк Геродот называл данный курсив «демотикой». Именно от Геродота и пошло название «демотическое письмо». Как отмечает А. Видеман<sup>108</sup>, Геродот мог видеть и иератические тексты, но, как и многие его современники, не мог отличить их от демотических<sup>109</sup>. В своем сочинении, под название «Hieroglyphica» греческий философ Горapolлон<sup>110</sup>, дал истолкование 189 египетским иероглифам. Значительная часть этих объяснений признана даже современной наукой верной. Так, например, египетский символ стебля означает год, коршун означает – мать, гусь – сын, страусиное перо – ответственность. Однако не

---

<sup>105</sup> Коростовцев М.А. Введение в египетскую филологию. М., 1963. С. 17.

<sup>106</sup> Тураев Б.А. История Древнего Востока. Т. 1. Л., 1935. С. 88.

<sup>107</sup> Климент Александрийский, Строматы. Т.2. СПб., 2003. С. 339, 532.

<sup>108</sup> Видеман А. Религия древних египтян. М., 2009. С. 56.

<sup>109</sup> Там же, с. 165.

<sup>110</sup> Горapolлон. Иероглифика. М., 2015. С. 45.

все иероглифы были истолкованы верно, некоторая часть из них признана сомнительной.

В связи с этим интересно сообщение арабского историка позднего средневековья Макризи (1364-1441), который в своей истории коптов говорит, что в древности «они имели свой язык и три различных вида письма – письмо народа, письмо знати, употребляемое жречеством, и письмо царей»<sup>111</sup>. Основным типом материала для письма в Египте был папирус. Его преимуществами было то, что он является более удобным, легким и мобильным писчим материалом, по сравнению с другими.

Скорость написания иероглифов должна была отразиться и на их форме. Так как при письме на папирусе и заменяющих его материалах запись велась при помощи кисти, то можно понять, что все знаки, которым были присущи острые углы, при быстром написании изменялись и округлялись. Таким образом, шаблонные иероглифы становились курсивом и линейным письмом. Очертания иероглифов упрощались и схематизировались, становились неузнаваемыми. Данный курсив существовал в двух формах – иератическом и демотическом виде<sup>112</sup>. Важно и указание Геродота о характере направления египетского письма. Как он отмечал, эллины пишут и считают с левой руки к правой<sup>113</sup>. Египетское письмо отличается от Месопотамской клинописи тем, что ее направление было слева направо, т.е. подобны современным шрифтам.

Однако в архаичный период письмо в Вавилоне и Египте не имело отличий друг от друга, а было одинаковым. Писцы Вавилона и Египта, в древнейшие времена писали тексты вертикальными строками. Они заполняли папирусный свиток либо глиняную таблетку справа налево<sup>114</sup>. Этот способ письма имел свои преимущества: писец легко мог держать лист папируса или

---

<sup>111</sup> Wustefeld F. Makrizi's Geschichte der Kopten, Göttingen, 1845, S. 140.

<sup>112</sup> Коростовцев М.А. Введение в египетскую филологию. М., 1963. С. 32.

<sup>113</sup> Геродот. История (в девяти томах). М., 1999. С. 156.

<sup>114</sup> Струве В.В. Происхождение алфавита. СПб., 2002. С. 22-23.



глиняную таблетку левой рукой и таким образом не позволял ей двигаться и перемещаться в ходе письма. Данный способ писать до сих пор сохраняется в Китае. Но у данного способа есть и свои недостатки – при заполнении листа папируса палец мог затереть только что записанный знак левой рукой.

Именно это неудобство и заставило писцов древнего Египта и Вавилона повернуть лист и глиняную табличку так, чтобы письмо располагалось не вдоль высоты писчего материала, а вдоль широты. Как следствие, это привело к тому, что вместо вертикальных строчек появились горизонтальные, знаки стали писать не стоя, а на боку, но начало письма начиналось в том же месте писчей поверхности<sup>115</sup>. В Вавилоне писцы начали писать на глиняной таблетке с верхнего левого угла, который до реформы был правым верхним углом. Начало записи было в том же исходном месте, но поменялось лишь положение листа и начертание букв. Таким образом, механически начиная писать с исходной точки, писцы Вавилона изобрели новый вариант направления – слева направо. Именно это направление и стало типичным для всех письменных систем Европы.

В Египте писцы провели подобную реформу не так механически. Даже при повороте листа папирусов на 90 градусов иероглифы продолжили сохранять прежнее вертикальное положение. Новый пункт начала письма не был перенесен на новое место – верхний левый угол, а стал локализоваться в верхнем правом, соответствовавшем до изменения положения листа – низшему правому углу. Это было направлено сознательно, для сохранения старых правил письма – горизонтальными строками справа налево<sup>116</sup>. Для того, чтобы разобраться в тексте, написанном неизвестным письмом на неизвестном языке, необходимо наличие другой надписи известным письмом

---

<sup>115</sup> Канева И.Т. Шумерский язык. СПб., 2006. С. 6-7.

<sup>116</sup> Струве В.В. Происхождение алфавита. СПб., 2002. С. 22-23.

на известном языке и наличие в данной записи имен собственных<sup>117</sup>. Именно так и произошла дешифровка египетской письменности.

Иероглифическое письмо, изобретенное египтянами и представленное на древних памятниках (около 3500 лет до н.э.), в эпоху Птолемеев и римского владычества постепенно выходит из употребления, вытесненное греческим и коптским письмом. Окончательно, египетский язык был забыт после закрытия всех египетских храмов, при которых шло обучение иероглифическому письму. Соответствующий указ был издан императором Феодосием. Исчезли все жреческие школы, отменялось обучение древнегреческому языку в государственных канцеляриях. Последняя иероглифическая надпись была высечена в 395 г. н.э. в храме Исиды на острове Филе. Самый поздний известный текст – демотическая надпись – относится к 452 г. н.э.<sup>118</sup>. Разгадка тайны египетского письма пришла на начало XIX в. Так, отождествления иероглифических знаков, установленные Шампольоном на основании Розетского камня, были блестяще подтверждены найденной в Филях в 1815 г. второй двуязычной надписью. Здесь имелся ещё картуш. Данное царское имя соответствовало в греческом тексте имени<sup>119</sup>. Таким образом, в течение своей истории, египтяне выработали то письмо, которому суждена была великая будущность<sup>120</sup>.

Во II тысячелетии до н.э. на территории Палестины создаются первые варианты алфавитной системы. При сравнении письменности финикийцев и древних семитов, обнаруживается очень близкое сходство. Так, например, угаритский алфавит существовал одновременно с древнесемитским алфавитом<sup>121</sup>. В древнеегипетском тель-амаранском архиве, хранится переписка фараонов с государствами Месопотамии, которая велась при помощи клинописи. В Палестине, наряду с клинописью, употреблявшейся

---

<sup>117</sup> Струве В.В. История древнего Востока. Краткий курс. М., 1934. С. -21.

<sup>118</sup> Морэ А. Нил и египетская цивилизация М., 2007. С. 76.

<sup>119</sup> Струве В.В. История древнего Востока. Краткий курс. М., 1934. С. 21.

<sup>120</sup> Тураев Б.А. Египетская литература. СПб., 2000. С. 30.

<sup>121</sup> Там же. С. 801.

для международных и дипломатических целей, существовала и местная письменная традиция, т.е. алфавит.

Важным изобретением цивилизаций Древнего Востока, было создание алфавита. Слово «алфавит» произошло от греческого языка для указания букв, которыми пользуются при письме на том или ином языке. Это слово состоит из названий первых двух букв греческого алфавита: alpha («альфа») и beta («бета» либо по другому произношению «вита»). Впервые, данное слово встречается у Тертуллиана (около 155-230 гг. до н.э.) и у св. Иеронима (около 340-420 гг.). Тацит писал: «Египтяне первыми обозначали познанное умом при помощи изображения животных, и они утверждают, что именно они изобрели буквы. Впоследствии финикийцы, поскольку им принадлежало первенство на море, перенесли их в Грецию и присвоили себе славу изобретателей букв, хотя в действительности они их только заимствовали. Отсюда и предание, будто Кадм, прибывший с финикийским флотом к ещё диким в ту пору берегам Греции, был создателем искусства письма»<sup>122</sup>. Алфавит представляет собой буквенно-звуковое письмо, которое выражается в фонеграмматике, т.е. каждому знаку соответствует один звук.

Первыми алфавитными системами были так называемые константно-звуковые алфавиты. В таком алфавите знаки обозначаются только согласными, т.е. константны. Самым известным, и наиболее распространённым является финикийский алфавит (семитский алфавит). В науке существует большое количество теорий, связанных с созданием и распространением алфавита. Ряд исследователей считали, что местом возникновения алфавита является Египет. Однако следует отметить, что количество египетских иероглифов было столь велико, что случайное совпадение с буквами неизбежно. К тому же, если бы алфавит возник в

---

<sup>122</sup> Тацит. Анналы. XI. 14.

Египте, то египтяне вряд ли бы продолжали на протяжении веков пользоваться многочисленными иероглифами<sup>123</sup>.

А. Эванс развивал теорию о том, что алфавит был перенесён с Крита в Палестину филистимлянами – древним народом, населявшим Крит. Однако к моменту завоевания ими Палестины – 1200 г. до н.э. – история алфавита насчитывала уже несколько веков. В 1952 году М. Вентрисом (Великобритания) было дешифровано крито-линейное письмо Б, но внутренняя связь между крито-микенским и семитским алфавитами не была установлена. Согласно синайской теории, которая основана на археологических находках, производимых в ходе экспедиции на Синай в 1904 году, было выявлено, что данные надписи, имеют промежуточное значение между семитскими и египетскими алфавитами. В 1953 году недалеко от Вифлиема были обнаружены наконечники дротиков с подобными надписями, которые так же имеют некоторое сходство с будущим семитским алфавитом. Всего сохранилось около 50 подобных надписей<sup>124</sup>. Появление этих надписей объясняется тем, что в эпоху расцвета египетского царства здесь существовали копи по добыче меди. Египтяне держали там гарнизон для отражения набегов со стороны бедуинов. Офицеры и чиновники, посылаемые туда, оставляли там свои надписи.

Впервые Синайские надписи были собраны воедино Вейлеем. Среди этих надписей, особое значение приобрели надписи, найденные в руднике Уади-Магара. Исследователи обратили внимание на фрагмент надписи, состоящей из 8 знаков, написанных своеобразным письмом, очень схожим с египетскими иероглифами, но, однако, имели совершенно другое фонетическое значение<sup>125</sup>. Также необходимо упомянуть тот факт, что помимо протосемитского алфавита, в данном регионе существовал ещё один алфавит, который носил название угаритского алфавита.

---

<sup>123</sup> Гилдесли Дж. Египет. Возвращение утерянной цивилизации. М., 2007. С. 67.

<sup>124</sup> Шифман И.Ш. Финикийский язык. М., 2010. С. 58.

<sup>125</sup> Вейль Р. Собрание египетских надписей Синай. М., 1999, С. 194.

Археологические раскопки в районе древнего сирийского города Угарит (современный Рас-Шамр), которые были сделаны в 1929 г. Ф.А. Шеффером, Ш. Жене, Ш. Виролло, дали науке бесценные находки. Были обнаружены глиняные таблички, с еще не известной до этого клинописью. Через Угарит, который был крупным портовым городом, велась торговля с островами Эгейского моря, Критом, Египтом. Культура этого города-государства впитывала в себя достижения других культур. Так, двор угаритских царей, по убранству, напоминал резиденцию египетских фараонов и т.д.<sup>126</sup>. Появился данный алфавит в XV веке до н.э., который состоял из 30 знаков, только 6 из которых были схожи с шумеро-вавилонско-ассирийской клинописью. Он был сходен только с методом письма – выдавливанием значков на глине при помощи стилуса, и направлением письма – слева направо. Шесть угаритских клинописных знаков из тридцати сходны с семитским алфавитом.

Ареал распространения данного алфавита, установлен благодаря археологическим находкам: табличка с короткой надписью, угаритского алфавита, была найдена в Бет-Шемене в Палестине. Поэтому ареал распространения данной письменности был велик. Существует теория, согласно которой данный алфавит был создан местным жителем, причем идея создания алфавита была заимствована из семитских письменных систем, а клинописный характер письма, был выбран в качестве подражания шумеро-аккадской клинописи<sup>127</sup>. Однако многие исследователи считают, что все известные нам алфавиты произошли из одной и той же системы письма – протосемитской, созданной в западносемитском регионе во II веке до н.э. Эта гипотеза основывается на археологических находках их города Библ. Находки были сделаны исследователем М. Дюнаном в 1929 г. Он рассматривает данное письмо, как протосемитское, т.е. так же некое

---

<sup>126</sup> Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии. М., 1967. С. 145.

<sup>127</sup> Гордон С.Н. Угаритская грамматика. М., 1987. С. 73.

промежуточное звено до финикийского алфавита. Дюнан отмечал, что все знаки данного алфавита схожи с первыми образцами финикийского письма. Сам исследователь относит данную находку к 2000-1800 гг. до н.э., т.е. алфавит сформировался уже в период египетского Среднего царства. Таким образом, данная теория наиболее широко принята в научных кругах. Вероятно, ко II тысячелетию до н.э. в Финикии предпринимались многочисленные попытки по введению алфавитного письма<sup>128</sup>.

Схожие с находками в Библии надписи находят и в Палестине. Эти надписи являются своеобразным промежуточным звеном от синайских находок и первых форм финикийского алфавита. Эта теория получила название «недостающего звена». К находкам из Палестины относят: черепок из Телль эль-Аджула, найденный в 1891 г., черепок из Гезера, обнаруженный в 1929 г., кинжал из Лахиша, найденный в 1934 г. и ряд других находок. Все они датируются XIV-XV веками до н.э. Таким образом, следует отметить, что во II тыс. до н.э., на территории Палестины, предпринимались различные варианты введения алфавитной системы. При сравнении письменности финикийцев и древних семитов, обнаруживается очень близкое сходство. Скорей всего, создателями более простой систем письма были торговцы и мореходы, таковыми были и многие семитские народы<sup>129</sup>. В отличие от греков, семиты и народы, перенявшие у них язык, использовали алфавит без гласных. Гласные считались понятными и вставлялись по усмотрению читающего, т.е. каждый знак семитского языка обозначал конкретный согласный звук.

В науке до сих пор нет должного объяснения причины отсутствия гласных. Мори Дюнан отмечал, что семиты специально не ставили гласных, и, благодаря этому, их алфавит быстро распространился из-за его высокой приспособляемости. Ряд других исследователей отмечали, что в начале,

---

<sup>128</sup> Дирингер Д. Алфавит. М., 2009. С. 125.

<sup>129</sup> Кондратов А.М. Книга о букве. М., 1975. С. 89.

каждая буква алфавита означала не один звук, а состояла в виде слогов. В другой теории, гласные отсутствовали по причине существования различных диалектов, в которых одно и то же слово могло означать разное значение. Именно поэтому, изобретатели алфавита дали возможность подстановки гласных исходя из местной практики<sup>130</sup>. Кроме того, «анализ археологических свидетельств четырех текстовых культур в Леванте XVII-XI вв. до н.э. позволяет сделать вывод о формировании ономастики и дукта графем левантийских абecedариев в среде египетской писцовой пропедевтики»<sup>131</sup>.

Важен вопрос и о причинах порядка букв в алфавите. Порядок, придуманный семитами, вероятнее всего, является древнейшим, что подтверждается и археологическими находками. Во время одной из них в ходе экспедиции Уэллкома в южной Палестине, на ступенях лестницы дворца, были найдены надписи учеников. Среди них были и надписи первых пяти букв алфавита в привычном нам порядке. Надпись относят к IV веку до н.э. Есть и другая версия, согласно которой первая буква алфавита в древнесемитском языке обозначалась, как голова быка или коровы. Семитские народы очень уважали и ценили наличие скота, который считался символом благосостояния. В дальнейшем, данный символ трансформировался в современную букву «А», которая изображалась в лежачем варианте. Именно поэтому, есть основания полагать, что алфавит основан на фонетическом принципе сходстве звуков.

О происхождении названия букв существует теория В. Гезениуса, который объяснял это сходством букв древних алфавитов с предметами, на которые они похожи. Поэтому буквы происходят от рисунков, которые употреблялись как идеограммы. По мнению исследователя, названия букв

---

<sup>130</sup> Лявданский А.К. Происхождение и ранние этапы развития западносемитского алфавита // Языки мира: Семитские языки. Том 1. Серия «Языки мира». М., 2009. С. 799.

<sup>131</sup> Суцевский А.Г. Формирование левантийской алфавитной системы в среде древнеегипетской писцовой пропедевтики // Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2015. Вып. 4. С. 14.

вызывали в памяти соответствующую букву. Хотя сходство между названием и предметом изображаемым буквой было поверхностным, оно было реальным. Так дом (бет), дверь (далет), ладонь (каф), рот (пе), голова (реш), верблюд (гимел). Семитские названия всех этих букв начинаются тем самым звуком, который обозначается соответственной буквой: т.е. б, д, к, п, р, г<sup>132</sup>. Например, вторая буква семитского алфавита – бет». Она обозначает дом, а по форме она указывает на происхождения от пиктограммы с изображением дома. Дом представляет собой человеческое творение, стремление к стабильности и собственности. Бет означает замкнутость пространства, т.е. крышу, как важное качество дома<sup>133</sup>. Существует мнение, что значения и названия букв финикийского алфавита носят метафизический характер.

Так, по мнению Н. Пенника, в семитском языке буква алеф, означает богатство. Форма буквы была взята из пиктограммы с изображением головы коровы или быка. Ее первая позиция в алфавите, как отмечает заинтересованность крестьян в своем главном богатстве – крупном поголовье скота. В древних обществах, с их традиционным жизненным укладом бык либо корова были источником, от которого зависела жизнь семьи. Она воспринимается как некая независимость от других людей, самостоятельность, удовлетворённость. Это означает и определённое равновесие с окружающей средой, что и выражается в геометрическом виде буквы<sup>134</sup>.

Самые ранние финикийские надписи найдены на могиле финикийского царя Ахирама. Она была найдена в окрестностях Библа и относится к XI в. до н. э. Ещё одной из семитских надписей является надпись на Моавитском камне. Этот камень увековечил победу царя Моава по имени Меша. Скорей

---

<sup>132</sup> Степанов Ю.С. Проскурин С.Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в период двоеверия. М., 1993. С. 163.

<sup>133</sup> Пенник Н. Магические алфавиты. Сакральные и тайные системы письма в духовных традициях Запада. М., 2014. С. 107.

<sup>134</sup> Добльхофер Э. Знаки и чудеса. Рассказы о том, как были дешифрованы забытые письмены и языки. М., 2004. С. 68.



всего, данная надпись содержала в себе 35 строк. Из них 30 прекрасно сохранены. Другие, последние 5 строк – сохранились в обрывках, и при переводе являются частью фраз. Последние две строки стелы полностью утрачены. Размер стелы: в высоту 124 см., в ширину 71 см. Два верхних угла стелы скруглены. В настоящее время она хранится в Левуре<sup>135</sup>. Причиной изобретения алфавита в Палестине и Сирии связано с тем, что данный регион представляет собой «мост» между великими цивилизациями Египта и Месопотамии. Страны, находящиеся здесь многократно переходили из рук в руки, их посещали купцы и торговцы из разных стран. Однако назвать точную родину появления алфавита невозможно. Есть информация о двух важных центрах, где он мог появиться – это Кирьят Сефер, «Город книги» в Палестине и Библ – «Книжный город» в Сирии.

Как отмечают многие исследователи, появление *протосемитского алфавита* относят к 1730-1580 гг. до н.э. В это время уже были все условия для создания более «демократичной письменности», в отличие от теократической письменности Египта и Месопотамии, в которых она подчинялась культурым целям и письменность вкупе с книгой почиталась как откровение свыше (магическая роль придавалась не только книге или письму, но и отдельным знакам). Примером могут служить заупокойные тексты Древнего Египта: считалось, что знаки живых людей и животных могли навредить умершему, поэтому если иероглиф изображал человека, то в данном случае оставалась лишь верхняя часть изображения – голова и плечи; в случае изображения животного – его рассекали пополам<sup>136</sup>. Скорей всего, создателями более простой систем письма стали торговцы и мореходы, каковыми и были многие семитские народы.

Финикийская система алфавита содержала 22 знака. Существовал строгий порядок, когда буквы заучивались и запоминались наизусть. На

---

<sup>135</sup> Там же, с. 106.

<sup>136</sup> Морэ А. Нил и Египетская цивилизация. М., 2007. С. 178.

данный момент уцелели, и древние семитские азбуки, которые относятся к VI в. до н. э. В дальнейшем этот порядок букв был без существенных изменений перенесен на греческий алфавит. Дальнейшее развитие алфавита шло по пути заимствования. Греки переняли финикийский алфавит примерно в IX-VII вв. до н.э. Семитская буква «алеф» преобразовалась в греческую «альфу» (Α), бет в греческую «бетту» (Β), гимел в греческую гамма (Γ), далет в греческую дельта (Δ). На данный момент сохранилось более 55000 надписей, сделанных греческим алфавитным письмом<sup>137</sup>. Главным новшеством, которое сделали греки, является введение гласных в алфавит. Появилось так называемое вокализовано-звуковое письмо.

Это новшество было введено в V веке до н.э. и способствовало появлению классического алфавита, состоящего из 17 согласных и 7 гласных. С целью создания гласных звуков, некоторые знаки финикийского алфавита, а именно: алеф, хе, вав, йод, айн, которые в финикийском варианте предназначались для передачи гортанных согласных, отсутствующие в греческом языке, приспособляются для передачи гласных греческого языка. Таким образом, алеф – а (альфа), хе – э краткое (эпсилон), вав – и (ипсилон), хеш – э долгое (эта), йод – и (йота), айн – о краткое (омикрон). Позднее был добавлен знак «омега», представляющий собой видоизменение омикрона, для обозначения гласного о долгого<sup>138</sup>.

В дальнейшем финикийский алфавит был заимствован греками, которые стали им пользоваться примерно с VIII века до н.э. Греческий алфавит состоял из 24 букв. Надписи, сделанные греческим алфавитным письмом, также писались справа налево. Только в середине IV века до н.э. греки начали писать слева направо. Перемена письма у эллинов, по мнению К. Фогта<sup>139</sup>, объясняется тем, что во время письма, у них было совершенно

---

<sup>137</sup> Valentina Calzolari, Michael E. Stone. *Armenian Philology in the Modern Era: From Manuscript to Digital Text*. BRILL, 2014. P. 24.

<sup>138</sup> Павленко Н.А. *Краткий очерк письма*. М., 1965. С. 97.

<sup>139</sup> Шифман И.Ш. *Финикийский язык*. М., 1963. С. 77.

иное положение тела, чем у семитов. Как считает учёный, в отличие от грека семит сидел на ковре и правой рукой держал тростниковую палочку, а левой двигал писчий материал. А древний эллин писал, сидя за столом, по неподвижному материалу. Другим направлением развития финикийского алфавита был латинский язык, который обособился в отдельный алфавит в VI веке до н.э. Но об этом подробнее в следующей главе.

Во II веке н.э. произошло установление чтения гласных, однако сами символы для гласных букв появились не позднее VII века в так называемых масоретских школах и текстах (первая такая рукопись датируется 916 г.). В связи с этим появляется так называемое сословие масоретов – хранителей и в крайнем случае исправителей библейских текстов. Для обозначения гласных использовали согласные, которые по звуку подходили для постановки в текст. Примерно с X в. до н.э. начинается использование уже нескольких согласных. Данное распространение перешло и в арамейский, где теперь использовалось 4 согласных для обозначения гласных: алеф (а), ваф, иуд, хэй. Но этого оказалось недостаточно, т.к. эти буквы оставались одновременно и согласными и гласными, в их употреблении не было никакой систематичности и упорядоченности. Именно поэтому, в VI-VII веках н.э. была придумана система письма, с использованием так называемых диакритических значков. Из этого положения можно сделать следующие выводы, что в современных изданиях еврейской Библии, текст представлен на основе более позднего, обработанного масоретами тексте. Вероятнее всего, что данный текст происходит от единственной рукописи<sup>140</sup>.

Проведенный анализ проблематики данной главы позволяет сделать следующие обобщающие выводы относительно общих закономерностей возникновения и эволюции письменности и книги в древневосточном культурно-цивилизационном регионе.

---

<sup>140</sup> Якерсон С.М. Еврейская рукописная и первопечатная книга X-XV вв. как историко-культурный источник. Дисс. на соискание уч. ст. доктора истор. наук. СПб., 2005. С. 12.

Источником алфавита явились все формы общественного сознания, непосредственно или при помощи других форм порождающие миф, который даёт человеческой деятельности и его бытию смысл. При важных историко-культурных условиях, письменный знак начинает приобретать статус символа, который становится неотъемлемой частью культурной памяти народа, обладая непротиворечивостью, релевантностью практике, универсальностью и глубокой социокультурной мотивированностью.

Изначально алфавит является культурным феноменом, органически встроенным в национальную культуру соответствующего времени и пространства. Главной причиной появления письменности было развитие цивилизаций Древнего Востока и служения их хозяйственно-административного аппарата. Наиболее приемлемым временем возникновения алфавита, как наиболее развитой письменно-фонетической системы, является середина II тыс. до н. э. Благодаря этому с появлением письменности фактор стабильности текстов культуры начинает доминировать над их вариативностью и изменчивостью, поскольку письменная фиксация разрушила синкретическую цельность традиции, отделив слово от его контекста, от живого звучания и жеста.

Письменность совершила переворот в сфере фиксации и воспроизведения текстов, которые до этого существовали лишь в устной форме. Для появления письменности было необходимо, чтобы набор обозначаемых ситуаций был связан со знаками, а последние стали общеприняты (это обеспечивала замкнутость касты жрецов). В устной традиции были свои механизмы, её основой была контакт, т.е. передача информации от говорящего к слушающему. Цепь контактов создавала возможность передачи информации в пространстве и во времени от предков к потомкам. Смысл и понимание устных произведений сохранялись благодаря и внетекстовым факторам (традиции, ритуалы, обряды).

Однако точное сохранение информации не может произойти только в связи с фактором многократного пересказа и искажения правильного понимания того или иного явления, поэтому для ее сохранения, сжатия в древних цивилизациях появляется письменность, которая прошла долгий путь от пиктограммы и идеограммы, до алфавита. Тем самым, изучение семиотики мифов о происхождении письменности и археологических источников дает ценный материал, подтверждающий современные концепции онтологии книги как целостного образа мира, указывая на древние смыслы письменной книжной культуры.

## **ГЛАВА II. КНИГА В ЕВРОПЕЙСКОМ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ РЕГИОНЕ**

Во второй главе мы будем исследовать основные этапы культурно-исторической трансформации книги как носителя социально-исторической памяти и знаково-символического механизма социокультурной динамики на примере европейских культурно-цивилизационных систем – от древнегреческой эпохи до Нового времени, «эпохи модернити» (эпохи современности), которая длится до сих пор.

### ***2.1. Письменность и книга в античной и ранней христианской цивилизациях***

Обращаясь к рассмотрению специфики культурогенеза алфавита, письменности и книги в античном мире, следует отметить, что европейские историки всегда интересовались древнейшим прошлым Греции и Рима, которые являются колыбелью и основой всей культуры и цивилизации современного мира. Для изучения специфики письменности и книги в раннем христианском культурно-цивилизационном ареале для нас особое значение имеет исследование истории Библии, контекстов формирования ветхозаветного и новозаветного книжных канонов.

Весомый вклад в изучение развития античной книги внёс известный исследователь античности В.Г. Борухович. Ученый показал, что в античное время существовало два типа книг: книги-свитки и книги-кодексы. На заре распространения христианства, последние, получили наибольшую известность. Как отмечает исследователь, именно в античное время зародились основные формы литературных жанров, которые существуют и в наши дни. Именно в античное время были созданы и доработаны методы и

стили оформления книги, которые в дальнейшем использовались при создании Средневековой книги.

Вопросом происхождения библейских текстов Ветхого Завета, занимался такой видный исследователь, как И.Ш. Шифман. Ученый пришёл к выводу, что большая часть текстов Ветхого Завета была написана ещё в середине II тысячелетия до н.э. Важное значение играют и работы И.А. Кривелева, который изложил историю возникновения библейских текстов не только Ветхого Завета, но и изучил новозаветную книжную традицию. Его работы по изучению книг Нового Завета продолжила И.С. Свенцицкая. Эти авторы и их идеи будут для нас одним из моментов отталкивания при изучении исторической эволюции книги в европейском культурно-цивилизационном регионе.

Под античностью мы понимаем период, датируемый VII веком до н.э. и длившийся до VI века н.э., когда собственно цивилизационная «античность» (древность) уже более шести веков пересекалась со становящейся культурой христианства.

Начальная история Древней Греции связана с цивилизацией на острове Крит, которая оставила нам ряд исторических и культурных проблем, которые возможно никогда не будут решены. В широких кругах она носит название «эгейской цивилизации», по-другому – «минойской» (термин был предложен А. Эвансом по имени царя Крита Миноса), существование которой датируется III и серединой II тысячелетия до н.э. Критское цивилизационное влияние распространялось на Малую Азию и материковую Грецию, что подтверждают многочисленные археологические находки<sup>141</sup>. Эллины, как морской народ, часто бывали на Крите и в своих мифах и легендах упоминали данный остров, отразив могущество и силу когда-то величественной цивилизации. Мы в своём исследовании генезиса европейской письменности и книги остановимся лишь на начальном этапе

---

<sup>141</sup> См.: Згурская М.П. Архитектурные стили М., 2009. С. 67.

формирования крито-микенской цивилизации, тайны которой до сих пор остаются под вопросом.

Говоря о могуществе минойской цивилизации А.А. Молчанов отмечал, что причиной ее могущества является талассократия, которая установилась в период ее наиболее сильного могущества: между XVI веком и первой половины XV века до н.э. Вся эта информация подтверждается археологическими находками. Следы минойской цивилизации отслеживаются в виде колоний и торговых факторий на обширной территории, от Средиземного моря и Кипра до Леванта, Сицилии, юга Италии, Македонии, Фракии и до северного побережья Африки<sup>142</sup>. Первые успехи в изучении культуры Крита были достигнуты стараниями английского археолога А. Эванса, которому с самого начала бросилось в глаза сходство знаков критских глиняных табличек с хеттскими иероглифами (например, изображения собаки или волка). По этой причине он и выдвинул гипотезу о существовании на Крите догреческой цивилизации. В 1894 г. Эванс отправился на Крит и начал раскопки легендарного дворца Кносса<sup>143</sup>. Где искать Кносский дворец было известно: вероятное его расположение указал Буондельмонте еще в XV веке (на его месте находилась древняя деревня Макротихо).

Следует также отметить, что раскопками Кносского дворца, в лабиринтах которого по легендам жил минотавр, начал заниматься ещё Г. Шлиман. Но, к большому сожалению, земля, на которой находился участок с древними останками дворца и на котором предполагалось делать археологические раскопки, принадлежал частному лицу. Г. Шлиману было не по карману выкупить этот участок. Именно поэтому открыть критскую культуру суждено было богатому англичанину А. Эвансу. Изучив

---

<sup>142</sup> Молчанов А.А. Памятники древнейшей греческой письменности М., 1988. С. 234.

<sup>143</sup> Лурье С. Заговорившие таблички М., 2002. С. 50; Амальрик А.С., Монгайт А.Л. В поисках исчезнувших цивилизаций М., 1959. С. 13.



обнаруженные тексты, исследователь разделил их на три группы: пиктографическое, линейное письмо А и линейное письмо Б.

Как писал Э. Добльхофер<sup>144</sup>, письменность на Крите возникла на основе местной древней письменной традиции – пиктографии (рисуночного письма). Данный метод фиксации и передачи информации применялся многими народами, находящимися на стадии родоплеменного общества. Пиктография было своеобразным рассказом в картинках, но оно не является памятником настоящего письма, которая призвана фиксировать формы звуковой речи. Однако возникновение пиктографии – это важный признак зарождения цивилизации. Такое письмо вызвано хозяйственными нуждами появляющегося общества и являлось средством учета. Изображения показывали животных, неодушевлённые предметы, людей, т.е. рисунки были связаны с реальными предметами, и, как отмечал уже С.Я. Лурье<sup>145</sup>, с XVII века до н.э. пиктография трансформируется в разновидность линейного письма, которой присваивается индекс А.

Большая часть надписей была найдена на каменных и глиняных оттисках печатей, которые были сделаны при отпечатывании наполненных припасами сосудов и других складских ёмкостей. Попадались и глиняные таблички с хозяйственными записями, выполненными тем же критским пиктографическим и линейным письмом А. Особой интерес представляют кубки, на внутренней стороне которых, чернилами сделаны надписи<sup>146</sup>. Большое количество текстов выполненных линейным письмом А встречается в маленьком городе Агия, где прослеживается богатейший археологический материал по данному вопросу.

Последующее развитие критского письма связано с употреблением устоявшихся знаков пиктографических рисунков в символике конкретных объектов и предметов, что стимулировало понятийное мышлением и генезис

---

<sup>144</sup> Добльхофер Э. Знаки и чудеса М., 2004. С. 71.

<sup>145</sup> Лурье С.Я. Язык и культура микенской Греции. М., 1957. С. 27-186.

<sup>146</sup> Казанский Н.Н. Диалекты древнегреческого языка. Л., 1983. С. 85-93.

образов-понятий, закрепленных с определенными фонетическими значениями слов. Так формировалась однозначность письменных и устных словесных знаков и слов, которые становились силлабограммами, знаками, обозначающими лишь начальный слог того или иного слова. А.А. Молчанов отмечает, что критское иероглифическое письмо, как и у других народов, шло именно таким путем, об этом говорит и такое важное наблюдение: знаки силлабограммы, имевшие прямой иконографический прототип – идеограмму (логограмму), – сохраняли подчас способность употребляться в письме и в том, и в другом качестве. Это ясно прослеживается в развившемся вскоре из иероглифики критском линейном письме А<sup>147</sup>. Пользоваться этим письмом могли с XVI века до н.э., а расцвет данного письма приходится на 1550 г. до н.э.; просуществовало оно до 1350 г. до н.э.

Как отмечают другие исследователи<sup>148</sup>, исчезновение линейного письма А происходит одновременно и с исчезновением самой крито-микенской цивилизации. Ее исчезновение связывают с последствиями разрушительного природной катастрофы – мощного извержения вулкана, которое произошло на о. Санторин (севернее о. Крит), и сопровождавшееся сильным землетрясением, последующими цунами и губительными наводнениями, а также разрушительным вторжением греков-ахейцев на Крит с материковой Греции.

Ареал распространения письменности минойцев был незначителен. Несмотря на длительность её существования, до сих пор, самое большое количество источников по этой письменности было обнаружено лишь во дворцах таких древних городов, как Кносс и Пилос. Несколько десятков текстов было обнаружено в Микенах и Фивах<sup>149</sup>. Все найденные надписи служили для различного рода учета, для ведения хозяйственных нужд.

---

<sup>147</sup> Молчанов А.А. Таинственные письмена первых европейцев М., 1980. С. 82-83, 98.

<sup>148</sup> Николас Хаммонд История Древней Греции М., 2007. С. 105.

<sup>149</sup> Леницман Я. А. Расшифровка крито-микенских надписей // Вопросы истории. №9. М., 1955. С.

Составлялись они обычно на глиняных табличках, лишь малая часть обнаружена на сосудах, печатях, предметах личного обихода.

Как отмечают многие исследователи, именно в ограниченном использовании минойской письменности и прослеживается причина ее незначительного распространения. Ее исчезновение, вызванное яркими политическими изменениями, связано с разрушением главных центров этой культуры, которые она обслуживала<sup>150</sup>. На данный момент, большая часть текстов линейного письма А до сих пор не дешифрована, и, следовательно, не может до конца пролить нам информацию об истории исконного коренного населения древнего Крита.

В дальнейшем ситуация на Крите развивалась следующим образом. На рубеже III и II тысячелетий до н.э. на территорию догреческого населения Балканского полуострова произошло вторжение грекоязычных племен – ахейцев. Именно с этого периода можно считать время зарождения греческого этноса. В самом начале ахейцы, начиная с XX-XVII веков до н.э., очень уступают в своём развитии достижениям минойской цивилизации. В этот период завоеватели находились на низком общественном уровне развития – стадии разложения родоплеменных отношений<sup>151</sup>. Откуда пришли ахейцы до сих пор неизвестно. Их путь восстановить практически невозможно. Тем более каждое племя существовало само по себе и имело свою историю. Ахейцы частично завоевали будущую Грецию, а частью продолжали жить в Восточном Причерноморье, на территории современной Абхазии. Они исчезли только во времена Римской империи. Они не отождествляли себя с остальными греками. Позже, в XV веке до н.э. ворвались в Грецию дорийцы, покоряя доиндоевропейские народы, а заодно

---

<sup>150</sup> Массон В.М. Первые цивилизации. Л., 1989. С. 56.

<sup>151</sup> Джалиашвили З. Культурология. СПб., 2008. С. 16.

своих сородичей – ахейцев<sup>152</sup>. Греки дорийцы и греки ахейцы не считали себя близкими народами. Они расселялись и жили независимо друг от друга.

С приходом ахейцев в различных частях Греции возникали новые царства, которые приводили к военным столкновениям между ними. Затем, постепенно возвысились цари из негреческого города Микены. Эллинские народные предания сообщают нам о двух могущественных династиях – Персеидах и Атридах, которые претендовали на власть не только в Пелопоннесе, но и во всей Греции. О силе царей Микен говорит тот факт, что когда был организован всеобщий поход всех греческих полисов на Трою, его возглавил микенский царь Агамемнон, который в народном эпосе именуется как «пастырь народов»<sup>153</sup>. Обосновавшись в Кноссе, бывшей столице крито-микенской цивилизации, греческие правители, скорей всего, много позаимствовали из предыдущих местных государственных образований. В частности, они переняли из предыдущих государственных установлений процедуру учёта материальных ценностей в дворцовом хозяйстве. Так как язык прибывших на территорию Крита новых племенных союзов отличался от господствующего на Крите языка, то они его приспособили под свои нужды и, тем самым, способствовали появлению линейного письма Б.

Как отмечают исследователи, линейное письмо Б, стало преемницей линейного письма А. Эти письменности имеют 48 общих знаков и около 20 из них происходят из древнего пиктографического письма<sup>154</sup>. Хозяйственная документация новых обитателей Кносского дворца велась на микенском диалекте греческого языка. Однако этническая ситуация на о. Крит в это время была сложной: большая часть населения острова состояла тогда и коренных жителей – минойцев и говорили по минойски<sup>155</sup>. Сейчас известно, что потомками древних обитателей Крита были так называемые этеокритяне.

---

<sup>152</sup> Кэлли С. Три волны переселения индоевропейцев в Европу М., 2006. С. 146.

<sup>153</sup> Тимофеев И. Греческие острова и Афины. М., 2012. С. 227.

<sup>154</sup> Баренбаум И.Е. История книги. М., 1984. С. 78.

<sup>155</sup> Кузищин В. История Древней Греции. М., 1996. С. 54.

Ещё в V веке до н.э. они считали себя отличными от эллинов и продолжали пользоваться своей исторической письменностью. Скорей всего, она представляла собой последний этап развития минойского письма, чем и объясняется то, что во многих табличках линейного письма Б, обнаруженных в Кноссе, имеют место догреческие имена.

Писавшие линейным письмом Б греки-ахейцы заимствовали большое количество слоговых знаков из письменности их предшественников. К ним перешла придуманная минойцами система счета чисел, многие идеограммы. Это прослеживается в числовых идеограммах, которые ставились за идеограммами, которые обозначали считаемые предметы. В минойской традиции, числа обозначались по десятичному принципу. Применялись специальные знаки для единиц – вертикальная линия, десятка – горизонтальная линия, для сотни – круг, для тысячи – окружность с отходящими от неё лучами, для десятков тысяч – изображение круга с отходящими от него лучами и вертикальной чертой внутри. Многие исследователи отмечают, что подобная система счета, была по логике, идентична римской системе счисления<sup>156</sup>.

Глиняные таблички линейного письма Б, найденные в различных городах ахейских государств, и изготовленные в разный период времени, имеют ряд внешних схожих формальных признаков, диалектическое единство – это прежде всего ведение хозяйственных дел, списки учета товаров<sup>157</sup>. Форма табличек сводится в целом к двум основным типам: «пальмовый лист», который имеет узкие горизонтальные полосы и страница в виде вертикального, достаточно широкого листа с скруглёнными углами. Многие другие таблички были промежуточной формы, но были схожи с одним из вышеуказанных форм табличек. На так называемых «пальмовых листьях» писались короткие тексты, которые умещались в одну или три

---

<sup>156</sup> Истрин В. Развитие письма. М., 1961. С. 83.

<sup>157</sup> Блаватская Т.В. Ахейская Греция во втором тысячелетии до н.э. М., 1966. С. 78.

строчки. Прямоугольные же таблички, в основном использовались для записи более обширных текстов<sup>158</sup>. Таблички изготовлялись из мягкой глины на плоской поверхности. Поэтому нижняя часть (оборотная), получалась ровной, а та часть, на которой писали, была выпуклой. Порой на ней прослеживаются отпечатки ладоней и пальцев ее изготовителей. Если текст не вмещался на выпуклой части, его переносили на обратную часть таблички<sup>159</sup>. Писцы вели текущую хозяйственную деятельность и хранили документы по датировке используя следующие ремарки: «следующего года», «этого года», «последнего года». Хранители документов не заботились об их длительной сохранности. Они просто высушивались на солнце.

До нас останки древней письменности микенской цивилизации дошли в целости, благодаря попаданию в пожар, в огне разрушений, разрушения храмов, зданий и помещений. Более важные документы должны были переноситься с глины на наиболее долговечный материал<sup>160</sup>. Хранились таблички на полках в специальных архивных помещениях, в ящиках и корзинках. На них были печати, на которых были написаны имена ответственных писцов, список названных в документе предметов.

Графика письменных знаков, как идеограмм, так и силлабограмм, фразеология канцелярий, стиль и порядок изложения, оформление обязательных подсчетов и итогов в конце документов, устойчивая терминология практически схожи во многих ахейских государствах. Все это поддерживалось единой системой подготовки писцов, которая была явно консервативной.

Около II-I тысячелетий до н.э. на территории Балкан происходят радикальные перемены социально-экономического, политического и этнического характера: с XII века до н.э. сюда приходит новая группа племенных союзов – греки дорийцы. Под их натиском рухнула вековая

---

<sup>158</sup> Бартошек А. Златобильные Микены. М., 1991. С. 56.

<sup>159</sup> Пенделбери Дж. Археология Крита М., 1950. С. 67.

<sup>160</sup> Молчанов А.А. Памятники древнейшей греческой письменности. М., 1988. С. 197.

цивилизация Микен. Одним из факторов победы дорийцев над тогдашними обитателями Крита было то, что дорийцы умели обрабатывать железо и победить ахейцев, вооруженных бронзовыми мечами, им не составляло труда<sup>161</sup>. Также они были прекрасными воинами-всадниками и мореплавателями.

Помимо этого они принесли с собой новых богов-олимпийцев: Зевс, Артемида, Апполон и др. Но у ахейцев дорийцы переняли многие навыки и традиции, так как находились на более низком уровне развития, чем ахейцы, и после завоевания Балкан Греция вступила в эпоху «темных веков». В условиях первобытнообщинного строя они, вероятно, не испытывали большой нужды в письменности, и вскоре она, как может показаться, была почти совершенно забыта. Поэтому письменность, первоначально созданная минойцами, которая существовала на протяжении нескольких веков, и затем перенятая ахейцами, была почти утрачена и превратилась в многочисленное артефакты прошлого, проливающие свет на великое прошлое европейской цивилизации только благодаря совместным стараниям археологов и лингвистов.

Под натиском дорийцев греки-ахейцы начинают отступать и заселяют острова Эгейского моря, основывают поселения на побережье Малой Азии, а новые племена создают одно из самых сильнейших и известных государств на Балканах – Спарту. Часть ахейцев была истреблена, однако некоторые представители ахейского рода смогли найти общий язык с завоевателями и в дальнейшем вошли в состав более поздней спартанской аристократии<sup>162</sup>.

Постепенно Греция начинала выходить из периода упадка. В VIII-VI веках до н.э. в новых городах-полисах происходит накопление знаний, вновь появляются своды знаний. Но средством объединения всего греческого населения, позволившего им выйти из периода «темных веков», стали

---

<sup>161</sup> Андреев Ю.В. Островные поселения Эгейского мира в эпоху бронзы. Л., 1989. С. 34.

<sup>162</sup> Новиков С.В. Всеобщая история. М., 2002. С. 43.

искусство и письменность. Именно поэтому творческие достижения в области культуры очень быстро превращались в общее достояние всего греческого населения. В это время возникают основные жанры художественной литературы, театр, скульптура, храмы<sup>163</sup>. Как после ахейского вторжения, так и после дорийского нашествия греческая земля не исчерпала свои возможности и потенциал. Греческие государства всегда сохраняли активные торговые связи с торговыми центрами Малой Азии, Египта, Финикии, Сирии. Именно благодаря торговым связям, особенно с финикийцами, которые в древние времена были важным народом в передаче развитых достижений цивилизации Западной Азии в Элладе. Это от них греки переняли достижение, которому суждено было дать импульс развитию цивилизации. Основной цивилизационной новацией древних эллинов и стало *открытие письменного алфавита*, состоящего из согласных, который затем был усовершенствован греками путём добавления гласных.

Одновременно с вопросом о появлении письменности остаётся спорным вопрос о происхождении алфавита. Данный вопрос уходит в самые глубины истории. Во многом, именно греки первыми заинтересовались вопросом о происхождении письменности. О финикийском буквенном письме в V веке до н.э. писал в пятой книге «Истории» Геродот. Он много путешествовал, бывал в восточных странах Древнего мира, и, возможно, только повторил пересказанную ему историю. Через 500 лет в 115-117 годах н.э. о том же писал и римский историк Тацит: «Египтяне первыми обозначали познанное умом при помощи изображения животных, и они утверждают, что именно они изобрели буквы. Впоследствии финикийцы, поскольку им принадлежало первенство на море, перенесли их в Грецию и присвоили себе славу изобретателей букв, хотя в действительности они их только заимствовали. Отсюда и предание, будто Кадм, прибывший с финикийским флотом к ещё диким в ту пору берегам Греции, был создателем

---

<sup>163</sup> Згурска М. Архитектурные стили. М., 2013. С. 54.



искусства письма»<sup>164</sup>. Как отмечает исследователь Г. Люльфинг, Тацит набросал картину, которая слишком проста, что бы быть истерически убедительной. Но она достаточно выразительна. Тем более, что мы вполне можем оставить в стороне самого Кадма – героическую и поэтическую фигуру греческого эпоса. Скажем лишь, что сын финикийского царя Кадм в поисках похищенной Зевсом Европы попал в Грецию и основал в Беотии (Центральная Греция) крепость Кадмею<sup>165</sup>. Согласно древнегреческому мифу Кадм принес грекам 16 букв. Фигура Кадма, как и вопрос о его «вкладе» в греческую письменность и культуру, несколько иначе трактуется С.С. Аверинцевым, о чём мы писали выше.

На самом деле, греки переняли все 22 буквы. Шестнадцать из них означали согласные, но для передачи греческого этого было мало. Пришлось оставшиеся шесть букв, которые у финикийцев тоже означали согласные, переделать в гласные. Й. Херрманн установил, что первыми, кто понял преимущества письменного языка, были, вероятно, торговцы, когда торговля достигла уровня, когда необходим учёт, опись имущества и ведение сделок с финикийцами. Самое древнее свидетельство – надписи на повседневных предметах, таких как Давилонская ваза, указывающая на то, что греки приняли этот алфавит во второй половине VIII века до н.э.<sup>166</sup>. Греческий алфавит прошёл долгий, вековой путь формирования и обрёл окончательный вид лишь в течение классического периода.

Первоначально существовало несколько вариантов алфавита в отдельных регионах греческого мира, отличавшиеся особенностями начертания и прочтения букв. Наибольшее распространение получил вариант принятый в Ионии. В 403 г. до н.э. ионийский алфавит был официально принят в Афинах и с тех пор сделался самым распространенным и вытеснил

---

<sup>164</sup> Тацит. *Анналы*, XI, 14.

<sup>165</sup> Люльфинг Г. *У истоков алфавита*. М., 1981. С. 19.

<sup>166</sup> Херрманн Й. *История человечества*. Том III. VII век до н. э. - VII век н.э. Тверь, 2003. С. 83.

все остальные типы алфавита<sup>167</sup>. Как и финикийцы, греки писали справа налево. В VI-V веках до н.э. официально было установлено написание слева направо, которое существует и по сей день<sup>168</sup>.

Греки вели оживленную морскую торговлю, и через их колонии на западном и восточном побережье Средиземного моря. Через греческих колонистов на западном побережье Апеннинского полуострова, с греческим письмом познакомились местные народы. Здесь, спустя время появилось латинское письмо, ставшее на многие века единственным для стран Западной Европы<sup>169</sup>. С развитием письменности и появлением алфавита на греческой земле, неотъемлемой частью жизни населения Балканского полуострова стала книга.

Книг было большое количество, и различались они по жанрам: художественная проза, поэзия, драматургия, сочинения по истории. Расцвет литературы и поэзии в Элладе в VI-V веках до н.э. связан с развитием книги и книжного дела. Папирус ввозился в Грецию из Египта в больших масштабах и стал одним из главных экспортируемых товаров наряду с хлебом и льняными тканями. Греки создают в Египте свою военную колонию – Навкратис, базу влияния Греции, а наемники из Греции становятся главной силой в египетской армии периода фараонов Саисской династии. Греки так же стали селиться и в специально сделанных для них помещениях. Влияние двух культур друг на друга происходит с высокой интенсивностью<sup>170</sup>. Но наибольшего успеха книжное дело достигает в крупном городском центре – Афинах, которые стали главным центром культуры всей Древней Греции<sup>171</sup>. Термин, которым древние греки обозначали книгу, было слово «библос». Отсюда вытекают и все современные слова с подобной основой: библиография, библиотека, и другие.

---

<sup>167</sup> Суриков И.Е. История культура Древней Греции. М.,2009. С. 45.

<sup>168</sup> Паль Р. Человек придумал книгу. М., 1983. С. 117-118.

<sup>169</sup> Андреев Ю.В. Раннегреческий полис. Гомеровский период. Л.,1976. С. 78.

<sup>170</sup> Борухович В.Г. В мире античных списков. Саратов, 1976. С. 30.

<sup>171</sup> Есипова В.А. История Книги. Томск, 2011. С. 68.

При рассмотрении *типа книги*, бытовавшей в античное время, мы можем обратиться к фрескам, барельефам, статуям, где изображены читающие люди. Основным типом книги в классический период была *книга-свиток*, в чём также сказывается влияние древнееврейской культуры. Данный тип книги долго сохранялся и стал вытесняться лишь ко II веку н.э. *книгой-кодексом*, которая существует и в наши дни.

Наиболее распространённым был стандарт свитка длиной в 6 метров<sup>172</sup>. Данный размер был удобен для читателя, т.к. слишком длинные свитки было неудобно перематывать, и ими было сложно пользоваться. О данном стандарте писал в своем произведении «Естественная история» Плиний Старший. Конечно, в обиходе были свитки и меньшего размера, реже большего. Исследователь Пиннер считал, что часто свиток имел размер равный 9,16 см. в длину, и 20-25 см. в высоту<sup>173</sup>. Однако, как отмечает В.Г. Борухович, такие свитки менее удобны для чтения: чтобы вернуться к прочитанному отрывку, необходимо долго перематывать свиток. Чтение свитка происходило обычно сидя, держав его обеими руками. Правой рукой его разматывали, а левой сворачивали. В зависимости от формата книги, варьировалась и высота свитка. Самым максимальным был размер: высота в 40 см., а минимальной – 5 см. Однако усреднённым размером были свитки папирусов высотой от 20 до 25 см. В длину, наиболее распространённым типом свитка был размер от 2 до 3 метров.

Такие размеры имели свитки отдельных песен «Одиссеи» и «Илиады», которые были широко популярны в Древней Греции. В архивах Британского музея хранится отрывок песни из III песни «Одиссеи»: одна колонна текста имеет 36-37 строк, а в ширину занимает около 16 см. Из этого следует, что длина свитка, который содержит весь текст III песни «Одиссеи» равен

---

<sup>172</sup> См.: Funke Fr. Buchkunde. Leipz., 1963, S. 50.

<sup>173</sup> См.: Pinner H. L. The world of books in classical antiquity. L., 1948, p. 14.

примерно 2,6 метрам<sup>174</sup>. Большие по объему произведения Древней Греции делились на книги. Размер такой книги был равен современной главе. Поэтому книга, которая была отрывком более крупного произведения или его частью, была записана в отдельный свиток. В классическую эпоху «Илиада» и «Одиссея» были поделены на 24 книги-свитки. Часто такие книги хранились либо связанными между собой, либо (чаще) находились в специальной шкатулке. Владелец данных свитков мог в любой момент достать нужную ему часть текста произведения. Свиток в свернутом состоянии занимал достаточно мало места. Это был цилиндр размером в 6-7 см. На юридическом языке Древнего Рима общее количество таких свитков одного произведения называлось *корпусом*. Многие сочинения авторов Греции состояли из большего числа подобных книг. Так, известное произведение Тита Ливия «История Рима от основания города» было собрано в 142 книги. Для удобства читателя и книготорговцев, они были объединены в *десятки* (по греч. «декады»).

Можно отметить, что именно в античное время формат произведения напрямую зависел от жанра произведения. Именно об этом живший в VII веке н.э. в своем «Начале» епископ Исидор из Севильи писал, что «известные типы книг изготавливаются по определенным правилам, более мелкие используются для сборников стихов или писем, исторические же сочинения имеют большие размеры...»<sup>175</sup>. Порой к листу папируса приклеивался лист пергамента, который выполнял защитные функции. До нашего времени дошёл такой документ, который принадлежал римскому чиновнику Субатиан Аквила из Египта, жившего в 209 г. н.э.

В древние времена, существовало два основных способа изготовления книги из папируса. Первый заключался в записи текста на отдельных листах папируса, а в дальнейшем их склеивали. Такой способ был удобен для

---

<sup>174</sup> См.: Böckwitz H. Beiträge z. Kulturgeschichte des Buches. Leipz., 1956. S. 5.

<sup>175</sup> Исидор из Севильи Начала VI, 12.

изготовления книг с массовым тиражом. В скрипториях под диктовку изготавливались одновременно десятки экземпляров отдельных листов текста. Второй способ был основан на первоначальной склейке папирусных листов в единый лист, и записи на нем текста. При таком способе изготовления книг текст пересекал места склеивания. Данный способ был удобен для изготовления единичных экземпляров книг. Когда писчего материала не хватало, текст писался на обеих сторонах папируса, и такие книги назывались опистографами (в подобном формате написаны тексты Плиния Старшего)<sup>176</sup>. Перед написанием текста лист папируса делился на линии при помощи линейки и свинцового диска, который был «карандашом» в древние времена. Линии были как горизонтальными – для строк, так и вертикальными – для колонок. Иногда, при создании книги, первоначально пользовались восковой табличкой, на которую заносился текст. Затем издатель диктовал его писцу, который переносил его на пергамен или папирус.

В греческих школах и в практической сфере писали на восковых табличках. Существовало различие в отношении к профессии писца на Востоке и в греко-римском мире: в Египте писец занимал более престижное положение (владел определённым символическим и человеческим капиталом); в Греции и Риме переписчиками становились часто и рабы<sup>177</sup>. Об этом писал и С.С. Аверинцев: «Греческая культура покоилась на иных предпосылках. Свободный гражданин свободного эллинского полиса, с детства умея читать и писать, не становился «писцом». Приобщаясь к литературной и философской культуре, распевая стихи лирических поэтов на пирушке или беседуя с Сократом, он не делался «книжником». По своему решающему самоопределению он оставался гражданином среди граждан, воином среди воинов, «мужем» среди «мужей». Пластический символ всей его жизни – никак не согбенная поза писца, осторожно и прилежно

---

<sup>176</sup> Плиний Старший. Письма III, 5, 17.

<sup>177</sup> Подробнее см.: Учреждающая дискурсивность Михаила Петрова: Интеллектуал в интерьере культурного капитала / [В.П. Римский и др.]. Под ред. В.П. Римского. М., 2017. С. 81-84, 142-145.

записывающего цареву слово или переписывающего текст Священного предания, но свободная осанка и оживленная жестикация оратора. В ближневосточных деспотиях особую весомость и полноценность имело написанное слово («канцелярщина»); но в афинском Народном собрании, в Совете, в демократическом суде присяжных судьбу государства и судьбу человека могло решать только устное слово»<sup>178</sup>. Отношение к письму, профессии писца и книге изменится лишь в эпоху эллинизма под влиянием ближневосточной культуры египтян и иудеев, а окончательное перекодирование экзистенциальных смыслов письменной культуры произойдет в ранней христианской культуре.

В позднеримскую эпоху выделилось два типа писцов. Первыми были *скрипториум*, которые непосредственно занимались изготовлением книг, и нотариусы, которые вели делопроизводство<sup>179</sup>. Римский историк Гай Транквилл Светоний (ок.70 - ок. 140 гг. н.э.) упоминал, что поэтов, не угодивших императору Калигуле, заставляли слизывать их произведения языком. В 207 г. н.э. была учреждена корпорация переписчиков – свободных граждан, работающих по найму и получавших зарплату построчно.

Начальные буквы строки и главы делались красной краской. Это были рубрики, т.е. красные строки. В дальнейшем, уже в римскую эпоху, происходит становление инициального книжного письма. Буквы стояли прямо, без каких либо колебаний влево и вправо. В греческой книге так же присутствовали изображения и иллюстрации. Плиний Старший пишет в своей «Естественной истории»<sup>180</sup>, что греки, описывая растения, делают рядом с ним изображение этого растения. Издатели часто привлекали к работе профессиональных художников. Однако у нас нет сведений, как была устроена их работа. Книги-свитки с иллюстрациями до нас не дошли. Они сохранились лишь в кодексах, которые начиная со II века н.э., начинают

---

<sup>178</sup> Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб., 2004. С. 196.

<sup>179</sup> Есипова В.А. История Книги Томск, 2011. С.67.

<sup>180</sup> Плиний Старший. Естественная история XXV, 8, 47.

активно вытеснять книгой-свиток. В отдельных случаях свитки прослеживаются и до позднего Средневековья, хотя в основном они использовались в официальных документах.

Есть мнение, что роль книги в античном мире был несоизмеримо более высока, чем в странах Древнего Востока. Например, известный исследователь античной книги Э. Бете заявил, что «впервые, книга появилась только у греков. И вместе с ней – сама литература»<sup>181</sup>. Однако, как мы уже показали выше, ссылаясь на С.С. Аверинцева, знатока античной филологии и культуры, это далеко не так. Он писал: «Не письма на свитке, но речь и жест оратора окружены ореолом «блистательности». А что такое письма? Когда тому же Еврипиду нужно выразительнее похвалить их, он не находит более возвышенной метафоры, чем «зелье против забвения»; так можно говорить лишь о чисто утилитарном, подсобном средстве, о костылях для человеческой памяти, о «лекарстве», в котором не было бы нужды, если бы люди были «здоровы», а не «заболевали» забвением. Но добротное ли это «зелье», не приносит ли оно вреда? Как известно, Платон сомневался даже в этом... Книги, по Платону, грозят извратить и подменить собой личностный контакт между собеседником и собеседником, между учителем и учеником, без разбора твердя достойному и недостойному одни и те же слова...»<sup>182</sup>. Утилитарное отношение было не только к письменному слову, тексту, как «костылю риторики», но и к самой книге: в ней видели в классической античности «доходное дело», которое было тогда чаще всего уделом ксенов и рабов.

Изготовление и продажа книг были прибыльным делом, поэтому богатые рабовладельцы и предприимчивые люди организовывали мастерские, где с утра до ночи переписывали популярные сочинения. Среди писцов наряду с вольнонаёмными людьми были и специально обученные

---

<sup>181</sup> См.: Bethe E. Buch und Bild im Altertum. Wien, 1945. S. 11.

<sup>182</sup> Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб., 2004. С. 197.

рабы, чей труд совершенно не оплачивался. Готовые копии тщательно сверялись с оригиналом, исправлялись замеченные ошибки. После этого свитки поступали в книжные лавки, которые находились при мастерских, на самых людных улицах города. Жестокая эксплуатация рабов изготовителей папирусов и писцов позволяла продавать книги по невысоким ценам. А.А. Говоров приводит примеры: свиток с сочинениями философа Анаксагора в Афинах стоил 1 драхму (20 копеек на наши деньги в советское время), стихи известного поэта Марциалла – 5 динариев (90 копеек). Но зато редкие книги могла цениться во много раз дороже. Так свитки с «Энеидой» Вергилия продавались за 500 драхм. Правда, они имели автограф великого поэта, что увеличивало их ценность. Книги переписывались тиражами по 100, 200 и 500 экземпляров. В обращении в библиотеках находились десятки тысяч томов. Об этом говорит тот факт, что в I веке до н.э. римский полководец Карнелий Сулла взял Афины и в числе других трофеев вывез в Рим 30 тысяч свитков. К сожалению, в исторических документах не сохранились сведения о том, как происходила торговля книгами, кто именно их производил.

Однако одно очевидно – именно в эллинистическую эпоху произошёл взлёт художественного слова, книжного искусства и литературы в целом. Именно в античную эпоху произошло развитие книжного дела, которое достигло высоких результатов в тот период. Скорей всего, в Афинах существовали скриптории, которые производили свою продукцию не только для внутренних нужд, но и для экспорта. Афиняне не могли доверить такое важное занятие, как изготовление книг своих известных писателей и поэтов, кому-нибудь другому.

Как отмечалось выше, начиная со II века н.э. книга-свиток начинает активно вытеснять книгой-кодексом. Появление кодекса связано с изобретением нового писчего материала – пергамента. Из пергамента изготавливались и свитки. Из античной традиции нам известно о таких книгах. Так, юрист Ульпиан упоминает об этих книгах; Исидор в своем



произведении «Начала»<sup>183</sup> также говорит об этом материале, Плиний Старший в «Естественной истории», говорит о свитке из пергамента, который был настолько мал, что помещался в скорлупу ореха<sup>184</sup>. Пергамент был известен римлянам ещё в I веке до н.э., однако его использование было ограниченным.

Процесс вытеснения книги-свитка кодексом закончился к концу античной эпохи. Зачастую было смешение материалов: известны кодексы, изготовленные из папируса. Они создавались из листов порезанного папирусного свитка. Таким кодексом, изготовленным из папируса, была книга пьес Эсхила<sup>185</sup>. Политический деятель конца античной эпохи Кассиодор, завещал папирусный кодекс, содержащий текст Библии. Имеются и смешанные кодексы, составленные из папируса и пергамена. Таков является кодекс с текстом евангелия от Марка. Он хранился в одном из помещений собора св. Марка в Венеции.

Папирус обладал рядом недостатков: он был неэластичен, быстро ломался, высушивался и обветривался. Пергамент на его фоне обладал преимуществами. Это и определило дальнейшую историю развития книги. О причинах появления пергамента писал Плиний Старший. Пергамский царь Эвмен II, живший в 197-158 гг. до н.э., принял решение построить в Пергаме библиотеку, которая была бы не хуже Александрийской. Царь Египта Птолемей V очень ревностно отнёсся к его решению, поэтому дал указание запретить ввоз папируса в Пергам, жители которого вынуждены были искать новый писчий материал. Им и стала кожа. Пергамент был более долговечным материалом. Папирусные свитки от частого разворачивания, влаги, быстро приходили в негодность. Поэтому в античные времена папирусная книга, которой было больше 200 лет, считалась очень редкой.

---

<sup>183</sup> Исидор. Начала. VI: 11, 2.

<sup>184</sup> Плиний Старший. Естественная история. VII: 21, 85.

<sup>185</sup> Тронский И.М. Оксиринхская дидаскалия к тетралогии Эсхила о Данаидах. М., 1957. С. 146.

Теперь было легче копировать тексты. Копирование текстов стало индивидуальным делом. Это дало толчок развитию каллиграфии и книжного стиля, что отразилось и на цене книги. Для античности наиболее характерной была квадратная форма кодекса. Она позволяла размещать на листах 3-4 колонки текста. Именно такая организация пространства происходила от книги-свитка, где в поле зрения читателя в процессе чтения находились 3-4 колонки текста. Для ровного написания текста пергамент, также как и папирус разленивался. Однако теперь, для этого использовали режущий инструмент, который оставлял глубокую линию на материале. Традиция писать золотыми буквами (хриография), появилась примерно в III в. н.э. Такие книги изготовлялись по заказу привилегированных лиц. Они были украшением дома.

«Кодексами», в отличие от свитков, в древности называли книги привычного нам вида – со страницами, сшитыми вместе<sup>186</sup>. Книги-кодексы изготовлялись следующим образом. Лист пергамента сворачивался пополам. Такой лист, согнутый вдвое, назывался *диплома*. Эту форму имели важные государственные документы и грамоты, что и связано с нашим, современным употреблением слова «диплом». Четыре согнутых подобным образом листа образовывал тетрадь, и это было самой удобной заготовкой для кодекса. Затем такие тетради переплетались, и образовывался кодекс.

Одной из причин быстрого вытеснения свитка было и то, что кодекс символизировал победу над язычеством, который сохранял в себе тексты античной литературы. Кодексы ассоциировались с победой христианства, над язычеством. Но здесь нам надо обратиться к истории Библии, формированию известного нам канона книг Ветхого и Нового Завета, богослужебных и вероисповедных книг христианства, с которыми связано

---

<sup>186</sup> Багновская Н.М. От свитка к кодексу (эволюция форм книги) // Букинистическая торговля и история книги. Вып. 1. М., 1990. С. 21.

изменение отношения греков и римлян к письменности и книге в эпоху позднего эллинизма.

Чтобы установить датировку той или иной библейской рукописи, исследователи пользуются методами палеографии, внутренним анализом текста рукописи. Для установления даты создания каждой из найденных рукописей в отдельности необходимы внутренняя критика текста, выявление методом историко-филологического анализа исторической обстановки и среды, отраженных в тексте, расшифровка сокрытых в нем намеков на исторические события и употребляемых символических обозначений<sup>187</sup>. Такое изучение текстов рукописей в совокупности с палеографией и археологией дало решающее значение для их датировки.

В русском языке слово «завет» означает завещание, наставление, совет. Данное слово так же, интерпретируют как «договор», «союз»<sup>188</sup>. Названия Ветхий и Новый Завет говорят о том, что один из Заветов был написан раньше и, следовательно, древнее; другой является творением более позднего времени. Книги Ветхого Завета появились ещё в древнееврейской религии, а Новый Завет был создан христианами и появился позже еврейского «завета». Библия представляет собой очень важную ценность как исторический источник. Те места, которые упоминаются в Библии, и рассказывают нам о Вавилоне, Египте, носят реалистичный характер, и люди, писавшие ее, были не только представителями культуры, господствующей в их время, но и хорошими «свидетелями» древних времён.

Греческое слово «Библия» обозначает комплекс сборников различных литературных произведений, которые сложились в глубокой древности на территории Месопотамии. Ветхий Завет преимущественно сложился в израильской и иудейской среде. Они дошли до нас в нескольких

---

<sup>187</sup> Шифман И.Ш. Ветхий завет и его мир М., 1987. С. 8.

<sup>188</sup> Крывелев И. А. Книга о Библии М., 1959. С. 78.

редакциях<sup>189</sup>. Первые библейские книги были написаны на папирусе древнесемитским шрифтом, в котором не было гласных и разделения слов. Во II веке н.э. произошло установление чтения гласных, однако сами символы для гласных букв появились не позднее VII века в так называемых масоретских школах и текстах.

Процесс сложения Ветхого Завета был очень долгим. Одним из самых древних сохранившихся текстов Ветхого Завета, являются найденные в 1979 г. папирусные свитки, которые содержат Аароново благословение и датируются VII-VI веками до н.э.<sup>190</sup>. В библейской иудейской традиции известно, что в V веке до н.э. религиозный деятель Ездра, отредактировали и объединил вместе книги Пятикнижия. В III-I веках до н.э. еврейский текст Ветхого Завета был переведен на древнегреческий язык (так называемая Септуагинта). На основе палеографического анализа всех рукописей книги Даниила, исследователи утверждают, что она была окончательно создана в 165 г. до н.э.<sup>191</sup>. Только I веке н.э. произошло сложение ветхозаветного канона.

Ещё одним важным источником по истории Ветхого Завета, являются так называемые Кумранские списки. Это рукописи, которые были найдены в пещере Кумрана, а также в других пещерах Иудейской пустыни. На данный момент рукописи хранятся в Храме Книги в Иерусалиме. Они содержат в себе текст Ветхого Завета и датируются с 2500 г. и по 68 г. до н.э. Тексты свитков написаны на древнееврейском языке, арамейском и частично на греческом, что говорит о том, что уже на тот момент существовал текст Септуагинты. В основном применялся, так называемый квадратный стиль еврейского языка – прямой потомок современного еврейского языка. Текст написан угольными чернилами. Некогда в Кумранских пещерах находилось до 600 книг (свитков). Однако до наших дней, в более целостном состоянии

---

<sup>189</sup> Шифман И.Ш. Ветхий завет и его мир. М., 1987. С. 5.

<sup>190</sup> Амусин И.Д. Находки мёртвого моря. М., 1960. С. 32.

<sup>191</sup> Тов Э. Текстология Ветхого Завета. М., 2003. С. 88.

дошло около 12 свитков, из 190 обнаруженных фрагментов<sup>192</sup>. Главным писчим материалом в Кумранской «библиотеке» был пергамент из козьей или овечьей кожи, порой встречался папирус. Кумранские свитки состоят в основном из библейских книг. Из пещер, даже во фрагментарном виде было извлечено: Псалмов – 30, Бытия – 15, Второзакония – 25, Исхода – 15, Левит – 15, Судей – 3, Царей – 3, Даниила – 8, Чисел – 6, Песни Песней – 4, Руфи – 4<sup>193</sup>.

Ко времени, когда у евреев сложился иудейский свод библейских книг Ветхого Завета, главной задачей было: как можно точнее передать текст Библии будущим поколениям. Этой работой занялись так называемые книжники-талмудисты. До этого книжники передавали законы и тексты Ветхого Завета в устной форме: это происходило либо в школах, храмах, синагогах. Роль книжников особенно усилилась после осады и разрушения Иерусалима в 70 г. н.э. римскими войсками в ходе Первой Иудейской войны. Они письменно фиксировали все законы по переписке книг, которые превратились в Талмуд, который представляет собой многотомный свод иудейских религиозно-этических положений<sup>194</sup>.

Существовали следующие правила по копированию и переписыванию текстов. Свиток должен быть из пергамента и изготавливаться только из шкур чистых животных. Листы пергаменты должны скрепляться жилами так же чистых животных. Длина каждого столбца должна быть от 48 до 60 строк, а длина строки в 30 символов. Перед тем, как начать свою работу писец должен разлиновать пергамент. Однако, если три слова текста были написаны подряд не по линии, то текст считался неверным. Чернила для письма должны быть только черными. Переписывать нужно только с оригинала, и ни в коем случае, нельзя было уклоняться от текста. Каждая буква, каждый символ должны были сверяться с оригиналом. Интервал

---

<sup>192</sup> Амосин И.Д. Кумранская община. М., 1983. С. 49.

<sup>193</sup> Амосин И.Д. Находки мёртвого моря. М., 1960. С. 33.

<sup>194</sup> Соколов Н., прот. Ветхий Завет: Курс лекций. Ч. 1. М., 1998. С. 85.

между буквами должен был составлять размер шириной в волос. Писец должен быть умытым перед работой, одетым только в национальные одежды. При написании слова Бог, писец не имел права дважды макать в чернила<sup>195</sup>. Свитки, которые не отвечали данным требованиям, сжигались или закапывались в землю. Однако, благодаря этим усилиям, до настоящего времени дошло очень мало текстов и рукописей Ветхого Завета. Ещё одной особенностью евреев было то, что все копии текста Библии были идентичны, новые рукописи считались намного ценнее, чем повреждённый от частого использования оригинал текста. Старые тексты хранились в «генице» – коморке, которая имела в каждом храме и синагоге. Многие древние рукописи были найдены именно в таких геницах.

Важным фактором дальнейшего развития книжного дела было создание книг Нового Завета. Это было связано с тем, что в III-I веках до н.э. еврейский текст Ветхого Завета, как мы упоминали выше, был переведен на древнегреческий язык (Септуагинта). Именно она сыграла важную роль в истории христианства, став каноном Священного Писания на греческом языке, с которого через время был выполнен перевод и на другие языки. Греческий язык новозаветных текстов имел важное значение для синтеза иудейской и греко-римской культурной в единой эллинистической цивилизации.

Об этом интересное замечание сделал С.С. Аверинцев: «Последнее время пробивает себе дорогу убедительное представление, согласно которому тексты Евангелий – в основе своей письменная комбинация «блоков» устного предания, в течение нескольких десятилетий разучивавшихся носителями этого предания с голоса и передававшихся из уст в уста. Библейская критика отметила, в частности, что различный порядок нанизывания одних и тех же афоризмов в различных Евангелиях связан с выбором одного или другого ключевого слова как

---

<sup>195</sup> Амусин И.Д. Находки мёртвого моря. М., 1960. С. 43.

мнемотехнической опоры. Конечно, при взгляде на греческий текст (не говоря уже о синодальном и прочих переводах) такое вытверживание с голоса нелегко представить себе; совсем другое дело – арамейские тексты, держащиеся на твердом ритме и жестком сцеплении согласных»<sup>196</sup>. Это говорит о том, что если первые христиане и были иудеями, то образованными, усвоившими классическую античную пайдею, основанную на примате устной поэтической и риторической речи.

Скорее всего, бродячие проповедники христианской религии первоначально устно рассказывали об Иисусе, распятом и воскресшем, передавали слухи и мнения об Иисусе от очевидцев и его учеников. Таким образом, в течение около полувека происходило сложение христианской устной традиции<sup>197</sup>. Крупные христианские общины находили возможность писать свои произведения, так, как это представлялось членам общин. В таких книгах рассказывали о том, как мессия приходит на землю, что он требует от верующих. Как отмечалось выше, материалом для таких книг было устное предание или же книги из других христианских общин. О существовании таких книг, мы можем знать лишь косвенно: так, например, в быту была книга «Изречения Иисуса», «Акты Понтия Пилата», в которых рассказывалось о решениях прокуратора Иудеи Понтия Пилата. Скорей всего, материал из этих книг, в дальнейшем вошёл и в Евангелия. Само слово «евангелие» означает благую весть. В сознании верующего, евангелие представляет собой доброе событие или известие, в котором говорится о долгожданном приходе мессии на землю<sup>198</sup>. В дальнейшем количество рукописей христианских общин начинает увеличиваться, что в отдельных случаях сказывалось на качестве текстов.

Предание относит создание Септуагинты к временам, когда в эллинистическом Египте правил Птолимей II Филадельф (282-246 гг. до н.э.).

---

<sup>196</sup> Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб., 2004. С. 185.

<sup>197</sup> Свенцицкая И. Раннее христианство: страницы истории. М., 1987. С. 98.

<sup>198</sup> Крывелев И. А. Книга о Библии М., 1959. С. 89.

Существует легенда, по которой ее создание относят к семидесяти или, по другой версии, семидесяти двум старцам. Историческое предание об этом событии подробно изложено в Письме Аристея. Оно написано от имени телохранителя царя Птолимея II и было отправлено брату Аристею. В письме идёт речь о посольстве к египетскому первосвященнику Елизару (284-247 г до н. э.). Документ датируется II веком до н.э. В письме отмечается, что инициатором перевода Библии на древнегреческий язык был Деметрий из Фалерона. Будучи библиотекарем в Александрийской библиотеки, он предложил Птолимею II направить в Палестину двух своих приближенных – Аристея и Андрея, с письмом к Елизару. Он отобрал семьдесят переводчиков и направил их в Египет для перевода. На острове Фарос, они выполнили свою работу, который занял семьдесят два дня. После перевода Деметрий представил перевод египетской иудейской общине, которая его приняла и получила один экземпляр. Затем ещё один, был передан Птолимею II<sup>199</sup>. Имеется и другое мнение: например, раннехристианские мыслители, Иринеи и Климент Александрийский<sup>200</sup>, отмечали, что переводчики работали отдельно, но результат их работы был одинаков.

Дорогу к грекоязычному неиудейскому читателю Септуагинта нашла через распространение христианства<sup>201</sup>. В первой половине II веке н.э. Феодотион предпринял обработку Септуагинты, стремясь приблизить ее к масоретскому варианту<sup>202</sup>. На основе Септуагинты был выполнен самый первый ее перевод на латинский язык (т.н. Вульгата). Перевод был сделан в XIII веке Иеронимом, который при переводе учитывал масоретский текст Библии. На данный момент имеется три главных рукописных списка Библии, которые включают в себя Септуагинту, т.е. Ветхий Завет и текст Нового Завета.

---

<sup>199</sup> Вевюрко И.С. Септуагинта: древнегреческий текст Ветхого Завета в истории религиозной мысли. М., 2013. С. 546.

<sup>200</sup> Климент Александрийский Строматы I. XXI: 148-149.

<sup>201</sup> Палант Д. Тайны еврейского алфавита М., 2001. С. 52.

<sup>202</sup> Шифман И.Ш. Ветхий завет и его мир. М., 1987. С. 8.



Прежде всего, это Александрийский список, который был написан в V веке н.э. и содержит практически всю Библию, кроме нескольких страниц из утраченных листов Нового Завета. Данный список не содержит никаких дополнительных книг и текстов, которые бы отличали его от современной редакции Священного Писания. Данный текст рукописи хранится в Британском музее, содержит 630 страниц Ветхого Завета, 143 страницы Нового Завета и представляет собой кодекс.

Следующий список – Синайский, который также находится в Британском музее, хотя до этого хранилась в Санкт-Петербургской имперской библиотеке и был продан за сто тысяч франков британскому правительству. Данный список был обнаружен немецким исследователем Константином фон Тишендорфом в Синайском монастыре (отсюда и пошло название данной рукописи). Данный кодекс был написан в IV веке и до середины XIX в. хранился на Синае в архивах библиотеки монастыря св. Екатерины.

Ещё один список – Ватиканский. Он датируется IV веком н.э. и является наиболее древним списком Библии. На данный момент он хранится в Ватиканском музее Рима. Особый интерес представляет и так называемый Петербургский кодекс. Он датируется VI веком н.э. Текст написан серебряными чернилами на пурпурном пергаменте. Сокращения для слова «Бог» и «Иисус» выделяются золотистыми чернилами. Скорей всего, в начале, кодекс был составлен из 462 страниц. Однако, в XII в. его разделили на отдельные части, которые в дальнейшем были разбросаны по всему свету.

Первое печатное издание греческого текста Библии было выполнено в Испании кардиналом Химинесом в г. Алкале в 1514-1517 гг. Тираж издания составил 600 экземпляров. Объём 6 томов. В дальнейшем ее текст был перепечатан в Антверпене в 1569-1572 гг., Гамбурге – в 1596 г., Париже – в

1645 г.<sup>203</sup>. На сегодняшний день, мы располагаем более 5000 различных рукописей Нового Завета. Имеются находки из папируса, но, к сожалению, они дошли до нас в многочисленных фрагментах, которые покрывают практически весь текст Нового Завета. Самые ценные папирусы находятся на хранении в Женеве и Дублине. Все они датируются II-III вв. н.э. Одной из самих древних рукописей Нового Завета является фрагмент рукописи Джорджа Райленда. Данный папирус датируется 117-138 гг., т.е. в те годы, когда правил император Адриан.

Другой древнейшей рукописью Нового Завета является манускрипт под названием Папирус Бодмера. Он содержит в себе 102 страницы Евангелие от Луки и Иоанна. Согласно исследованиям, данная рукопись была создана, примерно между 175-225 гг. На данный момент документ хранится в Женеве<sup>204</sup>. Папирусы из находок Честера Битти считаются одними из самых древних рукописей с текстом Нового Завета. Папирус P45 – самый древний список Нового Завета, который содержит в себе сразу 4 Евангелия. Он датируется примерно 170 -200 гг. Папирус P46 – из 86 листов и относится к 200 г. н.э.<sup>205</sup>. Необходимо отметить, что форма всех найденных книг библейских текстов на момент распространения христианства (I-II века н.э.) – книги-кодексы. Их количество равняется 90% от всех библейских книг. В отличие от библейских текстов, светские литературные тексты становятся книгами-кодексами только в III-IV веках н. э.

Причины быстрого распространения кодексов, с точки зрения исследователей, заключались в следующем: использование носителя (в данном случае листа пергамента) с двух сторон позволяло его экономить и вмещать больше текста, чем свиток. Однако в первые века своего бытования кодексы были невелики по объему (порядка 150 листов), только с IV-V в. н.э. они начинают увеличиваться. Кодексом удобнее пользоваться, чтобы найти

---

<sup>203</sup> Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. М., 2007. С. 105.

<sup>204</sup> Мещер М.Б. Текстология Нового Завета. М., 1996. С. 39.

<sup>205</sup> Новый Завет // Православная Энциклопедия. М., 2012. С. 87.

нужный текст, сравнить Евангелия, найти цитаты и др.<sup>206</sup>. В средние века книжное совершенствование Библии происходило по пути разделения её текста на главы. В XIII веке архиепископ Кентерберийский Стефан Лагтон, выполнил эту работу. В XV веке это деление было заимствовано и иудейскими раввинами. Через некоторое время текст Библии был разделён на стихи пражским типографом Робертом Стефаном. В дальнейшем, это деление так же было заимствовано в еврейскую Библию.

Такова эволюция письменности и книжного дела в европейском культурно-цивилизационном регионе. Рассмотренный в данном параграфе культурно-исторический период стал ключевым для развития книги, поскольку именно в античной цивилизации появляются основные виды литературных жанров, стиль оформления книги, ее формат. Этот процесс был обусловлен появлением новой семиотической системы, которая существовала в рамках создания государств-полисов.

В таких культурно-цивилизационных системах, как древнегреческий и древнеримский полисы, книга получает новый импульс в технологическом, знаково-символическом и содержательно-смысловом развитии, когда формируются новые способы форматирования книги, иллюстрирования и многообразия литературно-художественного жанрового структурирования текста. Можно констатировать утверждение в контексте государств-полисов и эллинистических империй новой знаково-семиотической системы, которая в ранней христианской культуре трансформируется в представление о книге как «образе мира» и модели личностного духовного развития. Кроме того, борьба форматов книги между книгой-свитком и книгой-кодексом приводит к победе последнего, как более соответствующего новой книжной культуре.

Но главная специфика трансформации книжной культуры в античной Греции и в ранний христианский период состояла, в первую очередь, в формировании «образа мира» по модели Книги как базового символа

---

<sup>206</sup> См.: Есипова В.А. История Книги. Томск, 2011. С. 35.

культуры в двух его проявлениях: Священного Писания (сакральной и мистической Книги книг) и Книги Природы (рационально-практического осмысления мира и человека, предпосылки книги и науки Нового времени).

## ***2.2. Печатная книга и культурный переворот в Европе эпохи модерна***

Приступая к анализу роли печатной книги в культурном перевороте в Европе Нового времени, следует отметить, что географические открытия и увеличение знаний человека об окружающем мире, рост городов и расширение торговых связей между народами и странами способствовали увеличению грамотного населения Европы. Какова же предыстория наступления «эры Гутенберга»? Был ли Гутенберг действительно «первопечатником»? Каков смысл культурного переворота, совершённого им? Таковы основные проблемы, которые мы ставим в заключительном параграфе нашей работы.

Процесс демифологизации и дефольклоризации культуры не был окончательно закончен с изобретением рукописной, а завершился лишь с изобретением печатной книги. Если рукопись ещё очень сильно несёт на себе печать устного авторства и импровизации, как мы показали применительно к античной и ранней христианской культуре, то изготовление печатной книги основано на копировании текстов с одной матрицы, что полностью убрало возможность сделать текст неповторимым и оригинальным. Разумеется, исходной для становления книгопечатания, её главным культурным, мистическим и экзистенциальным стимулом была Книга книг – Библия.

Как отмечают многие исследователи, печатная Библия до сих пор – самая известная и наиболее распространённая книга: к концу XX века она была переведена на тысячи языков мира. Эта была первая из напечатанных Иоганном Гутенбергом (1452-1455 гг.) книг, которая остаётся наиболее часто

и наибольшими тиражами издаваемой<sup>207</sup>. По мнению С.А. Мазуркевича, нет точных сведений, что европейские книгопечатники получили способ печатания книг с наборной формы с Востока. Скорей всего, европейские книгопечатники смогли изобрести его самостоятельно. Исследователям точно известно, что в середине XV века в странах Западной Европы книги стали печататься при помощи наборных форм. Но исследователи до сих пор не имеют единого мнения, в какой стране Западной Европы это случилось впервые<sup>208</sup>. Но у наборной печати и печатного книгоиздания была и своя предыстория.

Нужда в книге и привела к изобретению книгопечатного способа производства книг. Началом его считается вырезание текста на деревянных досках (ксилографические книги). *Ксилографическая книга* появилась в Европе после Крестовых походов. Причиной её появления так же была большая потребность в индульгенциях папы, бумажных деньгах, а также в игральных картах. При ксилографическом способе производства книг, тексты, которые необходимо было печатать, вырисовывались на деревянных досках, а после с помощью специальных инструментов вырезали те места, которые не подлежали печатанию. Затем то, что оставалось, покрывалось краской, и всё это прижималось к листу бумаги. Таким образом, получался отпечаток нужного текста.

Впервые ксилографический способ копирования книг появился в IX веке в Китае<sup>209</sup>. Первая книга, изготовленная с помощью ксилографии, называется «Алмазная сутра». Она была напечатана в 868 г. н.э. и была найдена в 1900 г. в «Пещере тысячи будд» в Китае. В книге имеется информация, что сделал её кузнец Ван Чи «ради поминовения усопших родителей своих»<sup>210</sup>.

---

<sup>207</sup> Писманик М.Г. Религия в истории и культуре. Пермь, 1995. С. 224.

<sup>208</sup> Мазуркевич С.А. Энциклопедия заблуждений истории. М., 2001. С. 287.

<sup>209</sup> Сидихменов В.Я. Китай, страницы прошлого. Смоленск, 2000. С. 212.

<sup>210</sup> Поспелов Л.В. Дорогами тысячелетий. М., 1989. С. 29.

В XIV веке во Франции появились и распространились по Европе игральные карты. Отпечатки были сделаны с деревянной резаной пластинки. Сначала к доске прикрепляли рисунок, вырезали ненужное, получалось клише. Доску намазывали краской и делали отпечаток. Благодаря проникновению в Европу ксилографического способа производства книг в XIII-XIV веках появилась гравюра. Одна из наиболее древних – изображение Девы Марии и Иисуса. Также известна гравюра 1418 г. «Брюссельская дева». Появились отдельные гравировальные листы на библейские сюжеты с подписями в несколько строк. Соединённые вместе, они составляли книжки с односторонними картинками и подписями к ним, названные «блокбухи»<sup>211</sup>.

Как отмечает Т.Г. Куприянова, одной из таких знаменитых книг была «Библия бедных». Она представляла собой серию ксилографических изданий помещённых на 34 и 40 листах имела изображения с эпизодами из Ветхого и Нового Заветов. Данная книга была менее объемная, чем полная Библия, была дешевле и доступнее для массового покупателя. Изображения в ней были легко запоминающимся, что делала книгу своеобразным пособием, которое использовали для преподавания прихожанам и членам низшего духовенства, т.е. тем категориям людей, которые не имели финансовой возможности купить полноценную Библию<sup>212</sup>. Древнейшие рукописные образцы «Библии бедных» относятся к середине XII века, а в середине XV века появились ксилографические издания данной книги. Впервые «Библия Бедных» была отпечатана с помощью ксилографического способа производства книг в мастерской Альбрехта Пфистера (1421-1469 гг.). К знаменитым блокбухам относятся «Зерцало человеческого спасения» и «Жизнь и страдания Иисуса Христа». От ксилографии остался лишь один

---

<sup>211</sup> Киселёва Л.И. Письмо и книга в Западной Европе в Средние века. СПб., 2003. С. 191.

<sup>212</sup> Подробнее см.: Куприянова Т.Г. Предпринимательство в книжном деле: историография, история, тенденции развития. М., 2012.

шаг до изобретения книгопечатного станка. Многие претендовали на ее авторство<sup>213</sup>.

Можно отметить, что наборные шрифты существовали в Европе ещё в средневековье. Так, историк О. Хупп в 1902 г. опубликовал информацию о сделанной из глины таблички размером 420 на 270 мм, найденной в бенедиктинском монастыре близ Регенсбурга<sup>214</sup>. На ней была помещена латинская надпись, выполненная 9 июня 1117 г. в честь освящения новой церкви. На табличке также был выполнен список, содержащий перечень монастырских святынь. Исследователь выявил, что буквы на плите были оттиснуты при помощи отпечатков, сделанных из металла, или, может быть, из дерева. В надписи обнаружено 17 строк, в каждой из которых по 21-23 буквы. Каждый символ вдавливался в глину на глубину до 2 мм. Высота каждого отпечатка составляла 16-17 мм. Было установлено, что вся эта надпись была сделана при помощи 30 штампов. По краям глиняной таблички находилась орнаментальная рамка, которая так же была выполнена при помощи штампиков<sup>215</sup>.

На кирпичной мостовой, раскопанной в Англии в 1885 г. в аббатстве Чертси, которая была сооружена между 1253-1261 гг., на кирпичях находились надписи, которые были оттиснуты отдельными штампиками<sup>216</sup>. Монах Конрад Форстер из Ансбаха, живший в 1433-1459 гг., выполнил ряд комплектов наборных штампов для тиснения прописных литер, а также для орнаментальных украшений на книжных переплетах. Библиотекарь из города Нюрнберг, Ф. Бок, первым стал подробно изучать деятельность Конрада Форстера и смог обнаружить 76 переплетов книг выполненных с тиснением,

---

<sup>213</sup> Дьяконов И.М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М., 1994. С. 321.

<sup>214</sup> См.: Hupp O. Die Prufeninger Weihinschrift vom Jahr 1119 // Studien aus Kunst und Geschichte. Freiburg, 1906. S. 185 ff.

<sup>215</sup> Наборные штампы европейского средневековья // Изобретение Иоганна Гутенберга / Энциклопедия. Сост. Немировский Е.Л. М., 2003. С. 143.

<sup>216</sup> Там же, с. 144.

вышедших из мастерской Форстера<sup>217</sup>. Наборными штампиками пользовались так же и последователи Форстера. Ф. Бок смог отследить эти наборные штампика до 1490 г.<sup>218</sup>. Э. Кирис продолжил изучать наборные шрифты Конрада Форстера, обнаружил 80 переплётов его книг и установил, что мастер и его ученики пользовались, по крайней мере 71 штампом для тиснения символов. По мнению Кириса<sup>219</sup>, Иоганн Гутенберг мог быть знаком с работами Конрада Форстера, и, благодаря им, начал изобретать книгопечатный способ производства книг<sup>220</sup>.

Согласно историческим источникам в 1444-1446 городе Авиньоне во Франции жил Прокоп Вальдфогель, который имел 49 металлических литер, но от книг его ничего не осталось. В 1446 г. он сделал 27 еврейских букв из металла, и начал печатать книги (но его работы не дошли до нашего времени)<sup>221</sup>. В. Виргинский считает, что книгопечатание начиналось в голландском городе Гарлем. Здесь священник Лоренц Янсен, имевший прозвище Костер (переводиться как «пономарь»), смог самостоятельно отлить литеры, а затем напечатать книгу под названием «Зерцало человеческого спасения». В Голландии в 1823 была отпразднована четырёхсотая годовщина изобретения книгопечатания, а в городе Гарлем был установлен памятник книгопечатнику Лоренцу Костеру<sup>222</sup>. Бельгийцы считают, что их соотечественник первым изобрёл печатный способ производства книг. По их мнению, это был житель города Брюгге, который напечатал книгу под названием «Правила и доктрины для всех христиан». На сегодняшний день, книга хранится в Национальной библиотеки Парижа, но,

---

<sup>217</sup> См.: Bock F. Die Einbände des Nurnberger Dominikaners Konrad Forster // *Jahrbuch der Einbandkunst*. 1928. Bd. 2. S. 14-32.

<sup>218</sup> Андреев А.А. Как изготавливался старинный переплёт // *Компьютер*. Сост.: Н. Дубин М., 2003. С.16.

<sup>219</sup> См.: Kyriass E. Nurnberger Klostereinbände der Jahre 1433 bis 1525. Dissertation. Bamberg, 1940.

<sup>220</sup> Рогов А.И. Возникновение и развитие книгопечатания. М., 1977. С. 150.

<sup>221</sup> Леммыш А. Древнейшие книги мира // *Еженедельник* Сост.: С. Мостовщиков М., 1986. С. 21.

<sup>222</sup> Виргинский В. Очерки истории науки и техники с древнейших времен до середины XV века М., 1996. С. 202.



к сожалению, она не имеет выходных данных. По одним источникам её относят к 1480, по другим источникам к 1445 годам<sup>223</sup>.

Итальянцы говорят, что изобретателем книгопечатания были их соотечественник Памфилио Кастальди. Так как во времена эпохи Возрождения люди считали, что заниматься несколькими занятиями это признак хорошей образованности, то Кастальди следуя идеалам той эпохи, был врачом, доктором права. Считается, что он изобрёл книгопечатание, так как хотел быть известным в разнообразных сферах деятельности<sup>224</sup>. Существует версия, по которой секрет печатного производства книг украл помощник Кастальди, а затем передал секрет Гуттенбергу. Но по более достоверной версии Кастальди мог и сам продать секрет книгопечатания И. Фусту, который был ростовщиком и впоследствии финансировал типографию Гуттенберга.

Анализ литературы свидетельствует, что создатель книгопечатания Иоганн Генсфлейш цум Гутенберг родился около в 1399 году в Майнце в семье майнцкого патриция Фриле Генсфлейша . Имя Гутенберг получил по названию семейного имени в котором проживали его родители, «Хоф цум Гутенберг»<sup>225</sup>. Как отмечает исследователь Н.В. Варбанец записи о его крещении не обнаружено, но принято, что он родился между 1394-1399 гг. Скорей всего Гуттенберг родился вначале первого десятилетия XV века. Условно его рождение отмечается в праздник Иоанна Крестителя, который отмечается 24 июня<sup>226</sup>. В ряде документов изобретатель книгопечатания в Западной Европе называется Генсфлейш цум Гутенберг. Генсфлейш была фамилией его отца, а Гутенберг – это фамилия матери<sup>227</sup>.

---

<sup>223</sup> Есипова В. А. История книги М., 2011. С. 154.

<sup>224</sup> Памфилио Кастальди // Книга. Энциклопедия. Сост. В.М. Жарков. М., 1999. С. 342.

<sup>225</sup> Иоганн Гутенберг // Энциклопедия/ Сост. Немировский Е.Л. М., 2007. С.331.

<sup>226</sup> Варбанец Н.В. Йоханн Гутенберг и начало книгопечатания в Европе. М.,1980.С.79.

<sup>227</sup> См.: Владимиров Л.И. Всеобщая история книги. М.,1988.С. 97; Говоров А.А. История книги. М., 2001. С. 58; Введенский Б. А. Книгопечатание // Большая Советская Энциклопедия Т. 12 Сост.: Прохоров А.М. М., 1973. С. 320; Варбанец Н.В. Йоханн Гутенберг и начало книгопечатания в Европе. М., 1980. С. 14; Капр А. Иоганн Гутенберг. Личность в истории. СПб., 2010. С. 536; Баренбаум И.Е. История Книги. М., 1984. С. 245; и др.

По мнению Н.Ф. Болдыревой, город в котором жил Гуттенберг мог управляться исключительно жителями. Им поочерёдно управляли сначала патриции (старинные роды города), а затем простые горожане, т.е. ремесленники и купцы. Между этими двумя классами постоянно случались ссоры, которые вскоре переходили во всеобщий погром лавок, домов и в грабёж имущества. В XV из-за сильных злоупотреблений властью в городе Майнц начались волнения против патрициев, которые были устранены от власти. В городе стали править представители цехов<sup>228</sup>. Несколько поколений предков изобретателя по отцовской линии (Генсфлейшей) занимали высокий пост контролеров монетного двора. Они были не только богатыми, но и знающими, деловыми людьми, постигшими многие тайны металлов – литейное дело, сплавы, штамповку, чеканку и т.д. По-видимому, маленький Ганс с детства воспитывался в обстановке дел и забот монетного двора. Скорее всего, благодаря именно этому в нём рано проявилось тяготение к технике, пристрастие к изобретательству<sup>229</sup>.

Таким образом, именно Иоганну Гуттенбергу, по мнению большинства исследователей, и принадлежит заслуга начало книгопечатания в Европе<sup>230</sup>. Какова же роль в культурогенезе книгопечатания И. Гуттенберга?

*Главная технологическая инновация Гуттенберга* – изобретение так называемых пунсонов, изготавливаемых вручную выпуклых букв, которыми выбиваются в меди формы, служащие для отливки специальных свинцовых сплавов букв<sup>231</sup>. Пунсон – это вырезанное обычно из стали рельефное изображение типографской литеры для словолитного дела. Для работы брусочки стали предварительно «опускается» на огне, что бы сделать сталь относительно мягкой, и после гравировки на нём буквы снова закаливается. Гравирование пунсона требует большой точности<sup>232</sup>. Работа над

---

<sup>228</sup> Болдырева Н. Ф. Гуттенберг. Уатт. Стефенсон и Фултон. Дагер и Ньепс. Ч., 1996. С. 28.

<sup>229</sup> Роберт Паль Человек придумал книгу. М., 1983. С. 178.

<sup>230</sup> Немировский Е.Л. Иоганн Гуттенберг Около 1399-1468. М.,1992. С. 41.

<sup>231</sup> Иоганн Гуттенберг // Энциклопедия / Сост. Немировский Е.Л. М., 2007. С. 331.

<sup>232</sup> Варбанец Н.В. Иоханн Гуттенберг и начало книгопечатания в Европе. М., 1980. С. 79.

изготовлением пуансон и матриц была очень трудоемкой, ведь изготавливать необходимо было большое количество знаков, которые превышали число букв латинского алфавита. Книгопечатник приходилось переделывать каждый знак несколько раз, что бы добиться точной имитации рукописного текста<sup>233</sup>. Это делалось для того, чтобы *печатная книга выглядела как рукописная* (рукописная книга очень долго мистифицируется, ей придаётся магическое значение), поэтому количество изготовленных пуансонов порой доходила до тысячи.

О тяжёлом труде книгопечатников писал в одной из своих отпечатанных книг мастер Леонгард Ахатес, который работал в городе Падуе. Он изготовил более тысячи пунсонов и, вследствие этого, сравнивал себя с древнегреческим скульптором Фидием, который резал по слоновой кости. За один день мастер мог изготовить только один пунсон<sup>234</sup>. Как отмечает Е.Л. Немировский, после того как мастер изготавливал пунсон, он должен был вдавливать его в мягкую металлическую пластину. В результате этого на пластине образовывалось чёткое изображение знака алфавита. Брусок, в который мастер вдавливал пунсон, называется в типографском деле *матрицей*, которая служила формой для создания литер. Материалом для матриц была медь, так как она не плавилась при заливке в неё расплавленного металла и легко подвергалась вдавливанию в неё пунсонов. Именно из меди были изготовлены самые первые матрицы, которые сохранились до нашего времени. Данные матрицы датируются началом XVI века и находятся на хранении в музее «Иоганн Энсхеде и сыновья» в городе Харлеме<sup>235</sup>. Ц.Г. Нессельштраус пишет, что самое первое упоминание о материале, из которого впоследствии делали литеры, относиться к 1473 году.

---

<sup>233</sup> Аверченко А. Всеобщая история, обработанная «Сатириконом». М.,1993. С. 134.

<sup>234</sup> Кисилёва Л.И. Письмо и книга в Западной Европе в Средние века. Спб., 2003. С. 195.

<sup>235</sup> Немировский Е.Л. Технические аспекты изобретения Иоганна Гуттенберга // Компьюарт / Сост. Дубин Н.Л. М.: 2002. С. 15.

Это упоминание находится в книге Иоганна Цайнера<sup>236</sup>, который был книгопечатником, и работал в городе Ульме. В ней он написал, что данная книга, был отпечатана при помощи литер изготовленных из олова. Сходное упоминание есть и в описи 1498 года типографии Мейнгарда Унгута, которая находилась в испанской Севильи. В ней имеется информация о 170 фунтах олова для изготовления литер<sup>237</sup>.

Е.Л. Немировский считает, что Гуттенберг мог поначалу пользоваться деревянными литерами, которые в данный момент хранятся в музее города Майнц. Есть мнения, что они были сделаны лично изобретателем книгопечатания. Литеры были обнаружены в 1603 году в городе Майнц, в доме, который ранее принадлежал Фридриху Хауманну родом из Нюрнберга, который так же был типографом. Есть сведения, что Хауманн в 1507 году купил типографские инструменты Гуттенберга. Затем, в 1603 году книгопечатник Альбинус выкупил эти литеры и затем представил их профессору Серариусу<sup>238</sup>. Как пишет В.Ф. Рубахин, спустя сто лет эти литеры мог видеть Пауль Патер – немецкий историк и лингвист. Он утверждал, что данные литеры были изготовлены в книгопечатной мастерской Иоганна Гуттенберга. К сожалению, их сегодняшнее местонахождение до сих пор не известно. Вследствие этого исследователи не могут проверить достоверность данной информации<sup>239</sup>.

Историк К. Фульман утверждал, что изобретатель книгопечатания мог первоначально пользоваться деревянными пунсонами. Этим он объяснял разное выполнение литер для 36-строчной Библии. Фульман сделал копии из четырёх строк 36-строчной Библии, а затем увеличил их в несколько раз. В

---

<sup>236</sup> См.: Berchorius Peter. Liber Biblicae moralis, seu Eductorium moralisationum Biblicae. Ulm: Johann Zainer 9. IV. 1474. Bl. 266 r.

<sup>237</sup> Нессельштраус Ц.Г. Немецкая первопечатная книга. СПб., 2000. С. 78.

<sup>238</sup> См.: Serarius N. Moguntiarum rerum. Libr. V. Moguntiae, 1604. P. 159.

<sup>239</sup> Рубахин В.Ф. Иоганн Гутенберг // Отечественная история: Истрия России с древнейших времён до 1917 года. Энциклопедия / Сост.: В.М. Карев. М.,1994. Т. 3. С. 438.

его работе «Изобретение книгопечатания по новейшим исследованиям»<sup>240</sup>, был помещена увеличенная копия строк из 36-строчной Библии. На снимке достаточно наглядно видно разное написание букв. Скорей всего Гуттенберг делал это для того, что бы имитировать рукописный текст<sup>241</sup>.

Однако, как отмечает Е.Л. Немировский, большинство исследователей<sup>242</sup> считает, что Иоганн Гуттенберг начинал печатать металлическими литерами<sup>243</sup>. Шрифты Гуттенберга представляли из себя набор шрифтов состоящий из 280 символов: 46 из которых были прописными, и 250 строчными. Гуттенберг воспроизводил механическим способом один лишь текст, а всевозможные украшения и иллюстрации рисовал в готовых оттисках от руки<sup>244</sup>.

Большую технологическую роль в появлении книгопечатания в Европе сыграло *распространение бумаги*. Это было вызвано тем, что бумага был самым дешёвым писчим материалом<sup>245</sup>. К использованию бумаги при создании библейских книг относится к позднему средневековью. Изобретателем бумаги считают Цай Луня, который сначала был рабом и евнухом при дворе императора Хэ Ди, а затем стал важным чиновником при императорском дворе. Сделано было изобретение в 105 г. В ханьских хрониках под 105г. сообщается, что Цай Лунь «сделал бумагу из древесной коры, тряпок и рыболовных сетей и преподнес ее императору, за что удостоился высочайшей похвалы»<sup>246</sup>. Сначала книги из бумаги делали также в форме свитков (до 10 м длиной и более) и хранили их в чехлах. По мере улучшения качества бумаги появилась новая форма книги, представляющая

---

<sup>240</sup> См.: Faulmann K. Die Erfindung der Buchdruckerkunst nach den neuesten Forschungen. Wien; Pest; Leipzig, 1891. S. 38.

<sup>241</sup> Наборные штампы европейского средневековья // Изобретение Иоганна Гуттенберга. Энциклопедия // Сост. Немировский Е.Л. М., 2003. С.147.

<sup>242</sup> См.: Schmidt-Kunsemuller F.A. Die Erfindung des Buchdrucks als technisches Phanoman. Mainz, 1951. S. 41 ff.; Mori G. Was Gutenberg erfunden Ein Ruckblick auf die Fruhtechnik des Schriftgusses. Mainz, 1921.

<sup>243</sup> С чего начинал Гуттенберг // Изобретение Иоганна Гуттенберга. Энциклопедия / Сост. Е.Л. Немировский М., 2003. С. 155.

<sup>244</sup> Немировский Е.Л. Начало славянского книгопечатания. М., 1971. С. 123.

<sup>245</sup> Владимиров Л.И. Всеобщая история книги. М., 1988. С. 110.

<sup>246</sup> Кочетова С.М. Фарфор и бумага в искусстве Китая. С. 64.

собой всё тот же длинный лист бумаги, но не свёрнутый в свиток, а сложенный в виде гармоник<sup>247</sup>. Французский учёный Авенелем подробно описал путь бумаги в Европу: «Она пришла из Китая очень медленным путем, со средней скоростью, может быть, ста вёрст в сто лет. Народы центральной Азии, потом арабы, потом египтяне подвозили её выделку всё ближе к нам. В 650 году её видели в Самарканде; в 800 – встречают в Багдаде; в 1100 году она дошла до Каира. Затем она проходит по берегу Африки, переплывает через Средиземное море и долго не переходит Лангедока (Южная Франция)»<sup>248</sup>.

Как отмечает в своей работе И.Т. Малкин, скорее всего, бумага попала в Европу из Северной Африки. В Египте бумага была известна с конца X века после Рождества Христова. Переправившись через Гибралтарский пролив, бумага попала в Испанию<sup>249</sup>. В.А. Истрин пишет, что бумага могла попасть в Европу, через Венецию, которая стала новым центром торговли, куда её привозили из Малой Азии и Африки<sup>250</sup>. Первые бумажные мельницы стали появляться в Испании в конце X века, а в XIII веке первые бумажные мельницы стали появляться и в Италии.

Итальянцы и испанцы не желали делиться секретом производства бумаги. Это было связано с тем, что в отсутствие конкуренции, монополисты получали гораздо больше прибыли, чем с ней<sup>251</sup>. В 1390 в Германии году патриций Ульман Штромер и Нюрнберга начал производство бумаги на территории Германии. Для организации производства он нанял итальянских мастеров Франциска и Марка<sup>252</sup>. Как пишет в своей работе Фриц Функе, уже к концу XV века, т. е. ко времени появления первой книгопечатной мастерской на территории Германии, на немецких землях было построено 10

---

<sup>247</sup> Кузнецов И.Н. История. М., 2013. С. 95.

<sup>248</sup> Сквернюков П.Ф. Слово о бумаге. Минск, 1980. С. 56.

<sup>249</sup> Малкин И. Т. История бумаги. М., 1940. С. 37.

<sup>250</sup> Истрин В.А. Возникновение и развитие письма. М., 1965. С. 143.

<sup>251</sup> Малышев А.И., Таранков В. И., Смиранный И.Н. Бумажные денежные знаки России и СССР. М., 1991. С. 324-325.

<sup>252</sup> Шомракова И.А. Всеобщая история книги. СПб., 2005. С. 78.

мельниц по производству бумаги. Каждая такая мельница в год могла производить до 480 листов бумаги. Таким образом, к концу XV века на территории Германии производилось 490 тысяч листов бумаги в год<sup>253</sup>.

С.И. Вяленский считает, что в своей работе европейцы внесли в производство бумаги несколько новшеств: бумага в европейских странах хоть и была более грубая, чем на востоке, но была белее, чем восточная бумага. Она склеивалась не крахмалом, как это делали в Китае, Египте, а яичным желтком. Так же, водяные знаки, впервые были изобретены именно в Европе<sup>254</sup>. К эпохе Ренессанса, Европа смогла обогнать восток по производству бумаги. Об этом свидетельствовало появление первых бумажных игральных карт, различных рекламных листовок и плакатов<sup>255</sup>.

Все эти технологические инновации в книгоиздании приводили к такому прогрессивному цивилизационному эффекту в Европе, как повышение грамотности и образования среди растущего населения. Это было также связано и с развитием новой системы европейского образования. В свою очередь образование сыграло важную роль для дальнейшего развития книгопечатания в Западной Европе.

Как отмечает в своей работе А.Н. Джурицкий, первыми учебными заведениями в Европе были церковные школы. В течении V-XV веков школы при церквях были преобладающим типом учебных заведений Западной Европы. В V-X вв. в Европе была два типа учебных церковных заведений: епископальные и монастырские школы<sup>256</sup>. Обучение в церковных школах было доступно только высшим слоям общества. Школа делилась на внутреннюю – готовила служителей культа – и внешнюю школу, которая обучала мирян. Именно при церковных школах стали появляться первые университеты. В конце XI – начале XII веков шёл процесс, когда некоторые

---

<sup>253</sup> Функе Ф. Книговедение. Ист. обзор книжного дела. М., 1982. С. 219.

<sup>254</sup> Валянский С.И., Калужный Д.В. Другая история средневековья. М., 2004. С. 325.

<sup>255</sup> Байер Б. История человечества. М., 2002. С. 121.

<sup>256</sup> Иванов К.А. Многоликое средневековье. М.: 1996. С. 432.

монастырские и кафедральные школы превращались в крупные образовательные центры, которые вскоре станут первыми университетами<sup>257</sup>.

Появление университета и легализация его права подтверждались, прежде всего, *привилегиями*, специальными документами, которые подписывал римский папа. Данные привилегии давали университету автономию – студенты университета освобождались от несения воинской службы. Количество университетов быстро увеличивалось. В XII веке в Западной Европе существовало 18 университетов, а в XIII веке это число увеличилось на 26<sup>258</sup>. Университетское образование патронировалось Ватиканом, официальным покровителем всех университетов. Богословие было основным предметом в университетах<sup>259</sup>. Преподавателями в университетах были люди, которые имели какое-либо духовное звание. При каждом университете был канцлер, который представлял церковь. Они напрямую подчинялись архиепископам<sup>260</sup>. Со временем происходила специализация университетов. С каждым новым столетием она усиливалась. Парижский университет преподавал философию и теологию, Оксфордский – каноническое право. Студенты должны были посещать два вида лекций: дневные – обязательные лекции и вечерние – повторительные лекции. Каждый день в университетах проходили диспуты и дискуссии, на которых студент должен обязательно присутствовать. К концу XV века в Европе насчитывалось уже около 70 университетов<sup>261</sup>, а с конца XIV по XV век школьное образование начинает выходить за рамки церквей.

Начинают появляться городские школы. Такие школы появлялись из слияния цеховых и гильдейских школ. Цеховые школы стали появляться на рубеже XIII-XIV веков и в основном содержались на средства ремесленников, дети которых обучались в местной школе. В цеховых школах

---

<sup>257</sup> Тихомиров М.Н. Древняя Москва XII – XV вв. / Под ред. Шмидта С.М., 1999. С. 124.

<sup>258</sup> Джурицкий А.Н. История образования и педагогической мысли. М., 2004. С. 104.

<sup>259</sup> Чувилин И. Школярство сквозь века и страны. М., 2001. №4. С. 7-9.

<sup>260</sup> Джурицкий А.Н. История зарубежной педагогики. М., 1998. С. 106.

<sup>261</sup> Джурицкий А.Н. История образования и педагогической мысли. М., 2004. С. 104.



изучали латынь, арифметику, географию, основы делопроизводства, естественные науки, т.е. носила прикладной характер. Учителями были сначала лица духовного сана, затем выпускники университетов. Обучение велось на родном языке. Примерно такая же программа обучения существовала и у появившихся одновременно с цеховыми школами гильдейских школ<sup>262</sup>.

В Центральной и Западной Европе, помимо городских школ, создавались учебные заведения повышенного общего образования. Это были колледжи, гимназии, публичные школы, дворянские (дворцовые) школы. Появляются первые в лицеи<sup>263</sup>. В таких учебных заведениях изучали сочинения Вергилия, Цицерона, Овидия. В гимназии необходимо было общаться только на латыни. Гимназии были в те времена одним из лучших типов учебных заведений в Европе. Часто в гимназиях и колледжах преподавали древнегреческий язык<sup>264</sup>. В 1378 году в Винчестере появляется первая публичная школа, которая была учреждена на королевские взносы и выплаты. Так плата за учёбу была достаточно велика, то в таких учебных заведениях обучались дети только состоятельных людей<sup>265</sup>.

Начиналась эра Возрождения, культурный поворот и переворот, который был во многом связан с книгой, прежде всего печатной. В эпоху Возрождения университеты кроме подготовки студентов к церковному служению, стали направлять их и к активной светской жизни<sup>266</sup>, приобщали к мирской культуре. Первые 3-4 года обучения студент обязан был овладеть семью «свободными искусствами». В эпоху Великих географических открытий и завоеваний обширных колониальных владений в университетах

---

<sup>262</sup> Джурицкий А.Н. История зарубежной педагогики. М., 1998. С. 156.

<sup>263</sup> Гуревич А. Избранные труды. Том 2. Средневековый мир. М., 1990. С. 212.

<sup>264</sup> Васильева З.И. История образования и педагогической мысли за рубежом и в России. М., 2002. С.104.

<sup>265</sup> Меньшиков В.М. Развитие образования в Западной Европе в XV – XVIII вв.// Педагогика № 2 Сост.: Букарева О. М., 2010. С.-19.

<sup>266</sup> Университет // Книговедение / Энциклопедический словарь / Сост. Сикорский Н.М. М., 1982. С.163.

стали появляться диспуты о правах коренного населения Америки. Изобретение книгопечатания увеличило грамотность людей и их интерес к науке. В XV в. стали выпускаться нечто похожее на первые научные журналы<sup>267</sup>.

Развитие образования и книгопечатания дало важный цивилизационный эффект: если в Западной Европе показатель доли грамотного населения составлял в XI веке не более 1-3%, но к концу XVI века составил уже 9%. Всё это способствовало и распространению спроса на книгу<sup>268</sup>. Существовавшие тогда рукописные книги были слишком дороги и редки, чтобы удовлетворить спрос, поэтому книгопечатание имело важное культурное и образовательное значение.

Новый способ книгопечатания быстро распространился: типографии появились в 1465 г. – в Италии, в 1470 г. – во Франции и Норвегии, в 1474 г. – в Испании, в 1476 г. – в Англии<sup>269</sup>. В Италии, в 1465 г. была основана типография в монастыре Субьяко Конрадом из Свейхейма и Арнольдом Паннартцем. До 1475 г. в Италии появилось до 36 типографий. В Англии печатником был У. Кекстон, который учился в Кёльне, потом жил в Брюгге, а в Лондоне в 1477 г. основал типографию в Вестминстерском аббатстве. До 1500 г. в Англии действовало 13 типографий<sup>270</sup>. Но издательская деятельность в культуре Возрождения была связана и с развитием светской литературы, её жанров и стилей, что создавало необходимость в издании античных светских авторов, поэтов, прозаиков и философов.

В 1502 г. Альд Мануций издал сочинение Овидия и впервые ввел нумерацию страниц и указания страниц в оглавлении – раньше страницы нумеровали читатели. Подобное нововведение изменило отношения между

---

<sup>267</sup> Романовский Б.В. С метром по векам: научно-художественная книга М., 1985. С. 110.

<sup>268</sup> Савельева И. История и время. В поисках утраченного. М., 1997. С. 606.

<sup>269</sup> Книгопечатание// Энциклопедия для детей / Сост. Исмаилов С. М., 1993. С. 89.

<sup>270</sup> Рогов А.И. Возникновение и развитие книгопечатания. М., 1977. С. 155.

текстом и читателем – теперь текст приобрел аутентичность и целостность<sup>271</sup>, тем более, что Альд Мануций вынес ссылки и примечания в конец текста (ранее – в рукописных изданиях – основной текст окружался со всех сторон рукописными примечаниями читателей).

Таким образом, изобретение и совершенствование книгопечатания обеспечило постоянное существование текста во времени, произошло отчуждение языкового материала от носителя, вследствие чего была упрощена связь между хранением, воспроизведением и передачей информации. Если устный и рукописный текст не мог постоянно храниться в памяти исполнителя без периодического озвучивания, то теперь возникла возможность передавать его без воспроизведения. Текст и информация получили стабильную форму, перестали быть подвижными и изменчивыми.

На основе изучения книжной культуры можно говорить о смене семиотических систем книги после изобретения книгопечатания и в ходе трансформации культурных парадигм в эпоху Нового времени. Изобретение печатного станка позволило создать новую семиотическую систему, которая окончательно заняла место устной традиции. Благодаря этому происходит трансформация и смена коммуникативных парадигм.

Информация получает новую качественную характеристику, а человечество переходит в новую эпоху, где возможно массовое накопление знания и его передача с помощью фиксированного текста на любое расстояние и во времени.

Дальнейшую эволюцию книгопечатания мы наблюдаем уже на заре эпохи Нового времени, когда на смену издателям-гуманистам приходят коммерсанты и издатели-предприниматели. Уже в XVII веке в Западной Европе наряду с ремесленными типографиями возникают книгоиздательские предприятия, организованные на принципах мануфактурного производства.

---

<sup>271</sup> Lyons M. The history of reading from Gutenberg to Gates // The European Legacy. 1999. Vol. 4, № 5. P. 52.

В это время совершенствуется далее и технология печатания: изобретается торцовая гравюра на дереве, служащая печатной формой, появляется литография, в конце XVIII изобретённая в Германии А. Зенефельдером. Новым типографским предприятиям, как правило, сопутствуют и торговые фирмы, заинтересованные в наиболее выгодных коммерческих проектах по изданию и продаже книг. Именно в это время происходит рождение и такого культурного феномена, как «авторское право».

Техническое и экономическое развитие книгопечатания ускоряется в течение XIX века, когда изобретаются ротационные и автоматические наборные машины, технология плоской печати, фотомеханические способы печати, внедряются в производство наборные и брошюровочно-переплётные машины. Рубеж XIX и XX вв. ознаменовался появлением машин офсетной печати – полиграфические машины теперь переводятся на электропривод, в книгоиздании используются синтетические материалы на основе фотополимерных печатных форм. Основной книгоиздательский прогресс в XX веке происходил столь быстро, что привёл к индустриальной массификации всей книжной культуры.

В свою очередь, развитие техники и материальной цивилизации в целом оказывает обратное влияние на эволюцию книги. Книга становится не только «символическим капиталом», но и массовым товаром, частью быта и предметом массового производства в рамках рискованного бизнеса и экономической конкуренции. Аккумулируя в себе новейшие технические и интеллектуальные достижения, в Новое время книга становится одним из факторов роста нового гуманизма – каждый человек начинает воспринимать себя по модели «автора» книги; и само авторство становится одной из массовых профессий.

Книга как конкретная целостность смысла и структурная замкнутость текста, как мы писали выше, была не только в древности и средние века своего рода «точкой», имеющей невероятную претензию стать «внеземным»,

трансцендентным ориентиром бытия человека, обретения им смыслов земного существования. Эта претензия и в наши дни более чем законна, ибо порождена самой глубинной структурой человеческой экзистенции – поиском и созданием осмысленности человеческой жизни.

И совершенно очевидно, что такой точкой никак не может стать «мозаичность» текстов, аморфная и неохватная «ризом», насквозь доступная в Интернете. Здесь вместо мира, упорядоченного в Космос, обитатель «гиперреальности» погружен в хаос «мозаичности» любых, легко доступных «текстов». Для того чтобы научиться воспринимать Книгу, знатоку «текстов» нужно в своем сознании сделать поворот на 180 градусов.

Именно поэтому «электронный», «медийный» текст никогда не сможет заменить «бумажную книгу» как живую индивидуальность культуры, а не просто лишь буквенный фрагмент на светящемся экране. Книги сами по себе такие же ценные памятники, как, например, старые картины, здания, монеты, музыкальные инструменты и даже старые башмаки (прекрасно помысленные М. Хайдеггером). Живое человеческое восприятие книги в себе нечто такое, чего не могут дать строчки на экране. Такова базовая психологическая установка читателя печатной книги.

Тексты Интернета в этом отношении действует на человека прямо противоположным образом, поскольку формируют у него хаотичное, «мозаичное» и «клиповое» сознание. Книга как смысловая целостность выступает в качестве модели культуротворчества и значимых человеческих отношений; в то время как внешняя общедоступность текстов в Интернете в первую очередь разрушает благоговейное, серьезное, «культовое» отношение к культуре.

Проведенный краткий анализ позволяет сделать вывод о том, что специфика функционирования книги в европейской культуре проявилась на двух ее этапах – средневековом и модернизационном, начавшемся с эпохи Возрождения и секуляризации в эпоху Реформации. Общим у этих двух

этапов является просветительская роль книги, способствовавшая политической и экономической модернизации и распространению научно-технических знаний в Европе, Америке и в России.

Изобретение печатного станка в «эру Гутенберга» трансформирует рукописную книгу в новую семиотическую систему, которая окончательно вытесняет устную традицию, способствует цивилизационной модернизации, секуляризации, рационализации технологий и экономики, распространению научно-технических знаний в Европе «нового времени» и смене культурной парадигмы традиционализма цивилизацией модерна. Культура и цивилизация модерна переходит к принципиально новым, массовым способам накопления знания, передачи информации и транслирования смыслов человеческого существования.

Печатная книга изменяет культурные коммуникации, способствует сжатию цивилизационного пространства и ускорению времени человеческого существования. Современная эпоха с её совершенными технологиями хранения и передачи информации искажает культурные образы книги и способы работы с текстами, но не отменяет основных принципов «семиотики Гутенберга», связанной со смыслами человеческого существования в эпоху позднего модерна.

## Заключение

Философско-культурологический подход к пониманию феномена книги опирается на синтез экзистенциального и семиотического методов, на основе концепции «мира как книги» Х.-Л. Борхеса и концепции полиморфизма семиосферы Ю.М. Лотмана. Выход за рамки тривиальных представлений об «онтологии» книги и ее культуросозидающей функции возможен в рамках понимание книги как «модели мира» и как особого динамического субъекта культуры, обладающего диалогическим статусом.

До появления письменности, человечество прошло в своём развитии несколько этапов. Начиная с архаичных времен, во время существования мифосознания, когда человек рисовал на потолках и стенах пещер наскальные рисунки, и до первых пиктограмм, созданных в VIII тыс. до н.э., когда, собственно, и начинается история человечества.

Как мы отметили, первой исторической и семиотической предпосылкой книги и было мифическое сознание. Эта самая ранняя форма важна не только для понимания процессов возникновения книги, но и показывает изначальную включенность образа книги в общую мифологическую «картину мира». В форме мифа происходит тот первичный переход от образного к знаковому мышлению, на котором и основана книжная культура. Изучение семиотики мифов в вопросе происхождения письменности дало нам ценный материал, подтверждающий концепцию онтологии книги как целостного образа мира, указывая на ее древний источник.

Генезис письменности в процессе трансформации культуры отражен в мифе, который, тем самым, является важной формой осмысления феномена письменности и книги в контексте общей «картины мира». Благодаря этому с появлением письменности фактор стабильности текстов культуры начинает доминировать над их вариативностью и изменчивостью, поскольку

письменная фиксация разрушила синкретическую цельность традиции, отделив слово от его контекста, от живого звучания и жеста.

Культура благоговейного восприятия Книги восходит к великим религиозно-мифологическим традициям и возникла в процессе чтения и осмысления священных текстов. Уже позднее, в эпоху книгопечатания, этот навык был перенесен и на книги светские – научные, художественные, учебные.

Специфика трансформации книжной культуры в античной Греции и в ранний христианский период, в первую очередь, состояла в формировании «образа мира» по модели Книги как базового символа культуры в двух его проявлениях – как Священного Писания и как Книги Природы, последняя из которых стала основой науки Нового времени.

На основе изучения книжной культуры можно говорить о смене семиотических систем книги после изобретения книгопечатания и в ходе трансформации культурных парадигм в эпоху Нового времени.

В свою очередь, развитие техники и материальной цивилизации в целом оказывает обратное влияние на эволюцию книги. Книга становится не только «символическим капиталом», но и массовым товаром, частью быта и предметом массового производства в рамках рискованного бизнеса и экономической конкуренции.

Аккумулируя в себе новейшие технические и интеллектуальные достижения, в Новое время книга становится одним из факторов роста гуманизма, поскольку во многом именно благодаря чтению книг каждый человек начинает воспринимать себя по модели «автора» книги; и само авторство становится одной из массовых профессий. Специфика функционирования книги в культуре Нового времени проявилась на двух ее этапах – средневековом и модернизационном.

Общим принципом генезиса, семиотики и трансформации книги в культурных практиках различных эпох является ее *проективная роль* по



отношению к другим сферам социокультурной жизни: все изменения, которые затем происходили в этих сферах, изначально моделировались в тех образах, которые содержались в текстах книг и были результатом авторских идей и обобщений опыта прошлого и воображаемых образов будущего.

В этом смысле книга во все времена служила средством ускорения исторического процесса, вместе с тем сохраняя в себе архетипическое понимание реальности как осмысленного «текста», способного вместить любые инновации.

В нашем исследовании мы не коснулись специфики бытования книги и культурогенеза книгоиздания в российской культурно-цивилизационной системе. Но это задача отдельная, которая может быть нами реализована в будущей исследовательской работе.

## Библиографический список

1. Аверинцев, С.С. Мифы / С.С. Аверинцев // Краткая литературная энциклопедия. – Т.4. – М.: Сов. энцикл., 1967. – С. 876-881.
2. Аверинцев, С.С. Поэтика ранневизантийской литературы / С.С. Аверинцев. – М.: Гл. ред. вост. литературы изд-ва «Наука», 1977. – 320 с.
3. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы / С.С. Аверинцев. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 480 с.
4. Алексеев, А.А. Текстология славянской Библии / Алексеев. – М.: Вече, 2007. 320 с.
5. Алексеев, А.А. Библистика / А.А. Алексеев. – М.: Наука, 1978. – 220 с.
6. Амальрик, А.С., Монгайт А.Л. В поисках исчезнувших цивилизаций. – М.: Издательство Академии наук, 1959. – 380с.
7. Амусин, И.Д. Кумранская община / И.Д. Амусин. – М.: Наука, 1983. 328 с.
8. Амусин, И.Д. Рукописи Мертвого моря / И.Д. Амусин. – М.: Изд. Академии Наук СССР, 1960. – 272 с.
9. Амусина И.Д. Кумранская община / И.Д. Амусин. – М.: Наука, 1970. 150 с.
10. Андреев, А. А. Как изготавливался старинный переплёт // Компьютер Сост.: Дубин Н. – М.: Вече, 2010. – 460 с.
11. Андреев, Ю.В. Островные поселения Эгейского мира в эпоху бронзы / Ю.В. Андреев. – Л.: Наука, 1989. 120 с.
12. Андреев, Ю.В. Раннегреческий полис. Гомеровский период / Ю.В. Андреев. – Л.: Наука. 1976. – 170 с.
13. Армстронг, К. Краткая история мифа / К. Армстронг. – М.: Вече, 2011. – 56 с.

14. Афанасьев, А. Мифы, поверья и суеверия славян Т. 3. / А. Афанасьев. – М.: Труд, 2002. – 165 с.
15. Багновская, Н.М. От свитка к кодексу (эволюция форм книги) // Букинистическая торговля и история книги. Вып. 1. / Н.М. Багновская. – М.: Книга, 1990. – С. 18-29.
16. Байер, Б. История человечества / Б Байер. – М.: Дрофа, 2002. – 320 с.
17. Баренбаум, И.Е. История книги / Е.И. Баренбаум. – 2-е изд., перераб. – М.: Книга, 1984. – 248 с.
18. Баренбаум, И.Е. К вопросу об универсальном определении понятия «книга» // Книга. Исследования и материалы / Е.И. Баренбаум. – М.: «Книга», 1977. – С. 11-22.
19. Барсук, А.И. К определению понятия «книга» // Изд. дело. Книговедение: Науч. – информ. сб. / ЦБНТИ по печати. 1970. № 2(12) / А.И. Барсук. – С. 5-9.
20. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт.- М.: Изд. группа «Прогресс»-«Универс», 1994. – 616 с.
21. Бартенев, С.А. Экономическая история: Учебник / С.А. Бартенев. – М.: Вече, 2004. – 270 с.
22. Бартошек, А. Златобильные Микены / А. Бартошек. – М.: «Символ», 1991. – 245 с.
23. Барулин, А.Н. Основания семиотики. Знаки, знаковые системы, коммуникация / А.Н. Барулин. – М.: Спорт и Культура, 2002. – 320 с.
24. Бахтиаров, А.А. История книги на Руси / А.А. Бахтиаров. – М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2010. – 303 с.
25. Бергер, П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

26. Берлев, О. Общественные отношения в Египте, времён Среднего царства / О. Берлев. – М.: Просвещение, 1982. – 220 с.
27. Бессонов, П.А. Типографская библиотека в Москве / П.А. Бессонов. – М.: Тип. А. Семена, 1859. 66 с.
28. Блаватская, Т. В. Ахейская Греция во втором тысячелетии до н. э. / Т.В. Блаватская. – М.: Просвещение, 1966. – 320 с.
29. Блок, М. Апология истории или ремесло историка. - Изд. 2-е, доп. / М. Блок. – М.: Наука, 1986. – 256 с.
30. Болдырева, Н. Ф. Гутенберг. Уатт. Стефенсон и Фултон. Дагер и Ньепс/ Н.Ф. Болдырева. – Челябинск: «Перспект», 1996. – 200 с.
31. Бородин, А.В. Московская гражданская типография и библиотекари Киприановы // Труды института книги, документа, письма. Вып. 5 / А.В. Бородин. – Л.: ИКДКП, 1936. – С. 61-73.
32. Бороноева, Т.А. Художественно-эстетические особенности буддийской книги / Т. А. Бороноева // Книжная культура Бурятии: Мат. II региональной научно-практической конф. 6-9 июня 2000 г., Улан-Удэ. – Улан-Удэ: Изд. ВСГАКИ, 2000. – Ч. I. – С. 33-41.
33. Борухович, В.Г. В мире античных списков / В.Г. Борухович. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1976. – 300 с.
34. Борухович, В.Г. В мире античных списков / В.Г. Борухович. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1976. 300 с.
35. Борхес, Х.-Л. Книга // Борхес Х.-Л. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 3 / Х.-Л. Борхес. – СПб: Амфора, 2011. – С. 501-510.
36. Борхес, Х.-Л. О культе книг // Борхес Х.-Л. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 2 / Х.-Л. Борхес. – СПб: Амфора, 2011. – С. 424-429.
37. Борхес, Х.-Л. Цветок Колриджа // Борхес Х.-Л. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 2 / Х.-Л. Борхес. – СПб: Амфора, 2011. – С. 338-342.

38. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. – Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Ф. Бродель. – М.: Прогресс, 1986. – 622 с.
39. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. – Т. 3. Время мира / Ф. Бродель. – М.: Прогресс, 1992. – 679 с.
40. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. – Т. 2. Игры обмена / Ф. Бродель. – М.: Прогресс, 1988. – 632 с.
41. Бругш, Г. Все о Египте / Г. Бругш. – М.: «Золотой век», 2000. – 672 с.
42. Бруева, Т.А. Книга как феномен культуры: философский аспект: дисс. на соиск уч. ст. кандидата философских наук: 24.00.01 / Т. А. Бруева. – М., 2006. – 170 с.
43. Брюс, М. Текстология нового Завета / М. Брюс. - М.: Арт-Пресс, 1996. 300с.
44. Буровский, А. Некрещённая Русь / А. Буровский. – М.: Яуза-Пресс, 2012. – 220 с.
45. Вайнгрин, Дж. Введение в текстологию Ветхого Завета / Дж. Вайнгрин. – М.: ББИ св. апостола Андрея, 2002. – 114 с.
46. Валянский С.И., Калюжный Д.В. Другая история средневековья / С.И. Валянский. – М.: Вече, 2004. – 525 с.
47. Варбанец, Н.В. Йоханн Гутенберг и начало книгопечатания в Европе / Н.В. Варбанец. – М.: Книга, 1980. – 306 с.
48. Васильев Л.С. История Востока / Л.С. Васильев. – М., Высшая школа, 2005. – 340 с.
49. Васильева, З.И. История образования и педагогической мысли за рубежом и в России / З.И. Васильева. – М.: «АСТ», 2002. – 220 с.

50. Васильева, Н.И. Религия, эпос и мифология Великой Скифии / Н.И. Васильева. – М.: Восток, 2001. – 267 с.
51. Васильева, О.В. Еврейские рукописи в Российской Национальной библиотеке. К истории формирования фондов / О.В. Васильева // Орнамент древнееврейских рукописей. – Москва – Тель-Авив, 2003. – С. 80-94.
52. Вевюрко, И. С. Септуагинта: древнегреческий текст Ветхого Завета в истории религиозной мысли / И.С. Вевюрко. – М.: «Древо» 2013. – 260 с.
53. Вевюрко, И.С. Септуагинта: древнегреческий текст Ветхого Завета в истории религиозной мысли / И.С. Вевюрко. – М.: Древо, 2013. – 260с.
54. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. – М.: Языки славян, культуры, 2001. – 288 с.
55. Вейлль Р. Собрание египетских надписей Синая / Р . Вейлль. – М.: АСТ, 1999. – 190 с.
56. Вернан, Ж.П. Происхождение древнегреческой мысли/ Ж.П. Вернан. – М.: Прогресс, 1988. – 224 с.
57. Вернер, Э. Мифы и легенды Китая / Э. Вернер. – М.: «Центрполиграф», 2007. – 400 с.
58. Видеман, А. Религия древних египтян / А Видеман. – М.: М.: Центрполиграф, 2009. – 202 с.
59. Виргинский, В. Очерки истории науки и техники с древнейших времен до середины XV века / В. Виргинский. – М.: Просвещение, 1993. – 288 с.
60. Владимиров, Л.И. Всеобщая история книги: Древний мир. Средневековье. Возрождение. XVIII в. / Л. И. Владимиров. – М.: Книга, 1988. – 310 с.

61. Володихин, Д.М. Книжность и просвещение в Московском государстве XVII в. / Д.М. Володихин. – М.: Изд-во Мос. гор. объединения архивов, 1993. – 188 с.
62. Всеобщая история книги: Учеб. пос. / И.А. Шомракова, И.Е. Баренбаум. – СПб.: Профессия, 2005. – 392 с.
63. Гаврилов, Д. Боги славянского и русского язычества. Общие представления / Д. Гаврилов. – М.: Вектор, 2006. – 341 с.
64. Гамаюн. Вещее пророчество // Русские легенды и предания / Е.А. Грушко, Ю.М. Медведев. – М.: ЭКСМО, 2004. – С. 150-151.
65. Гардинер, А.Г. египетское происхождение семитского алфавита / А.Г. Гардинер. – М.: Вектор, 1986. – 220 с.
66. Гейштор, А. Мифология славян / А. Гейштор. – М.: Весь мир, 2014. – 366 с.
67. Геродот. История (в девяти томах). Пер. Г.А. Стратановского / Геродот. – М.: Ладомир; АСТ, 1999. – 752 с.
68. Гессе, Г. Магия книги // Гессе Г. Письма по кругу / Г. Гессе. – М.: Прогресс, 1987. – С. 179-191.
69. Гиляревский, Р.С., Гривнин, В.С. Определитель языков мира по письменностям / Р.С. Гиляревский. – М.: ИВЛ, 1961. – 300 с.
70. Гируцкий, А.А. Введение в языкознание / А.А. Гируцкий. – М.: Наука, 1967. – 300 с.
71. Глазерсон, М. Филистимляне и палестинцы. Идеологический конфликт между Израилем и филистимлянами в прошлом и настоящем / М. Глазерсон. – М.: Вече, 2007. – 300 с.
72. Говоров, А.А. Введение в языкознание: конспект лекций / А.А. Говоров. – М.: Вектор, 2010. – 400 с.
73. Говоров, А.А. История книги / А.А. Говоров. – М.: Наука, 2001. 70с.

74. Говоров, А.А. Из истории книгоиздательства и книжной торговли за рубежом в XVI-XIX вв. / А.А. Говоров. – М.: Изд. МПИ, 1970. – 77 с.
75. Говоров, А.А. О древнерусском происхождении слова «книга» // Букинистическая торговля и история книги. Вып. 1. / А.А. Говоров. – М.: Книга, 1990. – С. 5-17.
76. Голосовкер, Я. З. Логика мифа / Я. З. Голосовкер. – М.: Гл. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1987. – 218 с.
77. Гомер. Илиада. Одиссея. – М.: Худ. лит., 1967. – 766 с.
78. Горapolлон. Иероглифика / Горapolлон. – М.: ООО «Остеон-Пресс», 2015. – 212 с.
79. Гордон, С. Угаритская грамматика / С. Гордон. – М.: Наука, 1987. – 250 с.
80. Гордон, С.Г. Забытые письмена. Открытие и дешифровка / С.Г. Гордон. – СПб.: Евразия, 2002. – 224 с.
81. Гулыга А.В. Искусство в век науки / А.В. Гулыга. – М.: Наука, 1978. – 182 с.
82. Гуляев, В.И. Шумер. Вавилон. Ассирия: 5000 лет истории / В.И. Гуляев. – М.: Алетейя, 2004. – 440 с.
83. Гуревич А.Я. Избранные труды. Том 2. Средневековый мир / А.Я. Гуревич. – М.: Университетская книга, 1990. – 433 с.
84. Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры / .Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
85. Гуревич, П.С. Культурология Учебник / П.С. Гуревич. – М.: Юнити, 2006 – 327 с.
86. Гусева, А.А. Символика в орнаментике изданий Ивана Федорова и Петра Мстиславца // Книга. Исследования и материалы. Сб. 66 / А.А. Гусева. – М.: Наука, 1993. – С. 126-137.
87. Гусева, Н.Р. Легенды и мифы Древней Индии. Махабхарата. Рамаяна / Н.Р. Гусева. – М.: Вече, 2008. – 315 с.



88. Давидович, В.Е., Жданов, Ю.А. Сущность культуры / В.Е. Давидович, Ю.А. Жданов. – Ростов-н/Д.: РГУ, 1979. – 264 с.
89. Дамбинова, З. Д. Внешнее оформление буддийской книги-потхи / З. Д. Дамбинова // Библиотечное дело – 2004: Мат. междунар. науч. конф. Москва 22 – 24 апреля 2004 г. – М.: Книга, 2004. – С. 201-209.
90. Дандамаев, М.А. Вавилонские писцы / М.А. Дандамаев. – М.: Наука, 1983. – 245 с.
91. Даренский, В.Ю. Книга и медиа-текст: парадоксальность преемственности // Международный журнал исследований культуры. № 2(3) 2011: Культурная история медиа. – С. 22-28 / В.Ю. Даренский / URL: [https://www.culturalresearch.ru/files/open\\_issues/03\\_2011/IJCR\\_03\(4\)\\_2011\\_Darensky.pdf](https://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/03_2011/IJCR_03(4)_2011_Darensky.pdf).
92. Деревицкий А.Н. Музей и библиотека Лагидов в Александрии. Культурно-исторический очерк / А.Н. Деревицкий. - Харьков: Вектор, 1989. 350с.
93. Деревицкий А.Н. О начале эпохи историко-литературных занятий в Греции / А.Н. Деревицкий. – Харьков: АСТ, 2002. – 340 с.
94. Джалиашвили З. Культурология. Учебное пособие / З. Джалиашвили. – Спб.: СПбГУ ИТ-МО, 2008. – 367 с.
95. Джуринский А.Н. История образования и педагогической мысли / А.Н. Джуринский.- М.: Просвещение, 2004. – 370 с.
96. Джуринский, А.Н. История зарубежной педагогики. Учеб. пос. для вузов / А.Н. Джуринский. – М.: Инфра-М, 1998. – 113 с.
97. Дирингер, Д. Алфавит. – Изд. 2-е / Д. Дирингер. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 656 с.
98. Добиаш-Рождественская, О.А. История письма в средние века / О.А. Добиаш-Рождественская. – М.: Книга, 1987. – 320 с.

99. Добльхофер, Э. Знаки и чудеса. Рассказы о том, как были дешифрованы забытые письмена и языки / Э. Добльхофер. – М.: Восточная литература, 2004. – 388 с.
100. Добыкин, Д.Г. Лекции по введению в Священное Писание Ветхого Завета: учеб. Пособие / Д.Г. Добыкин. – СПб.: Изд. СПбДА, 2014. – 112 с.
101. Драч Г.В. Рождение античной философии и начало антропологической проблематики / Г.В. Драч. – М.: Гардарики, 2003. – 318 с.
102. Дубнов, С.М. Краткая история евреев / С.М. Дубнов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. – 576 с.
103. Дьяконов И.М. История древнего мира // Ранняя древность / И.М. Дьяконов. – М.: Вектор, 1990.
104. Дьяконов, И.М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней / И.М. Дьяконов. – М.: Восточная литература, 1994. – 372 с.
105. Дьяконов, И.М. Языки древней Передней Азии / И.М. Дьяконов. – М.: Наука, 1967. – 492 с.
106. Евгений (Болховитинов), митр. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, служащий дополнением к Словарю писателей духовного чина, составленному митрополитом Евгением. Ч. 1. – М.: Изд. МДА, 1845. 368 с.
107. Египетская литература / Б. А. Тураев. – СПб.: Летний сад, 2000. – 334 с.
108. Еко, У. Чи поглине комп'ютер книгу? / У. Еко // Книжкова тека. – Львів. – 1997. – 30 серп. – С. 4.
109. Ельников, М.П. Теоретические проблемы методологии книги: Дисс. на соиск. уч. ст. доктора филологических наук / М.П. Ельников. – Москва, 1996. – 529 с.

110. Ельников, М.П. Феномен книги (теоретико-гносеологический аспект) // Книга. Исследования и материалы. Сб. 71 / М.П. Ельников. – М.: Книга, 1995. – С. 53-69.
111. Ермишина Н.А. Культурологи: Учебное пособие для вузов / Н.А. Ермишина. – М.: Академический проект, 2007. – 432 с.
112. Есипова, В.А. История книги / В.А. Есипова. – Томск: Изд. Томского ун-та, 2011. 200 с.
113. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин. М.: Наука, 1982. – 160 с.
114. Журавлёв А.П. Звук и смысл / А.П. Журавлёв. – М.: Просвещение, 1981. – 160 с.
115. Забелин, И.Е. Первое водворение в Москве греко-латинской и общей европейской науки // Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 4. / И.Е. Забелин. – М.: Унив. Типогр., 1886. – С. 5-34.
116. Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и роэзия/ М. Забылин М.: Просвещение, 1980. – 300 с.
117. Загаров, К.С. Книга как феномен культуры // Современные научные исследования и инновации. 2012. № 8 / К.С. Загаров [Эл. ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2012/08/16535> (дата обращения: 07.08.2018).
118. Згурская М. Архитектурные стили / М. Згурская. – М.: Наука, 1976. – 79 с.
119. Зубрицька, М. Homo legens: читання як соціокультурний феномен / М. Зубрицька. – Львів: Літопис, 2004. – 352 с.
120. Иванов В. В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. – Т I / В.В. Иванов. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 912 с.
121. Иванов В.В. Алфавит // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл.ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С.29-30.

122. Иванов К.А. Многоликое средневековье / К.А. Иванов. – М.: Дрофа 1996. – 520 с.
123. История книги / Ред. А.А. Говорова и Т.Г. Куприянова. – М.: СВЕТОТОН, 2001. – 399 с.
124. Истрин В. А. Развитие письма / В.А. Истрин. – М.: Издательство Академия наук, 1961. – 220 с.
125. Истрин В.А. История письма / В.А. Истрин. – М.: Высшая школа, 2001. – 350 с.
126. Истрин, В.А. Возникновение и развитие письма / В.А. Истрин. – М.: Наука, 1965. – 600 с.
127. Каган, М.С. Чтение как феномен культуры // Каган М.С. Избранные труды в VII т. Т. III. Труды по проблемам теории культуры / М.С. Каган. – СПб.: Петрополис, 2007. – С. 88-97.
128. Казанский Н.Н. Диалекты древнегреческого языка / Н.Н. Казанский. – Л.: Наука, 1983. – 167 с.
129. Канева, И.Т. Шумерский язык / И.Т. Канева. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. – 231 с.
130. Капр, А. Иоганн Гутенберг. Личность в истории / А. Капр. – СПб.: Вита Нова, 2010. – 546 с.
131. Картледж Пол Истрия Древней Греции в 11 городах / П. Картледж . – М.: Аст, 2014. – 340 с.
132. Карьер, Жан-Клод. Не надейтесь избавиться от книг! / Жан-Клод Карьер & Умберто Эко. – СПб.: SYMPOSIUM, 2010. – 332 с.
133. Кацнельсон, И.С. Культура Древнего Египта / И.С. Кацнельсон. – М.: Наука, 1980. 360 с.
134. Кацпржак, Е.И. История книги / Е.И. Кацпржак. – М.: Книга, 1964. 422 с.

135. Квеннелл, М. Гомеровская Греция: культура, быт, религия / М. Квеннелл. – М.: Центрполиграф, 2005. 189 с.
136. Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу / Ф. Х. Кессиди. – М.: Мысль, 1972. – 312 с.
137. Киселев, Н.П. О московском книгопечатании XVII века // Книга. Исследования и материалы. Вып. II / Н.П. Киселев. – М.: Книга, 1960. – С. 131-143.
138. Киселева, Л.И. Западноевропейская книга XIV-XV вв.: Кодикологический и книговед. аспекты / Л. И. Киселева. – Л. Наука, 1985. – 303 с.
139. Киселева, Л.И. Западноевропейская рукописная и печатная книга XIV-XV вв. / Л. И. Киселева. – М.: Наука, 1985. – 302 с.
140. Киселёва, Л.И. Письмо и книга в Западной Европе в средние века: (Лекции по латинской палеографии и кодикологии) / Л. И. Киселева. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 309 с.
141. Климент Александрийский. Строматы. Т. 2 (Книги 4-5) / Климент Александрийский. – СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2003. – 336 с.
142. Климова, О.В. История письма: Учеб. пос / О.В. Климова. – Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2009. – 141 с.
143. Клодель, П. Философия книги // Человек читающий. НОМО LEGENS. Писатели XX в. о роли книги в жизни человека и общества / П. Клодель. – М.: Прогресс, 1983. – С. 158-171.
144. Книга // Книговедение. Энциклопедический словарь / Ред. Н. М. Сикорский. – М.: «Книга», 1982. – С. 251-252.
145. Книга: Энциклопедия / Гл. ред. В.М. Жарков. – М.: Большая Рос. энцикл., 1999. – 799 с.
146. Книговедение: энциклопедический словарь / Ред. Н. М. Сикорский. – М.: Сов. энциклопедия, 1982. – 664 с.

147. Кондратов, А.М. Книга о букве / А.М. Кондратов. – М.: Советская Россия, 1975. – 59 с.
148. Кондратюк М.А. Проблема происхождения греческого алфавита в современной историографии // Вестник МГУ. Сер.8: История. №5. – 1990, сентябрь-октябрь. – 70 с.
149. Конрад Э. Как появилась Библия. – М.: Наука, 1976. – 300 с.
150. Коростовцев, М.А. Введение в египетскую филологию / М.А. Коростовцев. – М.: ИВЛ, 1963. – 280 с.
151. Коростовцев, М.А. Писцы Древнего Египта / М.А. Коростовцев. – СПб.: «Летний Сад», 2001. – 366 с.
152. Коростовцев, М.А. Религия древнего Египта / М.А. Коростовцев. – СПб.: «Летний Сад», 2000. – 464 с.
153. Косарев А.И. История государства и права зарубежных стран М.: ЭКСМО, 2002. – 350 с.
154. Кочетова, С.М. Фарфор и бумага в искусстве Китая / С.М. Кочетова. – М. Изд. Академии наук СССР, 1956. – 91 с.
155. Крамер, С. Шумеры. Первая цивилизация на Земле / С. Крамер. – М.: Центрполиграф, 2002. – 383 с.
156. Краткий очерк развития письменности и типографского искусства в России / Сост. В. Анисимов. – Петроград: [б. и.], 1920. – 89 с.
157. Крушкол Ю.С. История древнего мира / Ю.С. Крушкол. – М.: Вече, 2000. 170с.
158. Кривелев И.А. Библия: историко-критический анализ / И.А. Кривелев. – М.: Политиздат, 1982. – 255 с.
159. Крылов, П.А. Словарь символов. 990 слов / П.А. Крылов. – СПб.: Полиграфуслуги, 2005. – 432 с.
160. Кузищин, В. История Древней Греции / В. Кузищин. – М.: Высшая школа, 1996. – 310с.

161. Кузнецов, И.Н. Всеобщая история / И.Н. Кузнецов. – М.: Просвещение, 2003. – 420 с.
162. Кукушкина, М.В. Книга в России в XVI веке / М. В. Кукушкина. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. – 202 с.
163. Куприянова, Т. Г. Гражданская типография Киприановых // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.: Альманах / Т.Г. Куприянова. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. – С. 9-10.
164. Куприянова, Т.Г. Гражданская книга в России первой четверти XVIII века: Монография / Т.Г. Куприянова. – М.: МГУП, 2001. – 295 с.
165. Куприянова, Т.Г. Предпринимательство в книжном деле: историография, история, тенденции развития : монография / Моск. гос. ун-т печати имени Ивана Федорова / Т.Г. Куприянова. – М. : МГУП имени Ивана Федорова, 2012. – 368 с.
166. Куфаев, М.Н. Проблемы философии книги. Книга в процессе общения / М.Н. Куфаев. – М.: Наука, 2004. – 192 с.
167. Кэлли С. Три волны переселения индоевропейцев в Европу / С. Кэлли.- М.: Вектор, 2006. – 350с.
168. Кэпмбелл Д. Сила мифа / Д. Кэлли. – М.: Вече, 2003. – 360 с.
169. Лазурский, В.В. Альд и альдины. (Альд и дом Альда. Элементы печатной книги эпохи Возрождения. Шедевры Альда) / В.В. Лазурский. – М.: Книга, 1977. – 142 с.
170. Леви Строе К. Мифологии. В 4-х тт. - Т. 1. Сырое и приготовленное. – М.; СПб.: Университетская книга, 1999. – 406 с.
171. Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 608 с.
172. Леви-Строс К. Мифологии. – Т.2. От меда к пеплу. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 442 с.

173. Леви-Строс К. Мифологии. – Т.3. Происхождение застольных обычаев. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 461 с.
174. Лёвочкин, И.В. Русская рукописная книга XI-XVI вв. Историко-книговедческое исследование: Автореф. дис. доктора истор. наук / Моск. полиграф. ин-т / И.В. Лёвочкин. – М., 1992. – 32 с.
175. Леднев, В.С. Венеты. Славяне. Русь. Историко-этимологические и палеографические проблемы / В. С. Леднев. – М.: Индрик, 2009. – 414 с.
176. Лемыш А. Древнейшие книги мира // Еженедельник истории Сост.: Мостовщиков С. М.: Вече, 2000. – 45с.
177. Леницман Я. А. Расшифровка крито-микенских надписей// Вопросы истории. №9. – М: Просвещение, 1955. – 78 с.
178. Леонов, В. П. Книга как врожденная программа человека / В. П. Леонов // Книга. Исследования и материалы. Сб. 88. – М.: Наука, 2008. – С.78-81.
179. Ли Хант. Фрагменты эссе и статей // Корабли мысли. Зарубежные писатели о книге, чтении, библиофилах / Ли Хант. – М.: Книга, 1980. – С.119-132.
180. Либрович, С. Ф. История книги в России: со снимками с древних рукописей, образцами первопечатных книг и позднейших редких изданий, портретами, копиями картин, гравюр и пр.: [в 2 ч.] / С. Ф. Либрович. – Изд. 2-е. – Петроград-Москва: Изд. Товарищества М. О. Вольф, 1914. – 234 с.
181. Либрович, С.Ф. История книги в России: со снимками с древних рукописей, образцами первопечатных книг и позднейшей редакцией издания, портретами, копиями картин, гравюр и пр., и пр. – М.: Гос. публ. ист. б-ка, 2004. – 236 с.
182. Ловягин, А.М. Основы книговедения / А.М. Ловягин. – М.: КТ «Начатки знаний», 1925. – 166 с.
183. Лосев, А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии / А.Ф. Лосев. – М.: Учпедгиз, 1957. – 620 с.



184. Лосев, А.Ф. Знак. Символ. Миф / А.Ф. Лосев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 480 с.
185. Лосев, А.Ф. Из ранних произведений / А.Ф. Лосев. – М.: «Правда», 1990. – 655 с.
186. Лосев, А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А.Ф. Лосев. – М.: Искусство, 1976. – 367 с.
187. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб.: «Искусство – СПб», 1998. – 285с.
188. Лотман, Ю.М. Вместо предисловия // Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т. I. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн: Александра, 1992. – С. 9-11.
189. Лотман, Ю.М. Динамическая модель семиотической системы // Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т. I. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн: Александра, 1992. – С. 90-102.
190. Лотман, Ю.М. О семиосфере // Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т. I. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн: Александра, 1992. – С. 11-25.
191. Луппов, С.П. Книга в России в XVII веке / С.П. Луппов. – Л.: Наука, 1970. 224 с.
192. Луппов, С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века / С.П. Луппов. – Л.: Наука, 1973. – 374 с.
193. Лурье И.М. Очерки Древнеегипетского права XVI-X вв. до н.э. – Л.: Просвещение, 1960. – 320 с.
194. Лурье, С. Заговорившие таблички / С. Лурье. – М.: ЗАО «МК-Периодика», 2002. – 70 с.
195. Лурье С. Заговорившие таблички / С. Лурье. – М.: ЭКСМО, 2002. – 400 с.
196. Лурье С.Я. Язык и культура микенской Греции / С. Лурье. – М.: Просвещение, 1957. – 156 с.

197. Люблинский, В.С. На заре книгопечатания / В.С. Люблинский. – Изд. 2-е, испр., сокр. – Санкт-Петербург: Рос. нац. б-ка, 2006. – 166 с.
198. Люльфинг, Г. У истоков алфавита / Г. Люльфинг. – М.: Книга, 1981. – 110 с.
199. Лявданский, А.К. Происхождение и ранние этапы развития западносемитского алфавита // Языки мира: Семитские языки. Том 1. Серия «Языки мира» / А.К. Лявданский. – М.: Наука, 2009. – С. 797-821.
200. Мазуркевич, С.А. Энциклопедия заблуждений истории / С.А. Мазуркевич. – М.: Вече, 2001. – 300 с.
201. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего / М. Маклюэн. – К.: Ника-Центр, 2004. – 432 с.
202. Малеин, А. Библиография в древней Греции. Таблицы Каллимаха // Библиография / А. Малеин. – 1992, № 4-5. С. 173-182.
203. Малиновский Б. Научная теория культуры / Б. Малиновский. - М.: Наука, 2005. – 143с.
204. Малкин, И.Т. История бумаги / И.Т. Малкин. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940. 188 с.
205. Малышев, А.И., Таранков, В. И., Смиранный И.Н. Бумажные денежные знаки России и СССР / А.И. Малышев. – М.: Финансы и статистика, 1991. – 496 с.
206. Мангуэль, А. История чтения / А. Мангуэль. – Екатеринбург: У-Фактория, 2008. – 381 с.
207. Мандель, Б.Р. Книжное дело и история книги. Иллюстрированное уч. пособие / Б.Р. Мандель. – М.: Издательство: «Директ-Медиа», 2014. – 1020 с.
208. Мандель, Б.Р. Книжное дело и история книги. Кн.1 / Б. Р. Мандель. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 608 с.
209. Массон, В.М. Первые цивилизации / В.М. Массон. – Л.: Наука, 1989. – 320 с.

210. Матье, М. Искусство Древнего Египта / М. Матье. – М.: Искусство, 1970. – 606 с.
211. Межуев, В.М. Феномен книги и национальное в культуре // Общество и книги: от Gutenberga до Интернета / В.М. Межуев. – М.: Традиция, 2000. – С. 95-110.
212. Мелентьева, Ю.П. Общая теория чтения / Ю.П. Мелентьева. – М.: Наука, 2015. 230 с.
213. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа / Е.М. Мелетинский. – М.: Наука, 1976. – 407 с.
214. Меньшиков В.М. Развитие образования в Западной Европе в XV – XVIII вв.// Педагогика № 2 Сост.: Букарева О. – М.: ЭКСМО, 2010. – С. 5-9.
215. Мецгер, Брюс М. Текстология Нового Завета. Рукописная традиция, возникновение искажений и восстановление оригинала / Б. Мецгер. – М.: ББИ св. апостола Андрея Первозванного, 2013. – 405 с.
216. Мигонь, К. Наука о книге: Очерк проблематики / К. Мигонь. – М.: Книга, 1991. – 198 с.
217. Мифологии древнего мира. – М.: Наука, 1977. – 455 с.
218. Мифы народов мира. Энциклопедия. (В 2-х томах). – Т. 1. – М.: Сов. энц., 1980. – 672 с.
219. Мифы народов мира. Энциклопедия. (В 2-х томах). – Т. 2. – М.: Сов. энц., 1982. – 720 с.
220. Модестов В.И. Римская письменность в период царей. – Казань: Вече, 1868. – 200с.
221. Молчанов, А.А. Таинственные письма первых европейцев / А.А. Молчанов. – М.: Наука, 1980. – 119 с.
222. Молчанов, А.А., Нерознак, В.П., Шарыпкин, С.Я. Памятники древнейшей греческой письменности (введение в микенологию) / А.А. Молчанов. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

223. Морэ, А. Нил и Египетская цивилизация / А. Морэ. – М.: Центрполиграф, 2007. – 504 с.
224. Немировский, Е.Л. Изобретение Иоганна Гутенберга. Из истории книгопечатания. Технические аспекты / Е.Л. Немировский. – М.: Наука, 2000. – 659 с.
225. Немировский, Е.Л. Иоганн Гутенберг / Е.Л. Немировский. – М.: Наука, 1989. – 320 с.
226. Немировский, Е.Л. Иоганн Гутенберг. Источниковедение, историография, жизнь и деятельность / Е.Л. Немировский. – М.: HGS, 2001. – 560 с.
227. Немировский, Е.Л. К вопросу об определении книги как знаковой системы // История книги. Теоретические и методологические основы / Е.Л. Немировский. – М.: Наука, 1977. – С. 42-57.
228. Немировский, Е.Л. Мир книги: с древнейших времён до начала XX века / Е.Л. Немировский. – М.: Книга, 1986. – 287 с.
229. Немировский, Е.Л. Начало славянского книгопечатания / Е.Л. Немировский. – М.: Книга, 1971. – 268 с.
230. Нессельштраус, Ц.Г. Немецкая первопечатная книга: декорировка и иллюстрации / Ц.Г. Нессельштраус. – СПб.: Аксиома – РХГИ, 2000. 272 с.
231. Новиков С.В. Всеобщая история. – М.: МГУ, 2002. – 210 с.
232. Нодье, Ш. Библиоман // Нодье Ш. Читайте старые книги. Новеллы, статьи, эссе о книгах, книжниках, чтении / Ш. Нодье. – М.: Книга, 1989. – С. 44-61.
233. Общество и книга: от Гутенберга до Интернета / Ред. А.П. Королева. – М.: Традиция, 2000. – 279 с.
234. Описание изданий гражданской печати. 1708-январь 1725. Сводный каталог / Сост. Т.А. Быкова и М.М. Гуревич. – М.; Л.: Изд. Академии наук СССР, 1955. 625 с.

235. Опритов Н. Система образования в Древнем Египте. – М.: ЭКСМО, 2011, 79с.
236. Островский, А.Б. Парадигма мифологического мышления: очерк вклада К. Леви-Строса / А. Б. Островский. – СПб.: Кронос, 2005. 180 с.
237. Рудольф О. Идея Священного. СПб.: Наука, 2008. – 78 с.
238. Павленко, Н.А. Краткий очерк истории письма / Н.А. Павленко. – М.: Высшая школа, 1965. – 178 с.
239. Палант, Д. Тайны еврейского алфавита / Д. Палант. – М.: Вече, 2001. – 320с.
240. Паль, Р. Человек придумал книгу / Р. Паль. – М.: Советская Россия, 1983. – 336 с.
241. Панченко, А.М. Русская культура в канун петровских реформ / А. М. Панченко. – Л.: Наука, 1984. – 205 с.
242. Паульсон И. Методика грамоты по историческим и теоретическим данным в двух частях с таблицами и политажами СПб.: Академический проект, 1987. 540с.
243. Пенделбери Дж. Археология Крита. – М.: Наука, 1950. – 210 с.
244. Пенник, Н. Магические алфавиты. Сакральные и тайные системы письма в духовных традициях Запада / Н. Пенник. – М.: София, 2014. 250 с.
245. Перепёлкин, Ю.Я. История Древнего Египта / Ю.Я. Перепёлкин. – СПб.: «Летний Сад», 2000. – 560 с.
246. Перепёлкин, Ю.Я. К вопросу о возникновении энциклопедии на древнем Востоке // Труды Института книги, документа и письма. Т. II / Ю.Я. Перепёлкин. – Л.: Изд. ИКДП, 1932. С. 1-13.
247. Перепёлкин, Ю.Я. О происхождении минускульного письма // М. А. Коростовцев. Писцы Древнего Египта / Ю.Я. Перепёлкин. – СПб. «Летний Сад», 2001. – С. 253-308.
248. Петров, М.К. Античная культура / М.К. Петров. – М.: РОССПЭН, 1997. – 352 с.

249. Петров, М.К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность / М.К. Петров. – М.: РОССПЭН, 1995. – 140 с.
250. Петров, М.К. Историко-философские исследования / М.К. Петров. – М.: РОССПЭН, 1996. – 510 с.
251. Петров, М.К. История европейской культурной традиции и ее проблемы / М.К. Петров. – М.: РОССПЭН, 2004. – 775 с.
252. Петров, М.К. Самосознание и научное творчество / М.К. Петров. – Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1992. – 268 с.
253. Писманик М.Г. Религия в истории и культуре Пермь: Книжный мир, 1995. 304с.
254. Подосинов А.В. Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.: АТР, 1999. 196с.
255. Поздеева, И.В. Конкретно-исторические знания и искусство истории (Историческая информация записей на книгах) // Книга. Исследования и материалы / И.В. Поздеева. – М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты. Сб. 71. – М.: Терра, 1995. С. 101-118.
256. Поспелов Л. В. Дорогами тысячелетий. – М.: Мол. гвардия 1989, – 268 с.
257. Потемкин, А.В. Проблемы специфики философии в диатрибической традиции. – Ростов н/Д: Изд-во Ростов, ун-та, 1980. – 160 с.
258. Починская, И.В. Книгопечатание Московского государства второй половины XVI – начала XVII веков в отечественной историографии: Концепции, проблемы, гипотезы / И.В. Починская. – Екатеринбург: НПМП «ВОЛОТ», 2012. 400 с.
259. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – М.: Просвещение, 1976. – 250с.
260. Протченко И.Ф. Иоганн Гуттенберг// Энциклопедия символов / Энциклопедия Сост.: Бидерманн Г. – М.: Книжный мир, 1996. – С. 320-321.

261. Равинский, Д.К. Судьбы книги, судьбы чтения: о чем спорят зарубежные специалисты // Чтение в XXI веке: традиции и тенденции: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 29–30 мая 2014 г.) / Д.К. Равинский. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. – С. 131-137.
262. Райкова О.А. Древнегреческий миф классической эпохи М.: Книжный мир, 2012. – 358 с.
263. Ремизов, М. Модернизация против модернизации // Сумерки глобализации. Настольная книга антиглобалиста: Сб. ст. / М. Ремизов. – М.: АСТ, 2004. – С. 201-235.
264. Римский, В.П. Миф и религия: проблема генезиса и культурно-исторической специфики архаических религий / В.П. Римский. – Белгород: Крестьян. дело, 2003. – 200 с.
265. Рогов, А.И. Возникновение и развитие книгопечатания // Очерки русской культуры XVI века. Ч.2. / А.И. Рогов. – М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 262-278.
266. Розов, Н.Н. Книга в России в XV веке / Н.Н. Розов. – М.: Наука, 1981. – 152 с.
267. Розов, Н.Н. Книга древней Руси XI-XIV вв. / Н.Н. Розов. – М.: Книга, 1977. – 163 с.
268. Романовский Б.В.С метром по векам: научно-художественная книга. – М.: Дет. лит., 1985. – 142 с.
269. Ростовцев, Е.А. История книжного дела. Часть 2 / Е.А. Ростовцев. – СПб: Изд-во Политех. ун-та, 2009. – 115 с.
270. Ростовцев, Е.А. История книжного дела. Часть I / Е.А. Ростовцев. – СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2007. – 94 с.
271. Рубакин, А.Н. Рубакин (Лоцман книжного моря) / А.Н. Рубакин. – М.: Молодая гвардия, 1979. 204 с.
272. Рубакин, В.Ф. Иоганн Гутенберг // Отечественная история: История России с древнейших времён до 1917 года: энциклопедия. Т.3. / Сост.

В.М. Карев / В.Ф. Рубахин. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 437-440.

273. Рыбаков, Б.А. Из истории культуры Древней Руси: Исследования и заметки / Б.А. Рыбаков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 8-17.

274. Рыбаков, Б.А. Язычество древних славян / Б.А. Рыбаков. – М.: Вече, 1978. 446 с.

275. Савельева, И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного / И.М. Савельева. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 800 с.

276. Сапунов, Б.В. Книга в России в XI-XIII вв. / Б.В. Сапунов. – Л.: Наука, 1978. 242 с.

277. Свенцицкая, И.С. Тайные писания первых христиан / И.С. Свенцицкая. – М.: Наука, 1980. 340 с.

278. Сегень, А.Ю. Радетель о русском книгопечатании // Русский дом / А. Сегень. 2008. № 1. С. 18-22.

279. Семенников, В.П. Литературная и книгопечатная деятельность в провинции в конце XVIII и в начале XIX веков / В.П. Семенников // Русский библиофил. 1911. № 6-8. С.5-26.

280. Семеновкер, Б.А. Эволюция информационной деятельности. Бесписьменное общество / Б. А. Семеновкер. – М.: Пашков дом, 2008. 224 с.

281. Сидихменов, В.Я. Китай: страницы прошлого / В.Я. Сидихменов. – Смоленск: Русич, 2000. 464 с.

282. Сквернюков, П.Ф. Слово о бумаге / П.Ф. Сквернюков. – М.: Московский рабочий, 1980. 224 с.

283. Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича [Комментарии] // Библиотека литературы Древней Руси. Том 6. XIV – середина XV века / Л.А. Дмитриев. – СПб.: Наука, 1999. С. 547-549.

284. Слуховский, М.И. Библиотечное дело в России до XVIII века / М.И. Слуховский. – М.: Книга, 1968. 253 с.



285. Слуховский, М.И. Из истории книжной культуры России: старорусская книга в международных культурных связях / М.И. Слуховский. – М.: Просвещение, 1964. 243 с.
286. Слуховский, М.И. Русская библиотека XVI-XVII вв. / М.И. Слуховский. – М.: Книга, 1973. 231 с.
287. Соколов, Н., прот. Ветхий Завет: Курс лекций. Ч. 1 / Н. Соколов. – М.: Изд. ПСТБИ, 1998. 144 с.
288. Солонин Ю.Н., Каган М.С. Культурология. Учебник для ВУЗ М.: Высшее образование, 2007, 566 с.
289. Степанов, Ю.С. Проскурин, С.Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в период двоеверия / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1993. 158 с.
290. Столяров, Ю.Н. Истоки книжной культуры / Ю.Н. Столяров. – Челябинск: ЧГИК, 2017. – 500 с.
291. Столяров, Ю.Н. Мифы разных народов мира о ниспослании письменности / Ю.Н. Столяров // Научное и культурное взаимодействие на пространстве СНГ в контексте развития книгоиздания, книгообмена и науки о книге : материалы Международной научной конференции, Москва, 24-25 ноября 2014 г. : К 300-летию Библиотеки академии наук : в 2 ч. Ч. 1. – Москва : Наука ; Кн. культура, 2014. – С. 254-256.
292. Столярова, Л.В., Каштанов С.М. Книга в Древней Руси (XI-XVI вв.) / Л.В. Столярова, С.М. Каштанов. – М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2010. 429 с.
293. Струве, В.В. История Древнего Востока / В.В. Струве. – М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1941. 484 с.
294. Струве, В.В. История древнего Востока. Краткий курс / В.В. Струве. – М.: Соцэкгиз, 1934. 129 с.
295. Струве, В.В. Происхождение алфавита / В.В. Струве. – М.: УРСС, 2004. 70 с.

296. Суриков И.Е. История культура Древней Греции. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 400с.
297. Сусов И.П. История языкознания. – Тверь: Мир книги, 1999. – 354с.
298. Сущевский, А.Г. Формирование левантйской алфавитной системы в среде древнеегипетской писцовой пропедевтики / А.Г. Сущевский // Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2015. Вып. 4. – С. 14-28.
299. Тацит, К. Анналы. Малые произведения / Корнелий Тацит. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 505 с.
300. Тендрякова М.В. «В России надо жить по книге»: начальное обучение чтению и письму: становление учебной книги в XVI-XIX вв. / Ред. М.В. Тендрякова. – М.: Памятники исторической мысли, 2015. – 609 с.
301. Тилдесли Дж. Египет. Возвращение утерянной цивилизации / Дж. Тилдесли. – М.: СТОЛИЦА-ПРИНТ, 2007. 174 с.
302. Тимофеев И. Греческие острова и Афины. М.: Вокруг света, 2012, 340с.
303. Тихомиров, М.Н. Начало книгопечатания в России // У истоков русского книгопечатания / М.Н. Тихомиров. – М.: Изд. Академии наук СССР, 1959. С. 10-40.
304. Тищенко, П.Д. Книга как антропология // Общество и книга: от Гутенберга до Интернета / П.Д. Тищенко. – М.: Традиция, 2000. С. 185-194.
305. Тов, Э. Текстология Ветхого Завета / Э. Тов. – М.: ББИ, 2003. 424 с.
306. Токарев С.А. Религия в истории народов мира. - Изд. 3-е. испр. и доп. – М.: Политиздат, 1976. – 575 с.
307. Толстой Н.И. Славянская этнолингвистика. – М.: Вече, 2013. – 176 с.

308. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Изд-я группа «Прогресс» - «Культура». 1995. – 624 с.
309. Топоров В.Н. Первобытные представления о мире (общий взгляд) // Очерки истории естественно-научных знаний в древности. – М.: Наука, 1982. – С. 8-40.
310. Тресиддер, Дж. Словарь символов / Дж. Тресиддер. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 448 с.
311. Тронский И. М. Оксиринхская дидаскалия к тетралогии Эсхила о Данаидах М.: Просвещение, 1957. 400с.
312. Тураев, Б.А. Древний Египет / Б.А. Тураев. – СПб.: Летний сад, 2000. 250 с.
313. Тураев, Б.А. История Древнего Востока. Т.1 / Б.А. Тураев. – Л.: Соцэкгиз, 1935. – 512 с.
314. Тураев, Б.А. Тот, древнеегипетский бог // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Т. 82. / Б.А. Тураев. – СПб.: Энциклопедия, 2007. – С. 171-186.
315. Тюличев, Д.В. Книгоиздательская деятельность Петербургской Академии наук и Ломоносов / Д.В. Тюличев. – Л.: Наука, 1988. 279 с.
316. Успенский Б.А. Избранные труды. – Т. II. Язык и культура. – М.: Изд-во «Гнозис», 1994. – 688 с.
317. Успенский Б.А. Избранные труды. – Том I. Семиотика истории. Семиотика культуры. – М.: Изд-во «Гнозис», 1994. – 432 с.
318. Учреждающая дискурсивность Михаила Петрова: Интеллектуал в интерьере культурного капитала : моногр. / [В. П. Римский и др.] Под ред. В.П. Римского. – Москва: КАНОН+, 2017. – 456 с.
319. Фаминцын, А.С. Божества древних славян / А.С. Фаминцын. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. 736 с.

320. Флуг, К.К. История китайской печатной книги Сунской эпохи X-XIII вв. / К.К. Флуг. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 400 с.
321. Фрейденберг ОМ. Миф и литература древности. – М.: Наука, 1978. – 605 с.
322. Фролов Э.Д. Греция в эпоху поздней классики: Общество. Личность. Власть. СПб.: Вече, 2002, 300с.
323. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: А-еад, 1994. – 406 с.
324. Функе, Ф. Книговедение: Исторический обзор книжного дела / Ф. Функе. – М.: Высш. школа, 1982. 296 с.
325. Хаммонд Н. История Древней Греции М.: Наука, 1986, 156с.
326. Харламов, В.И. К вопросу об истории книги как историко-культурной дисциплине // Книга. Исслед. и материалы. Сб. 53. / В.И. Харламов. – М.: Книга, 1986. – С. 43-52.
327. Херрманн Й. История человечества Том III VII век до н. э. – VII век н.э. М.: 2003, 120с.
328. Хрестоматия по истории книги. Ч. 1 / Сост. Т.Г. Куприянова, О.В. Андреева. М.: Изд МГУП, 1995. 136 с.
329. Церетели Г.Ф. Архивы классической древности (Греция и Рим) // Архивные курсы. История архивного дела классической древности в Западной Европе и на масульманском Востоке. М.: Наука, 1967, 300с.
330. Черный, В.Д. Искусство средневековой Руси. Уч. пос. / В.Д. Черый. – М: ВЛАДОС, 1997. 432 с.
331. Черняк, А.Я. История книги как наука: (Опыт конструирования научной дисциплины) // Книга. Исслед. и материалы. Сб. 59. / А.Я. Черняк. – М.: Книга, 1989. С. 47-60.
332. Числобог // Русские легенды и предания / Е.А. Грушко, Ю.М. Медведев. – М.: ЭКСМО, 2004. С. 635.

333. Чувиллин И. Школярство сквозь века и страны // История педагогики Сост. : И. Чувиллин. – М., 2001. – №4. – С. 7-9.
334. Чудов С. Об истории изобретения и распространения бумаги // Компьюарт Сост. Дубин Н. 2001. – С.-12
335. Швецова-Водка, Г.Н. Функциональная сущность и свойства книги / Г.Н. Швецова-Водка // Книга: исследования и материалы. Сб. 71. – М.: Terra, 1995. – С. 69-96.
336. Шелестюк Е.В. О лингвистическом исследовании символа (обзор литературы) // Вопросы языкознания. 1997. №4. - С. 125-142.
337. Шинкаренко, В.Д. Смысловая структура социокультурного пространства: Миф и сказка / В.Д. Шинкаренко. – М.: КомКнига, 2005. – 208 с.
338. Шифман, И.Ш. Ветхий завет и его мир / И.Ш. Шифман. – М.: Политиздат, 1987. 239 с.
339. Шифман, И.Ш. Финикийский язык / И.Ш. Шифман. – М.: Наука, 1963. 300 с.
340. Шицгал, А.Г. Русский типографский шрифт / А.Г. Шицгал. – М.: Книга, 1985. 256 с.
341. Шлюмберже Д. Эллинизированный Восток М.: Высшая школа, 1985. 300с.
342. Шустер, Г. История тайных союзов, обществ и орденов / Г. Шустер. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 466 с.
343. Эко, У. Имя розы: роман / У. Эко. – М.: Астрель, 2011. – 672 с.
344. Эко, У. От Интернета к Гуттенбергу / У. Эко // Эл. ресурс. URL: <http://spectator.ru/texts/frominternet>.
345. Элиаде М. Аспекты мифа. – М.: Академ. Проект, 2000. – 222 с.
346. Элиаде М. Космос и история. – М.: Прогресс, 1987. – 312 с.
347. Эскарпи, Р. Революция в мире книг / Р. Эскарпи. – М.: Книга, 1972. – 127 с.

348. Эфросман А.М. История календаря и хронология. К вопросу о происхождении нашего летоисчисления. – М.: Наука, 1984. – 278 с.
349. Якерсон, С.М. Еврейская рукописная и первопечатная книга XV вв. как историко-культурный источник. Дисс. на соискание уч. ст. доктора исторических наук / С.М. Якерсон. – СПб., 2005. – 461 с.
350. Brunner H. Die Texte aus den Grabern der Herakleopolitenzeit von Siut / H. Brunner. – Glucktadt, 1937. – 156 s.
351. Capart J. The name of the scribe of the Louvre / J. Capart // JEA. – Vol. 7. – 1921. – P. 181-197.
352. Carr N. Is Google making us stupid? // Atlantic Monthly / N. Carr. – 2008. – Vol. 32, № 1. – P. 61-67.
353. Griffith Fr. Stories of the High-Priests of Memphis / Fr. Griffith. – Oxford, 1900. – 232 p.
354. Lange Hans-Otto, Neugebauer O. Papyrus Carlsberg No. 1 Ein hieratisch-demotischer kosmologischer text / H. Lange, O. Neugebauer. – Kopenhagen: Munksgaard, 1940. – 112 s.
355. Hupp O. Die Prufeninger Weihinschrift vom Jahr 1119 // Studien aus Kunst und Geschichte. – Freiburg, 1906. – S. 180-221.
356. Leben und Werk deutscher Buchhandler / Hrsg. Von K. H. Kalhofer. – Leipzig, 1965. – 234 s.
357. Love J. Reading fast and slow // American Scholar / J. Love. – 2012. – Vol. 81, № 2. – P. 64-72.
358. Lyons M. The history of reading from Gutenberg to Gates / M. Lyons // The European Legacy. – 1999. – Vol. 4, № 5. – P. 50-57.
359. Mumby F. Publishing and bookselling. A history from the earliest times to the present day. 4-e ed. / F. Mumby. – London, 1956. – 456 p.
360. Peters T. The future of reading // Library Journal / T. Peters. – 2009. – Vol.134, №18. P. 18-22.

361. Two hieroglyphic papyri from Tanis / J. Brested. – London, 1889. – 72 p.
362. Wustefeld F. Makrizi's Geschichte der Kopten / F. Wustefeld. – Gottingen, 1845. – 88 s.
363. Wurthwein E. The Text of the Old Testament: An Introduction to the Biblia Hebraica / E. Wurthwein. – Wm. B. Eerdmans Publishing Co, 1994. – 624 p.
364. Calzolari V., Stone M. Armenian Philology in the Modern Era: From Manuscript to Digital Text / V. Calzolari, M. Stone. – BRILL, 2014. – 264 p.